

ЖУРНАЛ
МОСКОВСКОЙ
ПАТРИАРХИИ

3

1962

ЖУРНАЛ
МОСКОВСКОЙ
ПАТРИАРХИИ

М А Р Т

ИЗДАНИЕ МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ

МОСКВА 1962

СОДЕРЖАНИЕ

ЦЕРКОВНАЯ ЖИЗНЬ

Служения Святейшего Патриарха Алексия	5
<i>И. Хибарин.</i> Тезоименитство Святейшего Патриарха Алексия	5
Поздравления, полученные Святейшим Патриархом Алексием к 17-й годовщине его интронизации, ко дню 60-летия священнослужения и ко дню Тезоименитства	7
К избранию нового Предстоятеля Элладской Церкви	8
Обмен телеграммами между Патриархом Румынским Юстинианом и Святейшим Патриархом Алексием	9
Ответ пастора М. Нимеллера на поздравление Святейшего Патриарха Алексия со днем 70-летия	9
Указы Святейшего Патриарха Алексия о награждении архиереев	10
Определения Священного Синода	11
Наречение и хиротония архимандрита Филарета (Денисенко)	11
<i>И. Хибарин.</i> Епископ Пекинский Василий (Некролог)	16
<i>Свящ. Н. Ведерников.</i> Поучение в неделю о блудном сыне	18
Из жизни Костромской епархии	20
Вечная память почившим!	21

В ЗАЩИТУ МИРА

<i>Свящ. А. Мень.</i> Расизм перед судом христианства	22
Сообщение о заседании Рабочего Комитета Пражской Христианской Конференции в защиту мира в Будапеште 21—22 февраля 1962 года	27

ИЗ ЖИЗНИ АВТОКЕФАЛЬНЫХ ПРАВОСЛАВНЫХ ЦЕРКВЕЙ

<i>П. Кутепов.</i> Св. Савва — первый Архиепископ Сербский	29
--	----

ЭКУМЕНИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

<i>Е. Загряжкина.</i> Подготовка к IV Всемирной Конференции «Вера и Устройство»	36
---	----

СТАТЬИ

<i>Прот. А. Ветелев.</i> Гефсиманская молитва Спасителя	38
Мысли епископа Феофана-Затворника о покаянии	46
<i>Д. Б-ий.</i> Вход Господень в Иерусалим	48
<i>Прот. П. Гнедич.</i> Путь жизни	59
<i>Прот. И. Потапов.</i> О воскресных евангельских чтениях за Божественной литургией (<i>Окончание</i>)	63
<i>В. Галин.</i> Духовно-учебная деятельность Святейшего Патриарха Алексия	71

БИБЛИОГРАФИЯ

<i>Свящ. А. Мень.</i> Эрнест Райт. Библейская археология (Рецензия)	77
---	----

**СВЯТЕЙШИЙ ПАТРИАРХ МОСКОВСКИЙ И ВСЕЯ РУСИ
АЛЕКСИЙ**

(к 60-летию служения в священном сане)

ЦЕРКОВНАЯ ЖИЗНЬ

СЛУЖЕНИЯ СВЯТЕЙШЕГО ПАТРИАРХА АЛЕКСИЯ

ЯНВАРЬ 1962 ГОДА

6 января (24 декабря 1961 года). Навечерие Рождества Христова. Святейший Патриарх Алексей молился в Богоявленском патриаршем соборе за Божественной литургией и вечерней, по окончании которых выходил на прославление Родившегося Богомладенца Христа.

7 января (25 декабря). Рождество Христово. Святейший Патриарх Алексей в Богоявленском патриаршем соборе совершал праздничную утреню и Божественную литургию в сослужении митрополита Крутицкого и Коломенского Питирима и митрополита Антония (Кротевича).

13 января (31 декабря). Святейший Патриарх Алексей в Патриарших покоях Троице-Сергиевой Лавры совершил наречение архимандрита Леонтия (Гудимова) во епископа Подольского при участии митрополитов: Киевского и Галицкого Иоанна, Крутицкого и Коломенского Питирима, Ленинградского и Ладожского Пимена, архиепископа Ярославского и Ростовского Никодима и епископов: Казанского и Марийского Михаила, Харьковского и Богодуховского Нестора и Дмитровского Киприана.

Неделя по Рождестве Христовом, 14 (1) января. Святейший Патриарх Алексей совершил Божественную литургию в Трапезном храме Троице-Сергиевой Лавры в сослужении митрополитов: Киевского и Галицкого Иоанна, Ленинградского и Ладожского Пимена, архиепископа Ярославского и Ростовского Никодима, епископов: Казанского и Марийского Михаила, Харьковского и Богодуховского Нестора, Сергиевского Василия (Самаха), Дмитровского Киприана и Таллинского и Эстонского Алексия. За Божественной литургией хиротонисан во епископа Подольского архимандрит Леонтий (Гудимов).

19 (6) января. Крещение Господне. Святейший Патриарх Алексей совершал в навечерие праздника великое освящение воды в Богоявленском патриаршем соборе и там же всенощное бдение, а в самый день праздника — Божественную литургию в сослужении митрополита Антония (Кротевича) и епископа Леонтия (Гудимова).

ТЕЗОИМЕНИТСТВО СВЯТЕЙШЕГО ПАТРИАРХА АЛЕКСИЯ

Святейший Патриарх Алексей праздновал ныне день своего Ангела в шестидесятый раз — в текущем году исполняется 60 лет со дня принятия им иноческого пострига вместе с именем Алексей в честь св. митрополита Алексия, преемником которого по Московской и Всероссийской кафедре он является уже восемнадцатый год.

Св. митрополит Алексей возглавлял (с 1354 по 1378 г.) Русскую Православную Церковь в очень тревожную и ответственную эпоху в истории Русского государства и Русской Церкви. Тогдашняя Русь, хотя и оправившаяся от татарского погрома и уже значительно окрепшая, все еще находилась под тягостным ордынским игом, страдала от княжеских междоусобиц и постоянно подвергалась нападениям со стороны враждебных соседей. Такое положение государства не могло, конечно, не отражаться и на положении Церкви. И много пришлось потрудиться Святителю Алексию в трудных условиях той тяжелой исторической години. Заслуги его перед Русской Церковью и страной огромны, их достойно оценила история.

Наше время коренным образом отлично от той эпохи. Наша страна сейчас уже не похожа на Русь времен Святителя Алексея. Но каждая эпоха выдвигает свои проблемы, ставит те или другие важные, жизненные задачи. Приснопамятный Святитель Алексей много положил труда на охранение единства Русской Церкви и проявил немало забот о духовном просвещении паствы. Ныне здравствующий его преемник Святейший Патриарх Алексей много времени, сил и забот отдает делу христианского единства. С автокефальными православными церквами-сестрами поддерживаются и все более крепнут самые тесные братские отношения, выразившиеся в неоднократных посещениях Русской Церкви главами и представителями автокефальных православных церквей, а также в паломничествах Святейшего Патриарха Алексея к святым местам Востока и участии Русской Церкви на Родосском Всеправославном Совещании. Установлены также контакты как с древними восточными церквами — Армянской, Коптской, Эфиопской, Яковитской и другими, — так и с различными западными религиозными деноминациями, завершившиеся вхождением Русской Православной Церкви во Всемирный Совет Церквей. Неустанно заботится Святейший Патриарх Алексей и о возрожденной русской духовной школе и об издании богослужебных книг; по его инициативе вышло новое издание Святой Библии в русском переводе.

Приснопамятный Святитель Алексей в свое время многое делал для водворения и сохранения мира на Русской земле, предотвращая как внутренние княжеские усобицы, так и набеги со стороны Орды. И Святейший Патриарх Алексей за все годы своего предстоятельства в Русской Церкви не перестает активно участвовать в благородном деле борьбы за мир во всем мире: это находит отражение в его проповедях, посланиях, обращениях, публичных выступлениях и в посылке делегаций от Русской Православной Церкви на международные конгрессы и конференции в защиту мира; по его инициативе была создана в 1952 году Конференция всех церквей и религиозных объединений в СССР, посвященная делу защиты мира.

Все эти сопоставления естественно возникают в день памяти Святителя Алексея — день, который является днем Тезоименитства Святейшего Патриарха Алексея.

*
* *

Вечером, в канун этого знаменательного для Русской Церкви дня, в московском Богоявленском патриаршем кафедральном соборе Святейший Патриарх Алексей совершил торжественное всенощное бдение в сослужении сонма архиереев и иереев.

Утром в самый день праздника еще до начала поздней литургии верующие наполнили обширный патриарший собор. Божественную литургию совершал Святейший Патриарх Алексей; как и накануне, ему сослужил сонм архиереев и священнослужителей в иерейском сане.

По окончании Божественной литургии Святейший Патриарх Алексий возглавил совершение праздничного молебствия.

Многочисленное духовенство, прибывшее поздравить своего Первосвятого со днем Ангела, присоединилось к собору служащих архиереев и иереев.

Поклонившись святым мощам Угодника Божия — Святого Алексия, митрополита Московского и всея Руси, Патриарх Алексий обратился к молящимся с кратким словом, в котором поблагодарил их за молитвы о нем и поздравил с праздником, призывая на них благословение Божие и поручая их заступничеству Божией Матери и молитвам Святого Алексия.

На обращение Святейшего Патриарха молящиеся отвечали тысячекратным сердечным «Спаси, Господи!»

Так Святейший Патриарх Алексий отпраздновал день своего Ангела в молитвенном единении со всеми своими духовными чадами.

Да дарует Небесный Пастыреначальник, Господь наш Иисус Христос, Первосвятому Русской Православной Церкви — нашему дорогому юбиляру, Святейшему Патриарху Алексию долгих лет жизни и многоплодного служения на благо Русской Православной Церкви и всего Православия, а также на великое дело христианского единения для укрепления мира во всем мире!

И. Хибарин

**ПОЗДРАВЛЕНИЯ,
ПОЛУЧЕННЫЕ СЯТЕЙШИМ ПАТРИАРХОМ
А Л Е К С И Е М
К 17-й ГОДОВЩИНЕ ЕГО ИНТРОНИЗАЦИИ,
КО ДНЮ 60-ЛЕТИЯ СВЯЩЕННОСЛУЖЕНИЯ
И КО ДНЮ ТЕЗОИМЕНИТСТВА**

В феврале текущего года Русская Православная Церковь отмечала три знаменательных события, связанные с жизнью и деятельностью ее Предстоятеля — Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия.

4 февраля исполнилось семнадцать лет со дня интронизации Святейшего Патриарха Алексия после избрания его на патриарший престол.

22 февраля исполнилось шестьдесят лет со дня его пострижения в иноческий чин.

25 февраля — в день памяти Святого Алексия, Митрополита Московского и всея России, чудотворца, — вся российская паства отмечала день тезоименитства Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия.

По случаю всех этих памятных дат Первоиерарх Русской Православной Церкви Святейший Патриарх Алексий получил много поздравлений от разных лиц и из разных стран.

Ему прислали поздравления Предстоятели Автокефальных Православных Церквей, многие иерархи этих Церквей, а также архиереи Русской Православной Церкви (в СССР и за границей), начальник Русской духовной миссии в Иерусалиме, благочинные и настоятели наших заграничных подворий и приходов, деятели инославных исповеданий и многие другие лица.

Не имея возможности ответить на все полученные приветствия, Святейший Патриарх Алексий прислал для помещения на страницах «Журнала Московской Патриархии» нижеследующий ответ поздравившим его лицам:

В РЕДАКЦИЮ «ЖУРНАЛА МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ»

Выражаю мою сердечную благодарность приславшим мне приветствие ко дню шестидесятилетия моего священнослужения, а также в день моего Ангела 25 февраля. Всем с любовью призываю Божие благословение.

ПАТРИАРХ АЛЕКСИИ

26 февраля 1962 года

К избранию нового Предстоятеля Элладской Церкви

**ЕГО СВЯТЕЙШЕСТВУ АЛЕКСИЮ,
ПАТРИАРХУ МОСКОВСКОМУ И ВСЕЯ РУСИ**

Священный Синод иерархии Элладской Церкви 14 февраля избрал путем канонического голосования Архиепископом Афинским и всея Эллады Преосвященного митрополита Филиппийского, Неаполитского и Фасосского Хризостома.

Сообщая об этом Вашему Святейшеству с радостью и великой любовью, испрашиваем Ваших братских молитв за Святую Элладскую Церковь и за успешное прохождение вновь избранным Архиепископом первосвятительского служения.

**Местоблюститель Германос,
митрополит Мантинийский и Кинурийский**

Афины,
16 февраля 1962 года

**БЛАЖЕННЕЙШЕМУ ХРИЗОСТОМУ,
АРХИЕПИСКОПУ АФИНСКОМУ И ВСЕЯ ЭЛЛАДЫ**

Сердечно приветствую Ваше Блаженство со вступлением на Архиепископский Афинский престол. Молитвенно желаю Вашему Блаженству помощи Божией и успеха в первосвятительских трудах на благо Святой Элладской Церкви и в укреплении традиционных братских отношений между нашими Церквами.

С братской во Христе любовью

АЛЕКСИИ, ПАТРИАРХ МОСКОВСКИЙ И ВСЕЯ РУСИ

22 февраля 1962 года

**БЛАЖЕННЕЙШЕМУ ХРИЗОСТОМУ,
АРХИЕПИСКОПУ АФИНСКОМУ И ВСЕЯ ЭЛЛАДЫ**

Ваше Блаженство, Блаженнейший Владыко, приветствую Вас во Христе Иисусе, Пастыреначальнике нашем, благоволившем поставить Вашу Святыню право править слово своей Истины в Церкви древней Эллады.

Ваш памятный для всей Православной Полноты труд на Всеправославном Родосском Совещании способствовал укреплению братства

всех православных Поместных Церквей, и я молитвенно желаю, чтобы Господь даровал Вам благодатную помощь в долготу дней служить Ему на радость Вашей паствы и на благо Единой, Святой, Соборной и Апостольской Церкви.

Вашего Блаженства меньший во Христе брат

архиепископ **Никодим**

22 февраля 1962 года

Обмен телеграммами

БЛАЖЕННЕЙШЕМУ ЮСТИНИАНУ, ПАТРИАРХУ ВСЕЯ РУМЫНИИ

Братски приветствую Ваше возлюбленное Блаженство по случаю дня рождения. Да хранит Господь Ваше Блаженство в крепости сил на многая лета во славу Святого Православия и на благо и процветание Церкви Вашей.

С неизменной во Христе любовью лобызаю Вашу Святыню и пребываю преданный Вам о Христе

АЛЕКСИЙ, ПАТРИАРХ МОСКОВСКИЙ И ВСЕЯ РУСИ

22 февраля 1962 года

**ЕГО СВЯТЕЙШЕСТВУ
ПАТРИАРХУ МОСКОВСКОМУ И ВСЕЯ РУСИ АЛЕКСИЮ**

Тронут братским вниманием Вашего Святейшества и от души благодарю за благожелательное поздравление по случаю дня нашего рождения.

Пользуюсь счастливой возможностью, чтобы выразить Вашему Святейшеству ко дню Вашего Тезоименитства наши самые сердечные пожелания здоровья и долголетия. Молитвенно желаю Вашему Святейшеству небесных благ.

**Юстиниан,
Патриарх всея Румынии**

Бухарест,
24 февраля 1962 года

Благодарность пастора М. Нимеллера

**ЕГО СВЯТЕЙШЕСТВУ
ГОСПОДИНУ ПАТРИАРХУ МОСКОВСКОМУ И ВСЕЯ РУСИ
АЛЕКСИЮ**

Высокочтимый Господин Патриарх! Возлюбленный брат о Господе нашем Иисусе Христе!

Одним из самых радостных событий в день моего рождения было получение поздравительного письма от Вас. Оно живо напомнило мне о Вашем дружеском отношении и Вашей братской любви.

Нашему Отцу Небесному было угодно, чтобы я еще некоторое время потрудился на этой земле. Далеко не с радостью и удовольствием принял я возложенное на меня бремя, но с полной неуверенностью в своих силах и с молитвой. Теперь я хочу выполнять это служение без ропота, в надежде на молитвы братьев и на заповедь Господа нашего Иисуса Христа.

К числу самых радостных для меня событий в минувшем году принадлежит вступление Русской Православной Церкви во Всемирный Совет Церквей на Ассамблее в Нью-Дели. Обстановка, в которой это произошло, и поведение представителей Русской Православной Церкви на этой Ассамблее исполнили мое сердце благодарностью и великой надеждой на будущие пути общины Иисуса в этом мире.

С самым сердечным и почтительным приветом остаюсь с братской любовью всецело преданный Вам

Мартин Нимеллер

Висбаден,
26 января 1962 года

У К А З Ы

Святейшего Патриарха Московского и всея Руси

А Л Е К С И Я

от 12 (25) февраля 1962 года

**ПРЕОСВЯЩЕННОМУ АРХИЕПИСКОПУ КУЙБЫШЕВСКОМУ
МАНУИЛУ**

Во внимание к исполнившемуся пятидесятилетию служения Вашего Святой Церкви в священном сане, — Ваше Преосвященство удостоивается возведения в сан **митрополита**.

**ПРЕОСВЯЩЕННОМУ АРХИЕПИСКОПУ СТАВРОПОЛЬСКОМУ
АНТОНИЮ**

Во внимание к исполнившемуся пятидесятилетию служения Вашего Святой Церкви в священном сане, — Ваше Преосвященство удостоивается возведения в сан **митрополита**.

**ПРЕОСВЯЩЕННОМУ АРХИЕПИСКОПУ РЯЗАНСКОМУ
НИКОЛАЮ**

Во внимание к исполнившемуся пятидесятилетию служения Вашего Святой Церкви в священном сане, — Ваше Преосвященство удостоивается права ношения **Креста на клобуке**.

**ПРЕОСВЯЩЕННОМУ АРХИЕПИСКОПУ МИНСКОМУ
ВАРЛААМУ**

Во внимание к исполнившемуся сорокалетию служения Вашего Святой Церкви в священном сане, — Ваше Преосвященство удостоивается права ношения **Креста на клобуке**.

**ПРЕОСВЯЩЕННОМУ ЕПИСКОПУ ПСКОВСКОМУ
ИОАННУ**

Во внимание к усердному служению Вашему Церкви Божией на разных послушаниях в течение свыше сорока лет, — Ваше Преосвященство удостоивается возведения в сан **архиепископа**.

ОПРЕДЕЛЕНИЯ СВЯЩЕННОГО СИНОДА

Священный Синод под председательством Святейшего Патриарха АЛЕКСИЯ в заседании 28 декабря 1961 года, заслушав доклад главы делегации Русской Православной Церкви на Всеправославном Совещании на о. Родосе (24—30 сентября 1961 года) — архиепископа Ярославского и Ростовского **Никодима** о ходе работы Совещания, его результатах и об участии в нем представителей Русской Церкви, — постановил:

1. Одобрить работу, проделанную делегацией Русской Православной Церкви на Всеправославном Совещании;

2. Одобрить перечень тем будущего Предсобора, разработанный Всеправославным Совещанием;

3. Отметить как положительный факт включение в повестку дня будущего Предсобора всех тем, предложенных Русской Православной Церковью;

4. Создать специальную богословскую комиссию для разработки вопросов, включенных в перечень тем будущего Предсобора;

5. Опубликовать материалы Совещания в «Журнале Московской Патриархии».

*
* * *

Священный Синод под председательством Святейшего Патриарха АЛЕКСИЯ в заседании 28 декабря 1961 года, заслушав доклад главы делегации Русской Православной Церкви на III Ассамблее Всемирного Совета Церквей в Нью-Дели (19 ноября — 5 декабря 1961 года) — архиепископа Ярославского и Ростовского **Никодима** о ходе работы Ассамблеи, ее результатах и об участии в ней представителей Русской Церкви, — постановил:

1. Одобрить работу, проделанную делегацией Русской Православной Церкви на III Ассамблее Всемирного Совета Церквей;

2. Принять к сведению основные документы Ассамблеи;

3. Поручить Отделу Внешних Церковных Сношений Московской Патриархии обратить особое внимание на экуменическую работу, дабы Русская Православная Церковь могла внести достойный ее конструктивный вклад в дело сближения между христианами, в дело расширения братства и дружбы между народами;

4. Поручить председателю Отдела Внешних Церковных Сношений Московской Патриархии архиепископу Ярославскому и Ростовскому **Никодиму** систематически докладывать Священному Синоду о деятельности Всемирного Совета Церквей и задачах Русской Православной Церкви в экуменической области;

5. Опубликовать в «Журнале Московской Патриархии» основные документы Ассамблеи, а также материалы, имеющие практическое значение для Русской Православной Церкви.

НАРЕЧЕНИЕ И ХИРОТОНΙΑ АРХИМАНДРИТА ФИЛАРЕТА (ДЕНИСЕНКО)

В субботу 3 февраля 1962 года в Николо-Богоявленском кафедральном соборе Ленинграда состоялось наречение архимандрита Филарета (Денисенко) во епископа Лужского, викария Ленинградской епархии.

Чин наречения совершали: митрополит Ленинградский и Ладужский Пимен, архиепископ Ярославский и Ростовский Никодим, епископ

Казанский и Марийский Михаил (Воскресенский), епископ Тамбовский и Мичуринский Михаил (Чуб), епископ Новгородский и Старорусский Сергей, епископ Дмитровский Киприан и епископ Костромской и Галичский Никодим.

ФИЛАРЕТ,
ЕПИСКОП ЛУЖСКИЙ

При наречении во епископа архимандрит Филарет произнес следующую речь:

«Ваши Преосвященства, богомудрые архипастыри и отцы! В избрании меня епископом я усматриваю действие Промысла Божия и потому приемлю это призвание. Я молюсь, чтобы Господь мой и Судия, Которому известны мои немощи и грехи, Своею Божественной благодатью исцелил мое сокрушенное сердце и сподобил без порока священнодействовать, управлять, проливать свет вечно живой и неизменной Божественной истины верным чадам нашей Церкви, дабы они прославляли Отца нашего, Который на небесах. Господь избирает на великое служение Церкви не только «мужей сильных... мужей праведных» (Исх. 18, 21), но и немощных, чтобы полнее явить богатство благодати Своей. Я не принадлежу к числу этих «мужей сильных и праведных», о которых говорит Священное Писание, но Господь, по Своей неизреченной милости, сподобил меня быть в тех местах, где ступали Его пречистые ноги, лобызать тот камень, на котором было положено Его

Божественное тело, снятое с креста, преклонять колена пред Гробом, из которого воссиял Свет Его Воскресения и озарил вселенную надеждой вечной жизни.

Вместе со всей Церковью я твердо верю, что от Бога «стопы человеку исправляются» (Псал. 36, 23), что «никто же сам себе приемлет честь, но званый от Бога, якоже и Аарон» (Евр. 5, 4), что Сам Господь благодатию Святого Духа поставляет избранных на епископское служение.

Внешнее положение епископов Церкви в различные исторические времена было различным. Однако оно всегда было, есть и будет «служением примирения» (2 Кор. 5, 18). Епископ получает власть не для того, чтобы властвовать над народом Божиим и превозноситься над другими. Апостол Павел говорит, что «сокровище это», то есть епископскую благодать, «мы носим в скудельных сосудах» (2 Кор. 4, 7), и тем самым указывает не только на немощи нашего бренного тела, на нашу нравственно несовершенную природу, но и на внешнее наше положение, на «уничуждение» ради спасения мира.

Быть епископом — значит жить жизнью паствы, скорбеть и радоваться вместе с нею. Апостолы имели все основания «явиться со всею важностью» своего апостольского достоинства, но они предпочитали «быть тихими» среди своей паствы, «подобно, как кормилица нежно обращается с детьми своими» (1 Сол. 2, 7). Епископ архиерейским жезлом, как символом власти, может водворить лишь внешний порядок, но Царствие Божие в сердцах пасомых можно насадить только самоотвержением и самоуничуждением, молитвами и слезами, духовным подвигом и постоянным распятием себя ради пасомых. В обязанность епископа входит не только проповедовать Царствие Божие, но и делать все возможное для устройства его на земле, ибо оно начинается здесь, а простирается до небес, начинается во времени, а простирается в вечность.

Апостол Павел говорит: «мы нищи, но многих обогащаем, мы ничего не имеем, но всем обладаем» (2 Кор. 6, 10). Управлять людьми и тем самым способствовать устройению Царствия Божия очень трудно, поэтому св. Григорий Богослов говорит: «это есть искусство из искусств и наука из наук».

Если говорить образно, то епископское служение подобно розам, на которых, кроме красивых цветов с приятным запахом и листьев, скрываются шипы. И в жизни епископа среди духовных радостей бывают скорби и печали. Но взявшийся «за рало» не должен озираться вспять, иначе он не будет «управлен в Царствии Божии».

Я молю Господа нашего Иисуса Христа и прошу вас, святители Божии, вознести свои святые молитвы, чтобы не напрасен был мой труд на предстоящем епископском поприще и чтобы в день праведного Своего воздаяния Господь сподобил меня чести верных Своих служителей».

*
* * *

Архимандрит Филарет был хиротонисан во епископа Лужского, викария Ленинградской епархии, в воскресенье 4 февраля 1962 года за Божественной литургией в Николо-Богоявленском кафедральном соборе Ленинграда. Хиротонию совершали: митрополит Ленинградский и Ладожский Пимен, архиепископ Ярославский и Ростовский Никодим, епископ Казанский и Марийский Михаил (Воскресенский), епископ Тамбовский и Мичуринский Михаил (Чуб), епископ Новгородский и Старорусский Сергей, епископ Дмитровский Киприан и епископ Костромской и Галичский Никодим.

При вручении новопоставленному епископу архиерейского жезла митрополит Пимен обратился к нему с нижеследующим словом:

«Возлюбленный о Господе брат, Преосвященный епископ Филарет! Ныне ты, содействующу Святому Духу, чрез возложение архиерейских рук, восприял епископскую благодать и приобщился к сонму архиереев Русской Православной Церкви. Для участия в твоей хиротонии собрались сюда с разных мест нашей необъятной земли архиереи, которые в своих епархиях осуществляют свои архиерейские труды под покровом и водительством Преподобной Владычицы нашей Богородицы и многих подвижников благочестия, святых угодников Божиих, просиявших подвигами в тех краях и весях. Прибыв в наш град, эти архиереи как бы засвидетельствовали пред тобою, что они не только сами будут отныне твоими молитвенниками, но что и подвижники благочестия их епархий будут ходатаями о тебе пред престолом Бога Живаго!

Итак, сегодня ты приобрел себе целый сонм молитвенников о тебе — великих подвижников благочестия и праведников, сияющих своими трудами и подвигами, как звезды на тверди небесной.

Когда наша мысль уносится в молитве к обителям небесным, где в торжестве своей славы ликуют наши ходатаи и заступники, то мы представляем себе славные образы Святителей Московских Петра, Алексия, Иоаны, Филиппа и Ермогена, писателя житий Святителя Димитрия Ростовского, Святителя и Чудотворца Никиты, своими молитвами и подвигами озарившего земли Новгородские, и других угодников Божиих, просиявших в Новгороде, Святителей Христовых Гурия, Варсонофия и Германа Казанских, плодотворно потрудившихся в деле распространения и защиты Святого Православия в землях иноверческих, славного сподвижника Сергиева преподобного Геннадия Люблинского-Костромского, Чудотворца, своими подвигами просиявшего в приволжских лесах и делях, великого печальника земли Русской и покровителя града сего, благоверного князя Александра Невского, и покровителя сего собора, Святителя Мир Ликийских Николая, и особенно близкого каждому верующему русскому сердцу усердного ходатая и молитвенника о всех нас пред Богом — Преподобного аввы Сергия Радонежского.

Превыше же всего вселяет в нас пламенное волнение и радость сознание того, что и Сама Преподобная Владычица Богоматерь является постоянной помощницей и ходатаицей за нас, скромных делателей на ниве церковной, сияя во многих градах и весях верным через свои чтимые иконы и озаряя наш жизненный путь благодатью и милосердием.

Глава нашей Русской Православной Церкви Святейший Патриарх Алексий через архиереев, прибывших из Москвы, засвидетельствовал тебе о своих молитвах и первосвятительском благословении на новый твой путь и труды в архиерейском делании.

Вот сколько утешительных для тебя мыслей привезли с собой наши гости, Преосвященные архиереи, подъявшие труд прибыть в наш град и участвовать в твоей хиротонии!

Получив ныне чрез хиротонию архиерейскую благодать, ты должен постоянно памятовать о том, что теперь ты призван вступить на новый и малоизвестный для тебя путь архиерейского служения.

Теперь ты избран и хиротонисан для того, чтобы принять на себя великое попечительство в деле служения Церкви, чтобы пасти Церковь Христову, которую освятил Пресладчайший наш Спаситель Христос честною и пресвятою Своею Кровию.

Теперь ты призван несленно назирать Христово словесное стадо порученной тебе епархии, образом самого себя во всякой добродетели верно показуя.

Должен свято блюсти ты свой архиерейский сан, имея неусыпное послушание нашей Церкви и ее Предстоятелю Святейшему Патриарху, как ты и обещался пред всеми в твоём исповедании, да не истязан будешь от Господа Бога за презорство и нерадение о врученной тебе пастве.

А посему совершенствуй себя молитвой и постом, будь добрым строителем таин Божиих, имей во всем воздержание, блюди себя от всякого зла и неустанно помни священные слова: «Тако да просветится свет твой пред человеки, яко да видят добрая дела твоя и прославят Отца нашего, Иже есть на небесех».

Не скрою от тебя, что мне было особенно приятно принимать участие в твоей хиротонии. Возлагая руки на твою главу, я живо вспоминал о том, что ты производишь из славной семьи насельников Лавры Сергиевой, в ее стенах ты прожил много времени, духовно окормляясь подвигами благочестивых и преподобных обитателей тех мест и их молитвами. В стенах Лавры Сергиевой ты окончил духовную академию и, состоя в братстве Лавры, возносил свои молитвы пред св. мощами Преподобного Сергия Радонежского, одновременно совершенствуя себя на преподавательском поприще в Московской духовной академии и семинарии. Это было в те времена, когда Господь привел мне быть наместником славной обители Сергиевой. Я твердо верю, что и на твоём новом, архипастырском пути Преподобный Сергий Радонежский будет твоим ходатаем и молитвенником, незримо оказывая тебе помощь в твоих архипастырских трудах.

При пострижении в монашество было дано тебе имя в память св. праведного Филарета Милостивого. Жизнь и наименование твоего покровителя говорят о многом, и, в частности, они должны всегда напоминать тебе о том, что и в наших архипастырских трудах и в отношении к врученной нам пастве мы всегда должны оказывать милость, памятуя слова Спасителя: «Блажени милостивии, яко тии помилованы будут», оказывать милость потому, что мы всегда испрашиваем и для себя милости от Бога, взывая Ему усердно на всяк день: «Боже, милостив буди нам, грешным!»

Когда же на твоём архипастырском пути встретятся трудности и скорби, вспоминай тогда, какой сонм святых ходатаев и покровителей ты обрел ныне пред Богом, и пусть это служит твоим утешением и радостью! Обращайся за помощью к ним! В твоём архипастырском делании опирайся на духовную мудрость твоих небесных покровителей! У них ищи разрешения недоумений, в их жизни ищи пример для подражания!

А сейчас прими сей жезл, как опору в твоих трудах, взойди на это возвышение и преподай архипастырское благословение верующим, которые всегда с великой любовью относятся к своим архипастырям и жаждут всякий раз архипастырского благословения».

*
* * *

Епископ **Филарет** (в мире Михаил Антонович Денисенко) родился 28 января 1929 года в с. Благодатном, Амвросиевского района, Донецкой области, в семье шахтера.

По окончании средней школы Михаил Денисенко поступил в 1946 г. в 3-й класс Одесской духовной семинарии, которую окончил в 1948 г. и в том же году поступил в Московскую духовную академию. На II курсе он принял иноческий постриг (1 января 1950 года) с именем Филарета и получил послушание исполнять обязанности смотрителя Патриарших покоев в Троице-Сергиевой Лавре.

15 января 1950 года инок Филарет был рукоположен Святейшим

Патриархом Алексием в сан иеродиакона, а в 1952 году, в день Святой Троицы, — в сан иеромонаха.

В 1952 году иеромонах Филарет окончил курс Московской духовной академии со степенью кандидата богословия, представив курсовое сочинение на тему «Учение об искуплении святых Отцов IV века — Афанасия Великого, Василия Великого и Григория Богослова», и был назначен преподавателем Священного Писания Нового Завета в Московской духовной семинарии. Одновременно он выполнял обязанности благочинного Троице-Сергиевой Лавры. С 1953 года он преподавал также Священное Писание Ветхого Завета на I курсе Московской духовной академии.

В марте 1954 года Ученый совет Московской духовной академии присвоил иеромонаху Филарету звание доцента. В том же году состоялось назначение его старшим помощником инспектора.

В августе 1956 года иеромонах Филарет был возведен в сан игумена и назначен на должность инспектора Саратовской духовной семинарии; в 1957 году переведен на должность инспектора Киевской духовной семинарии, а 12 июля 1958 года возведен в сан архимандрита.

В 1960 году он получил должность Управляющего делами Украинского Экзархата, а с мая 1961 года по январь 1962 года состоял настоятелем подворья Русской Православной Церкви при Александрийском Патриархате в Александрии (ОАР).

Епископ Филарет до епископской своей хиротонии выполнял с достоинством возлагавшиеся на него высшей церковной властью поручения. Так, летом 1955 года он совершил поездку в Англию, сопровождая митрополита Питирима, посетившего Архиепископа Кентерберийского во главе делегации Русской Православной Церкви; в 1960 году вновь побывал в Англии в составе русской монашеской делегации; в конце 1960 года в составе свиты Святейшего Патриарха Алексия посетил Святую Землю, Восточные Патриархаты и Элладскую Церковь; в 1961 году, по поручению председателя Отдела Внешних Церковных Сношений Московской Патриархии архиепископа Никодима, совершил поездку по странам Северной, Западной и Восточной Африки.

Определением Священного Синода Русской Православной Церкви от 12 января 1962 года архимандрит Филарет был избран во епископа Лужского, викария Ленинградской епархии, с поручением ему управления Рижской и Латвийской епархией.

ЕПИСКОП ПЕКИНСКИЙ ВАСИЛИЙ

(НЕКРОЛОГ)

Китайская Автономная Православная Церковь понесла тяжелую утрату: 3 января 1962 года скончался святитель столичной епархии епископ Пекинский Василий (Шуан). Настоятель пекинского Успенского кафедрального собора протоиерей Николай Ли телеграммой известил об этом печальном событии Московскую Патриархию. Святейший Патриарх Алексей и председатель Отдела Внешних Церковных Сношений Московской Патриархии архиепископ Никодим послали на имя протоиерея Николая Ли телеграммы с выражением своего сочувствия православным христианам Китая и своей скорби по поводу кончины Преподобного Василия.

Новопреставленный епископ Василий (в мире Игнатий Яо Фу-ань) родился в г. Пекине 23 декабря 1888 года. Там же, в православной духовной семинарии, он получил богословское образование и 11 мая

ВАСИЛИИ,
ЕПИСКОП ПЕКИНСКИЙ

1915 года был рукоположен в сан диакона епископом Иннокентием, тогдашним начальником Русской духовной миссии в Китае.

Через 33 года диаконского служения, именно в 1948 году, о. Игнатий был рукоположен во иерея. В том же году, 30 августа, он принял монашество с именем Василия, возведен в сан игумена и определен духовником местных Успенского мужского и Покровского женского монастырей. В 1950 году игумен Василий указом Святейшего Патриарха Алексия был возведен в сан архимандрита и в декабре того же года назначен заведующим катехизаторской школой при миссии и членом Управления Восточноазиатского Экзархата, а в феврале 1951 года — членом Совета духовной миссии.

В 1951 году Святейший Патриарх Алексий и Священный Синод Русской Православной Церкви предназначили архимандрита Василия на архиерейскую кафедру Тяньцзиньской епархии, но он по своему смиренному уклонился от этой чести и до 1957 года нес свое служение Церкви на посту настоятеля Успенского кафедрального собора в Пекине и временно управляющего Пекинской епархией.

27 мая 1957 года архимандрит Василий прибыл в Москву во главе делегации от Православной Церкви в Китае. Гости были радушно и с братской любовью приняты в Московской Патриархии и участвовали в богослужениях в ряде московских храмов.

К этому времени решением Святейшего Патриарха Алексия и Священного Синода Русской Церкви Православная Церковь в Китае была преобразована в Китайскую Автономную Церковь. 28 мая 1957 года в зале совещаний Московской Патриархии состоялось наречение архимандрита Василия во епископа Пекинского. В своей речи при наречении о. Василий сказал, что он сознает свою немощь и свое недостойство, но по долгу пастырской совести, монашеского послушания и любви к православным китайским людям подчиняется этому решению и смиренно приемлет высокий епископский сан. 30 мая, в день праздника Вознесения Господня, за Божественной литургией в Преображенском храме г. Москвы состоялась хиротония архимандрита Василия во епископа Пекинского.

На другой день после хиротонии епископ Василий со своими спутниками отбыл в Одессу, где был принят Святейшим Патриархом Алексием и совершал богослужения в местных храмах. После этого он посетил Киев и его святыни, затем вернулся в Москву и посетил Троице-Сергиеву Лавру. Отъезжая на родину, Преосвященный Василий сказал при прощании, что он и его спутники навсегда сохранят в своих сердцах самое прекрасное воспоминание о своем пребывании среди русских братьев.

Четыре с половиной года окормлял Преосвященный Василий Китайскую Православную Церковь, отдавая все силы этому святому делу, пока тяжелый недуг не свел его в могилу.

Русская Православная Церковь, вместе с осиротевшей православной паствой Китая, глубоко скорбит по поводу кончины этого достойного иерарха и молится об упокоении души его в небесных селениях.

И. Хибарин

ПОУЧЕНИЕ В НЕДЕЛЮ О БЛУДНОМ СЫНЕ

Уже за четыре недели до Великого поста Святая Православная Церковь начинает готовить нас, братья и сестры, к этим великим дням. Своими евангельскими чтениями и особыми песнопениями она стремится возбудить в нас дух покаяния и научить нас на евангельских примерах тому, каким должно быть наше покаяние.

Если в прошлое воскресенье в притче о мытаре и фарисее учились мы смиренным чувствам раскаяния, привлекающим милость Божию, то сегодня, внимая словам притчи Христовой о блудном сыне, мы воодушевляемся решимостью оставить грех и возвратиться к своему Небесному Отцу.

В этой притче под человеком, разделившим имение между двумя своими сыновьями, подразумевается Господь Бог, равно дарующий Свои блага и праведным и грешным (Мф. 5, 48). А под именем разумеются богатства человеческой души: рассудок, мудрость и склонность к добру.

Как же поступил младший сын, получив часть отцовского имения? Тяжела показалась ему опека отеческая. Отец не мог позволить ему жить так, как хочется, и потому он ушел в дальнюю страну, где отеческий глаз не мог бы наблюдать за ним, и стал там жить по своей воле. И там, в дальней стране, растратил он отцовское имение, расточил богатства души своей, проводя жизнь в страстях и пороках.

Так человек, наделенный от Бога дарованиями духовными и телесными, склоняясь ко греху, начинает тяготиться Божественным законом и, отвергнув его, начинает жить беззаконно, по своей воле, расточая в духовном и телесном распутстве те дарования, какими наделил его Бог.

Дальняя страна, куда удалился блудный сын, есть образ далекого отчуждения грешника от Бога, его глубокого нравственного падения, следствием которого являются лишение Благодати Божией и душевная гибель. А духовная жажда человека, как результат безблагодатного состояния, представлена в притче под образом голода и нужды, претерпеваемых блудным сыном в дальней стране.

И вот после долгого служения греху и страстям, находясь в крайне бедственном положении, блудный сын услышал в тайниках своей души голос, звавший его вернуться на родину. Этот голос заговорил в нем скорбью и сожалением о загубленных годах, разбудил в нем сознание своей греховности, зажег страх перед Богом. В душе грешника проснулась тоска о счастливых днях юности, когда он жил как любимый сын своего отца, когда радостно и покойно было на его душе.

Воспоминания о светлых днях непорочной юности не могли не сокрушить его окаменевшего сердца, и он произнес полные горестного сожаления слова: «Сколько наемников у отца моего избыточествуют хлебом, а я умираю от голода! Встану, пойду к отцу моему и скажу ему: отче! Я согрешил против неба и пред тобою. И уже недостойн называться сыном твоим; прими меня в число наемников твоих» (Лк. 15, 17—19).

Так блудный сын одумался, пришел в себя, подобно тому, как приходит в себя человек после тяжелой болезни, сопровождавшейся потерей сознания, или пробуждаясь после продолжительного сна. А придя в себя, он твердо решил вернуться к своему отцу и покаяться перед ним. При этом он и не надеялся на возвращение ему сыновнего достоинства, а мечтал лишь о том, чтобы быть хотя бы последним слугой у своего отца в родном доме.

Таков путь обращения к Богу и для каждого грешника. Первый шаг на этом пути означает пробуждение человека от греховного сна, сопровождаемое глубоким сознанием опасности пребывания во грехе. А второй, самый важный шаг есть решимость оставить грех и начать жить по воле Божией. Он самый важный потому, что в момент возникшей решимости у человека совершается перелом его воли, после которого он уже не хочет греха, а хочет любить и делать одно только добро.

Свое решение возвратиться к отцу блудный сын осуществил на деле: «встал и пошел к отцу своему. И когда он был еще далеко, увидел его отец его и сжалился; и, побежав, пал ему на шею и целовал его» (Лк. 15, 20). Выслушав исполненные смиренного раскаяния слова своего сына, отец велел одеть его в лучшую одежду и заколоть откормленного теленка в честь его возвращения. А затем он призвал всех окружающих разделить с ним его великую радость о сыне, который «был мертв и ожил, пропадал и нашелся» (Лк. 15, 24).

Так Человеколюбец Господь, еще прежде чем грешник воззовет к Нему о прощении, видя истинное его покаяние и обращение, прощает его и принимает, как любезного друга и Своего сына, возвращая ему Свою любовь. При этом Он милостиво наделяет его новыми, вместо утраченных, духовными благами и дарами.

В притче эти небесные дары Божии представлены под видом земных. Так, лучшая одежда, в которую отец велел одеть блудного сына, означает непорочность и святость, даруемые Господом грешнику после его покаяния и прощения ему грехов. Перстень, который отец велел надеть на руку своему сыну, означает дары Святого Духа, посредством которых душа человека обручается с Иисусом Христом, ее Женихом и Спасителем. А обувь есть образ духовного могущества, помогающего ему ревностно шествовать путем добродетели и совершенства. Телец, заколотый в честь возвращения блудного сына, — это образ воплощенного Слова Божия, Господа нашего Иисуса Христа, Которому приобщаемся мы в таинстве Св. Причащения.

Вот какие великие блага Милосердный Господь дарует кающимся грешникам и обращающимся к Нему от всей души и сердца. Недаром покаяние грешника слово Божие представляет как воскресение его из мертвых (Римл. 6, 13). И великая бывает радость на небесах о каждом кающемся грешнике (Лк. 15, 7). Такие великие милости Господь дарует и каждому из нас, если только мы, подражавшие блудному сыну в греховных падениях, поревнуем подражать ему и в восстании.

А Господь стучится в сердце каждого из нас и зовет вспомнить о своем Небесном Отечестве. «Се, стою у двери и стучу, — говорит Он, — если кто услышит голос Мой и отворит дверь, войду к нему и буду вечерять с ним, и он со Мною» (Откр. 3, 20).

Разными путями этот зов Божий доходит до наших сердец. Так, он слышится нам в той радости, которую Господь посылает для того, чтобы мы вспомнили о Нем. Зов Божий слышим мы и в горе, и в несчастье, и в других испытаниях, которыми Господь потрясает нашу спящую во грехах душу. А когда посетят наше сердце тоска и томление по чистой, безгрешной жизни и наша душа начинает скучать по своей Вечной Родине, по своему Небесному Отцу, то нет сомнения, что зовет нас Господь, с любовью простирающий нам Свою спасающую десницу.

Откликнемся же и мы, братья и сестры, на зов Божий. Подобно блудному сыну воспрянем скорей от греховного сна и поспешим теперь же возвратиться в объятия Отца Небесного. Не будем медлить и в дни Св. Четырдесятницы сотворим плоды, достойные покаяния. И как день сменяет ночь, так и для нас пройдет ночь греха и воссияет в душе каждого из нас день благодатного возрождения. «Встань, спящий, и воскресни из мертвых, и освятит тебя Христос!» Аминь.

Свящ. Н. Ведерников

ИЗ ЖИЗНИ КОСТРОМСКОЙ ЕПАРХИИ

Преосвященный Никодим, епископ Костромской и Галичский, в течение октября — декабря 1961 года посетил ряд храмов своей епархии, совершая там богослужения.

В воскресенье 22 октября Божественную литургию и всенощное бдение накануне он совершал в храме г. Буя; в воскресенье 19 ноября Божественную литургию и всенощное бдение накануне — в Преображенском храме г. Судиславля; в день праздника Введения во храм Пресвятой Богородицы — 4 декабря — по случаю престольного праздника Божественную литургию и всенощное бдение накануне — в Введенском храме г. Галича; в пятницу 22 декабря по случаю праздника в честь иконы Божией Матери, именуемой «Нечаянная Радость», Божественную литургию и всенощное бдение накануне — в храме г. Солигалича; в воскресенье 24 декабря Божественную литургию и всенощное бдение накануне — в храме г. Чухломы. Везде после совершения Божественной литургии Преосвященный Никодим обращался к молящимся со словами приветствия и назидания.

ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ ПОЧИВШИМ!

Протоиерей **Павел Петрович Перминов**, находившийся за штатом, скончался 25 ноября 1961 года, на 83-м году жизни, в г. Яранске Кировской епархии, прослужив в священном сане 57 лет.

Протоиерей Крестовоздвиженской церкви г. Иркутска о. **Феофил Сизой** скончался, на 73-м году жизни, во время совершения в храме всенощного бдения 1 января 1962 года, прослужив в священном сане 45 лет.

Иеромонах **Венедикт** (в мире Иван Иванович Краснов) скончался 20 января 1962 года в г. Вичуге Ивановской епархии, на 82-м году жизни, прослужив в священном сане 42 года. Последние два года он находился за штатом.

Митрофорный протоиерей кафедрального собора г. Казани **Лука Евгениевич Пигулевский** скончался на 75-м году жизни в г. Казани 22 января 1962 года, прослужив в священном сане 48 лет.

5 января 1962 года, на 84-м году жизни, скончался один из старейших московских регентов **Василий Алексеевич Александров**, управлявший хорами в московских храмах около 65 лет и, в частности, последние 25 лет регентовавший хором в Николо-Хамовническом храме.

РАСИЗМ ПЕРЕД СУДОМ ХРИСТИАНСТВА

Мы, люди XX столетия, перед глазами которых прошло столько ужасающих картин человеческой жестокости и несправедливости, — жесточайшие войны, угнетение и эксплуатация разных народов — не можем не задавать себе вопроса: каковы причины этих ужасных фактов? Ведь, несмотря на значительный рост населения нашей планеты, специально изучавшие этот вопрос ученые с очевидностью доказали, что в настоящий момент ресурсы земли могут с избытком прокормить и обеспечить человечество. Следовательно, на пути к достижению свободы, справедливости и мира на земле стоят исторически сложившаяся несправедливость социального устройства и заблуждения человека. Среди разных заблуждений на одно из первых мест в последнее время выдвинулась расистская идеология, принятая на вооружение нацистами, фашистами и другими темными силами, появившимися на мировой арене в нашем столетии. Благодаря им расистские «теории» превратились в каннибальскую практику, принесшую миру неисчислимые страдания, погубившую миллионы невинных жизней, посеявшую страх и недоверие между народами на многие годы.

Церковь не остается и не может оставаться равнодушной перед лицом этого позорного явления. Ее учение не оставляет места расизму, и во все времена она поднимала голос в защиту единства человеческого рода и равенства всех людей перед Богом. Пытаясь избежать столкновения с христианством, расисты намеревались представить расовую проблему как проблему исключительно научную, относящуюся к иной, нежели религия, сфере, а учение о неравенстве рас объявили последним словом науки. Однако и наука выступила против расизма, убедительно показав, что его принципы, исходные посылки и методы ничего общего с истинной наукой не имеют. Таким образом расизм предстал перед всем миром как человеконенавистническая идеология, как самое злое, демоническое проявление падшей души, — идеология, враждебная как христианству, так и науке.

*

* *

Отрицание Церковью расовой неполноценности людей восходит еще к ветхозаветным временам, когда у большинства народов было естественным делом считать иноземца существом низшего порядка. Древние египтяне называли азиатов «сынами дьявола», «проклятыми», есть с ними было «мерзость для египтян» (Быт. 43, 32). Слово «человек» в древнеегипетском языке было эквивалентно слову «египтянин». Во всех древних цивилизациях мы находим черты презрительного отношения одних народов к другим и представление о том, что одни являются «господами», другие «рабами». Ветхозаветные иудеи первоначально не представляли исключения в этом отношении. Их взгляд на хана-

неев мало чем отличался от взгляда индийских арьев на туземцев или отношения греков к «варварам». Однако религия, возвещенная Израилю, провозгласила равенство всех народов.

Когда мы читаем такие места Библии, как, например, 10-ю главу книги Бытия или 1-ю главу первой книги Паралипоменон, нас невольно поражает мысль: для чего здесь, в Священном Писании, дается это утомительное перечисление многочисленных имен? Какое значение может иметь этот непонятный, на первый взгляд, перечень? Однако в этой так называемой «библейской таблице народов» заключен глубочайший смысл, именно — исповедание единства и братства всего человечества.

Не сразу, а путем долгих и трудных исканий, освободился древний Израиль от старых представлений и проникся духом этого исповедания. Пламенными поборниками идеи братства и равноправия всех народов были пророки, которые в годы жестоких войн и истребления целых народов возвысили свой голос, призывая людей к миру, справедливости и правде. Избранничество своего народа они понимали как идею служения всему человечеству, — служения, в котором не должно было быть места национальному превозношению. Они самоотверженно боролись за открывшуюся им истину, преодолевая сопротивление сторонников узкого национализма и ограниченных законников.

Идея братства и равноправия всех народов с особенной яркостью и силой выражена в двух кратких, но поистине великих произведениях ветхозаветной библейской письменности — в книге «Руфь» и в книге пророка Ионы. Современники и последующие поколения, читая трогательную и поэтичную историю моавитянки Руфи, удостоившейся за свою любовь и преданность стать праматерью великого царя, чувствовали, что истинное величие и благородство человеческой души не зависит от происхождения, от принадлежности к той или иной нации. В истории же пророка Ионы, который сначала не хотел исполнить повеление Божие идти проповедовать спасение язычникам, они находили мудрый урок и свидетельство всеобъемлющей любви и милосердия Божия, распространяющегося на все человечество, на все народы без исключения.

Это учение Ветхого Завета о равенстве людей нашло свое завершение и высшее воплощение в учении Евангелия. На вопрос законника «кто мой ближний» Христос ответил притчей о милосердном самарянине, — притчей, которая звучала как решительное и недвусмысленное осуждение всякой национальной и религиозной вражды, всякой ненависти и презрения к иноверцам и иноплеменникам.

Насколько решительно осуждает христианство всякие утверждения о неравноценности людей различных рас, можно судить по словам апостола Павла, что во Христе нет ни эллина, ни иудея, ни варвара, ни скифа (Колос. 3, 11). Церковь стояла и стоит на этом принципе и пронесла его через века, несмотря на попытки врагов разрушить его. На страницах нашего журнала (см. «Ж.М.П.» № 2, 1962) уже было показано, как христианское учение во все времена неизменно выступало против неравенства народов и рас. Здесь же мы рассмотрим истоки расизма и обратимся к вопросу, действительно ли он может претендовать на обоснованность.

*
* *

Как мы уже отмечали, мысль о неравенстве человеческих рас коренится в глубокой дохристианской древности. С момента же вступления Церкви в мир расизм всегда идет рука об руку с антихристианством. В противовес учению Церкви о единстве происхождения челове-

ческого рода язычник Юлиан Отступник в IV веке, оккультист Парацельс, пантеисты Бруно и Ваннини в XVI веке утверждали, что различные человеческие расы возникли из различных источников и поэтому не могут считаться равноценными. Открытие Америки вызвало горячие споры в этом отношении, ибо многие не хотели считать туземцев Нового света настоящими людьми; многим казалось, что нет даже надобности доказывать, что они произошли не от общих с жителями Старого света прародителей. Это мнение успокаивало совесть тех, кто с отвращением смотрел на «подвиги» первых колонизаторов Америки, а для самих конквистадоров признание аборигенов Америки за низшие существа играло роль оправдания их бесчеловечной жестокости. Только специальная булла папы Александра VI остановила распространение этого взгляда, напомнив христианам, что все люди, все расы и народности — дети Божии и братья между собою.

В дальнейшем систему полигенизма и расизма поддерживали Вольтер и Бори де Сен-Венсан. А в XIX веке пропагандистами его явились в первую очередь философствующие естествоиспытатели и философы механистического направления. Выступая против христианского учения о моногенизме и равенстве человеческих рас, такие защитники эволюционного полигенизма, как Карл Фохт, Людвиг Бюхнер, Эрнст Геккель, открыто объявили негров и других представителей «цветных» рас «низшими существами». Так, в поисках недостающего звена между *Нотосариенс* и животным миром Э. Геккель считал всех так называемых «дикарей» за полулюдей, развязав тем самым руки неоколониалистам кайзера Вильгельма, стремившимся к захватам в Полинезии. Геккель от имени науки благословлял их бесчинства. «Разум, — писал он, — является большей частью достоянием лишь высших человеческих рас, а у низших весьма несовершенен или же вовсе не развит. Эти первобытные племена, например ведда и австралийские негры, в психологическом отношении стоят ближе к млекопитающим (обезьянам, собакам), чем к высокоцивилизованному европейцу» (Э. Геккель. Чудеса жизни. СПб., 1908, стр. 175). Этот человек сетовал, что европейцы слишком гуманны с туземцами и прилагают к ним свою мерку «индивидуальной ценности жизни», то есть фактически отрицал, что убийство негра или папуаса есть преступление большее, чем убийство животного.

Во Франции аналогичные идеи проповедовал Артур Гобино, который в своем трактате о неравенстве человеческих рас пошел еще дальше, считая все существующие расы белых, желтых и черных «низшими», за исключением некоей расы «белокурых арийцев» — единственной, по его мнению, расы, способной на культурное творчество и развитие. Все мировые цивилизации, согласно Гобино, есть результат смешения «арийцев» с «низшими расами», которые являются лишь «тормозом культуры». Чем более силен элемент «низшей» расы в том или другом народе, тем ближе якобы этот народ к деградации и упадку. Появление термина «белокурые арийцы», который, как мы увидим, совершенно лишен научного содержания, было ярким симптомом того, что расизм перестает маскироваться под научную теорию, а хватается за мифы и полумистическую символику. В год смерти Геккеля на его родине возникла партия, воспринявшая его идеи расизма и «социального дарвинизма». Гитлеровские идеологи также воспользовались учением Гобино и воинствующего антихристианина и антигуманиста Ф. Ницше, пустившего в оборот пышные фразы о «расе господ». Подготавливая беспримерную мировую резню, нацистский режим стремился привить своему народу взгляд, что именно он, германский народ, является «чистой расой», «расой белокурых арийцев», что именно он призван быть «господином мира», а все остальные народы лишь «обезьяньи недоростки», обреченные на порабощение или истребление. Для пропаганды этой идеи были привлечены биология, история, философия. Расизм был об-

лачен в одежды «строгой научности», и на службу его были поставлены новейшие методы антропологических измерений, статистики, биохимического анализа. Но нацистам было трудно скрыть, что за научной ширмой таилась темная демоническая мистика антихристианства и человеконенавистничества. Нацисты провозглашали войну единственным нормальным состоянием человечества, сравнивая ее с борьбой за существование в мире животных. «Эта борьба,— писал один из гитлеровских «философов»,— подчиненная всем законам естественного отбора, вконец разрушающая религию и убивающая иллюзии XIX века, разгорелась во всей ее биологической остроте и естественной обнаженности. Победит в этой борьбе та раса, которая окажется сильнее и чище. От этого неизбежного финала человечество не спасут никакая Лига Наций, никакая пан-Европа, никакой пацифизм. На развалинах мира водрузит свое победное знамя та раса, которая окажется самой сильной и превратит весь культурный мир в дым и пепел» (Э. Бергман). Прошло немного времени, и эти зловещие призывы стали осуществляться на практике. Над миром нависла мрачная тень вечной ночи...

*
* * *

Отгремела война. Не «высшая раса», а объединенные усилия многих народов добыли победу в войне, развязанной фашистским режимом. «Могло показаться,— писал французский этнограф М. Лейри,— что с падением Адольфа Гитлера расизм умер; однако такое мнение крайне односторонне, ибо оно основано на предположении, будто в мире не свирепствовало никаких форм расистского зла, кроме той, действительно крайне реакционной и самой злобной его силы, какую представлял собой гитлеровский расизм. Думать так— значило бы забывать о том, что идея врожденного превосходства глубоко укоренилась в сознании большинства белых, даже тех, кто не считает себя расистом» (М. Лейри. «Раса и цивилизация». Сб. «Расовая проблема и общество». М., 1957, стр. 21). Эти слова оказались пророческими: через несколько лет после того как они были сказаны, расизм снова поднял голову, и одной из ярких форм его рецидива явились трагические события в Южно-Африканском Союзе.

Церковь вновь возвысила свой голос против возрождающегося чудовища. Христиане объединились в едином протесте против расизма.

Встреча на протяжении веков осуждение Церкви, расисты пытались объявить ее некомпетентной в вопросе о расах. Они заявляли, что этот вопрос относится к сфере науки, и поэтому Церковь якобы не может произносить здесь своего приговора. Однако даже при поверхностном взгляде становится очевидным, что это утверждение не более чем уловка, имеющая целью прикрыться именем науки.

Прежде всего что такое раса? Что означает этот термин, получивший в наше время какой-то жуткий, зловещий смысл?

В науке под расой понимаются подразделения в пределах одного биологического вида. В животном мире подобные подразделения определяются в первую очередь приспособлением к различным условиям окружающей среды. Для человека, особенно в исторический период его существования, среда уже не играла такой решающей роли. Поэтому внешние отличия людей в цвете кожи, в строении носа, черепа, волос есть наследие далекого предысторического времени, когда природа еще накладывала на внешний облик представителей вида *Homo sapiens*, то есть человека, свой неизгладимый отпечаток. Разумеется, нет ни малейшего основания утверждать, что тот *Homo sapiens*, который обитает в тропическом поясе и приобрел (или сохранил) в результате этого темный пигмент в коже, качественно отличается от представителя вида

Homo sapiens, обитающего на севере и имеющего (или сохранившего) светлый цвет кожи. Для того, чтобы обосновать качественное превосходство «белой» расы над «цветными», расисты выдвинули теорию полигенизма, утверждающую, что человеческие расы возникли из разных корней и человечество, следовательно, не имеет единого происхождения. Приняв такую теорию, объявив человеческие расы разными биологическими видами, можно было бы от лица науки провозглашать миф о «неполноценности» одних народов и «необходимости» господства других.

Однако это утверждение совершенно лишено научного характера. Об этом красноречиво свидетельствуют хотя бы следующие факты. Метисы всех рас дают нормальное и полноценное потомство, что ясно свидетельствует о единстве человеческого рода. Многие цивилизации возникли на базе смешения ряда рас и народностей (Южная Америка, Южная Азия, Сибирь, Малайский архипелаг). Утверждение расистов о том, что умственные способности «цветных» народов ниже, чем умственные способности белых, оказалось совершенно голословным. Наблюдения путешественников показали, что жители самых отдаленных от цивилизованного мира районов способны к умственному развитию не меньше, чем европейцы. Н. Н. Миклуха-Маклай был одним из тех, кто способствовал исчезновению взгляда на так называемых «дикарей» как на существа «низшие» и «неполноценные». Много сделала в этом отношении школа антропологов и этнографов, руководимая известным антифашистом священником Вильгельмом Шмидтом (1880—1954). Представители этой школы (В. Копперс, П. Шебеса, Менаж и др.) после многолетних исследований пришли к выводу, что даже такие в общекультурном отношении невысоко стоящие народы, как пигмейские племена, не могут быть названы неполноценными в духовном отношении. Напротив, их отличает высокая нравственность, благородные человеческие чувства и возвышенные религиозные представления (см. также свящ. Г. Обермайер. «Доисторический человек», б. г., стр. 483).

Далее очевидным является отсутствие четких границ между человеческими расами. Они как бы плавно переходят одна в другую; между ними существует множество промежуточных форм. Так, например, североамериканские индейцы наряду с ярко выраженными монголоидными признаками имеют и черты, сближающие их с европеоидами, а австралийские аборигены при негроидном характере черт лица обладают типом волос, характерным для «белой» расы.

Огромной ошибкой явилось смешение понятия расы с понятием нации и языка. Отсюда такие недоразумения, как понятия «арийская» или «семитическая» раса. Языки европеоидов принадлежат главным образом к трем группам, которые принято называть «семитической», «индо-европейской» и «хамитической». На языках первой группы говорят современные арабы и говорили ассирийцы, аккадийцы, древние евреи, арамеи, аммориты. Все они принадлежат к белой, европеоидной расе и к ее индо-средиземноморской подрасе. Обособились они как нации лишь в процессе исторического развития. К языкам индо-европейской группы относятся языки большинства народов Европы, Ирана, а также пастушеских племен ариев, которые вторглись в Индию во II тысячелетии до Р. Хр. Здесь перед нами наглядная картина того, как народы, принадлежащие к различным подрасам, говорят на языке одной группы. Так, если арии, греки, итальянцы принадлежат к той же индо-средиземноморской подрасе, что и народы семитических языков, то другие народы, говорящие тоже на языках индо-европейской группы, принадлежат к другим подрасам (атланти-балтийской, средневропейской, кавказской и т. д.). Таким образом, когда нацисты говорили о «белокурой арийской» расе, они совершенно игнорировали данные науки. В самой Германии среди немцев не было расового единства. Достаточ-

но сказать, что процент брюнетов там был необычайно велик. Президент Баварской академии наук отказал даже Адольфу Гитлеру в принадлежности к «арийской расе». Дело происходило, конечно, еще до прихода нацистов к власти. «Я видел Гитлера вблизи, — писал недальновидный расист, — лицо и голова его — свидетельство плохой расы. Метис. Низкий убегающий лоб, широкие скулы, маленькие глаза, темные волосы». Итак, даже сам «фюрер» оказался не соответствующим идеалу «нордического человека».

Еще дальше пошли расисты, когда стали говорить о таинственной «силе», якобы заложенной в крови, о «душе расы» и т. п. Здесь исчезла даже научнообразная внешность их «теории». В своей, осужденной Церковью, книге «Миф XX столетия» Альфред Розенберг писал прямо: «Ныне пробуждается новая вера: миф крови». Теперь человечество знает, сколько крови было пролито во имя этого мифа. Нацисты утверждали, что пресловутому «нордическому человеку» присуща «особая» душа, он будто бы наделен всеми мыслимыми добродетелями, он, и только он, может якобы творить историю и, следовательно, господствовать. «Человек северной расы представляет собой ступень от человека к животному», — заявлял один из гитлеровских «ученых» Герман Гаух. Игнорируя все данные антропологии, этнографии и истории, расисты провозгласили свое учение последним достижением науки и поставили его на вооружение национал-социалистов.

Пропаганда расизма, как это было всегда, неразрывно связывалась с антихристианской борьбой. В декрете, подписанном Борманом в июне 1941 года, говорилось о том, что «влияние Церкви должно быть уничтожено полностью и окончательно».

Итак, мы видим, что мнение тех, кто считает расизм относящимся к чисто научной сфере, совершенно несостоятельно. Расизм — это не наука, а «идеология», и притом идеология антихристианская, антигуманная, антинаучная. Бедствия, которые она принесла в мир, неизмеримы. Поэтому христиане всех церквей и всех исповеданий должны без всяких колебаний бороться с этой идеологией человеконенавистничества. Где бы ни был христианин, каков бы ни был его язык, цвет кожи, откуда бы он ни происходил — из Экваториальной Африки или из Гренландии, — всюду его долг — провозглашать братство народов, их равенство перед Единым Творцом и Хранителем мира — Богом. Огонь любви Христовой, когда она зажигается в человеческих душах, полагает преграды, созданные людьми, и освещает путь в царство свободы, справедливости и мира.

Свящ. А. Мень

СООБЩЕНИЕ О ЗАСЕДАНИИ РАБОЧЕГО КОМИТЕТА ПРАЖСКОЙ ХРИСТИАНСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ В ЗАЩИТУ МИРА В БУДАПЕШТЕ 21—22 февраля 1962 года

21 и 22 февраля 1962 года в Будапеште состоялось заседание Рабочего Комитета Пражской Мирной Христианской Конференции. Работа Комитета открылась общим богослужением, во время которого выступили с проповедями и приветствиями представители церквей Востока и Запада. Переполненная церковь красноречиво свидетельствовала о том, что деятельность Общехристианской Конференции в защиту мира окружена в Венгрии любовью и молитвами христианских общин.

Предметом обсуждения Рабочего Комитета явилась в первую очередь подготовка к Первой Конференции Сопредседательского Комитета, образованного Общехристианским Конгрессом в защиту мира. Эта Конференция должна состояться в мае 1962 года.

В ходе обсуждения было отмечено, что международная обстановка подтверждает важность выполненной до сих пор работы и требует ее расширения. Само Евангелие требует от нас свидетельства об ответственности христиан за дело мира. Наше служение заключается не в морализировании; оно требует от нас выполнения, в библейском духе, пророческого и священнического служения Церкви, согласно которому церкви и их члены должны сострадать всем людям в их скорбях и нуждах, в их грехе и вине, а также и в их стремлениях и надеждах — в свете благовестия о присутствии Христа в этом нашем мире.

Это сообщает нашему движению его специфические задачи в свете стремления народов к миру, взаимопониманию, дружбе и сотрудничеству. Все, что мы делаем, должно быть глубоко укоренено в библейском благовестии; наша деятельность призывает нас к постоянному развитию богословской мысли.

Наша задача в мире остается прежней: в обстановке, когда речь идет о жизни всего человечества, трудиться над созданием такой атмосферы, которая позволит государственным деятелям выполнить стоящие перед ними задачи. Это все те же задачи, о которых мы уже говорили неоднократно: к их числу относится в первую очередь всеобщее и полное разоружение при эффективном международном контроле, а также запрещение и уничтожение средств массового истребления. Мы молимся за успешный исход Конференции 18 стран по разоружению, которая должна состояться в рамках ООН. Мы видим перед собой длинный список неотложных задач, которые должны быть осуществлены для достижения всеобщего мира: борьба народов Азии и Африки за политическую и экономическую независимость, нужды Латинской Америки, борьба с невежеством, социальной отсталостью и голодом. Мы видим в этом списке германский вопрос, который должен решаться не изолированно, но в связи с проблемами всей Европы, с учетом фактического существования двух германских государств, с установлением статуса для Берлина, заключением мирного договора и подтверждением существующей восточной границы. Мы снова подчеркиваем необходимость создания безатомной зоны в Европе в качестве первого шага ко всеобщему разоружению и важность окончательного отказа от каких бы то ни было попыток разрешения вопросов вооруженным путем.

Во всех этих вопросах — мы могли бы назвать здесь еще целый ряд других — христианские деятели не всегда избегали искушения мыслить категориями «холодной войны». Мы видим и другое искушение, которому подвергаются многие христиане, — искушение пассивности.

Поэтому мы должны продолжать свою деятельность и свои призывы. Мы с удовлетворением отмечаем, что наша работа пользуется все большим признанием в христианских кругах, которые все более широко начинают с нами сотрудничать. Во многих странах и церквях создаются местные конференции и рабочие группы.

На основании решения, принятого Первым Общехристианским Конгрессом в защиту мира, мы избрали делегацию для встречи с Секретариатом Всемирного Совета Церквей в Женеве. Доклады, которые мы представляем на Конференцию Совещательного Комитета, и работа комиссий, к участию в которой мы снова призываем всех желающих, являются выражением нашей надежды на то, что все христианские церкви, все христианские объединения и каждый отдельный христианин смиренно и послушно примут призыв Христа к ответственной деятельности, что в служении людям они выступят, чтобы защитить этот мир от греха самоуничтожения. Мы вновь призываем всех братьев и сестер во всем мире к эффективной совместной работе.

ИЗ ЖИЗНИ АВТОКЕФАЛЬНЫХ ПРАВОСЛАВНЫХ ЦЕРКВЕЙ

СВ. САВВА — ПЕРВЫЙ АРХИЕПИСКОП СЕРБСКИЙ

Первый архиепископ Сербии великий святитель Сербской Церкви св. Савва был сыном жупана (князя) Стефана Немани — одного из наиболее выдающихся созидателей Сербского государства. Мирское имя св. Саввы было Растко, родился он в 1176 году. Родители его были людьми очень благочестивыми и по тому времени высокообразованными. Пятнадцать лет будущий святитель воспитывался под родительским кровом, и хотя ему дали доброе христианское воспитание, но его совсем не готовили для духовного пути. По мере того как он рос и мужал, все больше и больше выявлялись сокрытые в нем душевные и умственные дарования. Растко был младшим сыном в семье (у него было два старших брата — Вукан и Стефан), но Стефан Неманя решил передать свою державу в руки Растка, полагая, что он сможет быть лучшим правителем, нежели его братья. Стефан готовил своего Растка для роли мирского владыки, не подозревая, что он станет владыкой духовным.

Когда юному княжичу исполнилось пятнадцать лет, он получил от своего отца в удел Захолмскую область (современная Герцеговина), чтобы иметь возможность на деле научиться всему, что в те времена требовалось от молодого человека из владетельного рода. Но великосветская жизнь с ее забавами и пустотой была противна душе молодого Растка. Он стал жить своей, обособленной жизнью, его потянуло к книге, — к книге, которая приближала к Богу. Он стал часто посещать церковь, поститься, проводить дни и ночи в молитве. Стал все больше и больше встречаться с монахами и в молитвах просил Господа сподобить и его самого стать со временем иноком. Но Стефан Неманя мыслил по-иному. Чувствуя приближение старости, он хотел передать державу в более молодые, сильные руки. Он вызвал Растка к себе в столицу, куда было собрано лучшее общество. Семнадцатилетний Растко радовал своих родителей стройностью, красотой и быстрым разумом. Много дней подряд родители устраивали празднества и пиры в честь своего любимого сына.

В это же время прибыли ко двору жупана русские монахи с Афона, посланные собирать пожертвования для своего монастыря. Набожные родители Растка приняли иноков гостеприимно и предоставили им свой кров. Влекомый своей духовной склонностью, Растко часто беседовал с ними. Среди этих русских иноков был один, который умел с таким восторгом и с таким красноречием повествовать об обителях и монашеской жизни на Афоне, что молодой княжич оказался захваченным этими рассказами и сам стал просить инока взять его с собой на Афон. Инок не решался на это. Но просьба юноши была столь горяча и убедительна, что монах заколебался и, наконец, был вынужден дать свое согласие. Предварительно создав впечатление, что отправляется на охоту, молодой Растко тайно, ночью, боясь погони, бежал со своим новым другом на Афон. Когда его исчезновение было обна-

ружено, нетрудно было догадаться, куда направили свой путь беглецы и где их теперь надо искать. Стефан Неманя послал за своим сыном послов, вернее, погоню, приказав им уговорить его вернуться, а в случае нежелания — вернуть силой. Когда после долгого пути через Салоники послы прибыли на Афон, Растко был уже там в русском монастыре во имя св. Пантелеимона, в летописях которого прибытие Растка Неманича, младшего сына великого сербского жупана Стефана, было записано как самое большое событие, имевшее место в стенах этого монастыря. Растко был еще в мирской одежде и, следовательно, еще не принял пострига. Это обрадовало послов, и они стали убеждать княжича вернуться в дом опечаленных родителей, при этом не преминули упомянуть и о том, что если он этого не сделает по доброй воле, то им велено силой заставить его вернуться. Видя их настойчивость и принимая во внимание данный им приказ, Растко ответил: «Да будет воля Божия!» Но пока посланные отдыхали в монастыре, Растко со слезами вымолил у игумена монашеское одеяние и принял малый постриг. Посланным ничего не осталось сделать, как, взяв одежду, волосы и письмо, написанное Растком отцу, вернуться на родину с вестью, что Растко ушел в монастырь.

Сначала Растко оставался в монастыре св. Пантелеимона, где среди русской братии снискал большую любовь и уважение. Затем он перешел в Ватопедский монастырь и там принял пострижение с именем Саввы. Его сильно влекло к отшельничеству, но, по усиленным просьбам игумена Теострихта, он остался в общежитии и был образцовым иноком: днем служил братии, ночью молился; часто ходил к отшельникам и раздавал им милостыню из богатых приношений, присылаемых отцом. После некоторого времени, проведенного в монастыре, Савва босой обошел один за другим все афонские монастыри и святыни и полный восторга и умиления возвратился в Ватопед счастливый и довольный, благодаря Господа за все, что видел, познал и чему научился. Вскоре после этого стали приходить письма от родителей, которые молили его вернуться к ним. Эти письма сильно терзали его душу, вызывая большую жалость к оставленным родителям. Но на эти письма он не отвечал, а присылаемые подарки делил среди братии.

Савва был еще очень молод, но, как пишут сербские историки, в посте и в молитве, в работе и в помощи ближним ему не было в те времена равных на всем Афоне. Его духовным подвигам удивлялись все, а он сам нашел здесь счастье. Но он не хотел счастья только для себя, он мечтал, чтобы все, что он сам нашел на Афоне, стало достоянием и его народа, он хотел, чтобы высота веры, христианская жизнь и просвещение были бы перенесены к нему на родину.

После трехлетнего пребывания в монастыре св. Савва понял, что своим примером, своим подвижничеством он достаточно подготовил почву, на которой, следуя его пути, другие сербы смогут подвизаться в служении Господу. И тогда он впервые берется за перо, чтобы написать своему престарелому отцу, предлагая ему отказаться от власти в государстве, всецело обратив свои помыслы к Господу и приглашая его к себе в монастырь для совместной иноческой молитвы. Он писал отцу, что тот все время был добрым пастырем вверенного ему Богом стада и что теперь пришло время посвятить остаток жизни молитве за себя и народ, приняв иноческий постриг.

Неманя внял совету своего сына Саввы. Передав управление государством сыну Стефану, он пожелал прибыть в Ватопед к своему сыну-иноку, будучи уже и сам иноком: на праздник Благовещения в 1196 году Стефан Неманя принял ангельский образ, сменив свое прежнее имя на имя Симеона. Его благочестивая жена Анна также стала инокиней с именем Анастасии.

Для Симеона и Саввы день 2 ноября 1197 года был днем неопишуемой радости. В Ватопед прибыл Симеон в сопровождении вельмож, которые не пожелали расстаться со своим господином и так же, как и он, приняли постриг. Эта встреча после многолетней разлуки произвела на всех видевших ее глубокое впечатление. Оправившись после первого волнения, отец и сын — оба опустились на колени и вознесли Господу радостную молитву благодарности.

По прошествии некоторого времени Симеон и Савва отправились в Карею (центр управления афонскими монастырями), чтобы испросить небольшой участок земли, на котором можно было бы построить обитель для сербов. Получив на это одобрение, они осмотрели Св. Гору и нашли на берегу моря развалины покинутого монастыря Хиландария, где и решили основать новый сербский монастырь Хиландар. На средства, присланные новым жупаном Стефаном (сыном Симеона), монастырь был быстро восстановлен, и в 1198 году в него переселяются Савва, Симеон и другие сербы. Но для всего, что было сделано, надо было еще получить одобрение византийского императора, на земле которого находился Афон, надо было обеспечить право сербов на Хиландар. Поэтому, испросив благословение своего отца и напутствуемый его горячими молитвами, Савва отправляется в Константинополь.

В блестящей столице византийских императоров Савва нашел гостеприимство в одном из наиболее строгих монастырей Константинополя — в Эвергетидском. Рвение, ученость и большая строгость, которыми была проникнута жизнь иноков в этом монастыре, произвели на Савву очень большое впечатление. Ему захотелось, чтобы так же было и в его Хиландаре. Поэтому он просил дать ему устав (типикон), которым руководствовались иноки Эвергетидского монастыря. Получив устав, Савва отправился на аудиенцию к императору Алексею III Ангелу (Комнелу), который, будучи его родственником (дочь императора была замужем за его братом — жупаном сербским Стефаном), принял его очень милостиво и не только одобрил все начинания св. Саввы на Афоне, но даже присвоил Хиландарю достоинство императорской лавры, подчинив ему еще свой императорский афонский монастырь Зиг. Наделив Савву многими дарами и вручив ему игуменский посох, император отпустил его обратно на Св. Гору.

Будучи теперь спокойным за судьбу своего монастыря, Симеон и Савва стали трудиться для его дальнейшего процветания и настолько в этом преуспели, что уже в те годы народные певцы в своих песнях воспевали «белый Хиландар посреди Святой Горы», как «чудо невиданное». Души старца Симеона и его сына Саввы были полны радостной благодарности Богу за то, что это великое дело оказалось столь успешным.

*

* *

Богу было угодно еще больше привязать белый Хиландар к сербской земле и сербским сердцам, освятив его могилой первого сербского господаря Стефана Немани, ставшего смиренным иноком Симеоном. 13 февраля 1199 года (по другим источникам — 1200 года), по христиански приготовившись перейти в иной мир, престарелый иннок Симеон испустил дух свой со словами: «Хвалите Бога во святых Его...» Опечаленный Савва похоронил своего отца, согласно его последней воле, под правым клиросом Хиландарского храма. Через год после этого собор святогорских иноков, по совершении Божественной литургии на могиле Симеона, канонизовал его, поручив Савве написать службу в честь и во славу святого Симеона сербского, митроточивого.

Возблагодарив Господа за великую милость, оказанную его родителю, Савва написал порученную ему службу, а затем приступил к выработке правил (по образцу Эвергетидского монастыря), по которым должна была протекать иноческая жизнь в стенах Хиландарской обители. Вскоре после того как этот труд был окончен, Савва был рукоположен во диакона, а на следующий день — и во священника.

Но к этому времени покой и тишину на Афоне стали нарушать страшные вести. Во время четвертого крестового похода (1202—1204 гг.) крестоносцы 12 апреля 1204 года захватили Константинополь и объявили Латинскую империю. Угроза нависла и над Афоном. Все это до глубины души печалило Савву, но еще больше его печалили черные вести, приходившие из его родных краев.

Когда великий жупан Стефан Неманя в 1196 году ушел от мира, он передал свою державу не старшему сыну Вукану, а более молодому его брату — Стефану. Вукан покорился воле своего отца, подчинился младшему брату, но переносил это с большим недовольством. Стремление к власти не оставляло его, и он искал случая освободиться от подчинения брату и самому взойти на престол. Он обещал Папе римскому быть покорным слугой, если тот даст ему королевскую корону. С другой стороны, и Стефан, когда встретился с внешними и внутренними затруднениями, также стал просить защиты у Папы римского. Выбор Папы пал на Вукана. Войска Стефана были разбиты, и Вукан, покорный римскому Папе, провозгласил себя великим жупаном всех сербских земель. Однако в дальнейшем положение сложилось так, что Стефан вновь оказался на отцовском престоле.

Вести о вражде между его братьями, об угрозе, под которой оказалась православная вера, отзывались страшной болью в сердце великого ревнителя Православия, каким был св. Савва. Он посылает своих людей на родину с письмами к враждующим братьям, требуя от них христианского примирения, которое принесет мир измученному войнами народу и вновь укрепит Православную Церковь.

Братья были вынуждены примириться. Но для полного примирения им не хватало ангела-примирителя. Таким ангелом мог быть только Савва. И они пишут послание на Афон, в котором слезно просят «великого боголюбца, любезного брата, господина и отца нашего Савву» вернуться к ним, вернуть мир в «оскверненную» их братской враждой страну. Они просят привезти в страну тело их отца — святого Симеона Мироточивого.

Понимая сложившееся положение, Савва немедленно решает исполнить просьбу своих братьев. Он поднимает из раки тело своего отца, которое, несмотря на восьмилетнее пребывание в гробу, осталось нетленным, и с великими трудностями, через земли, где господствовали смуты и междоусобные войны, благополучно прибывает в сербские пределы. На границе Сербского государства его и тело отца с великими почестями встретили оба брата — Стефан и Вукан. Окончательно примирив братьев над телом отца, Савва переносит мощи св. Симеона в монастырь Студеницу, построенный самим Стефаном Неманей, сподобившимся стать святым Симеоном.

Один год провел Савва в Студеницком монастыре, пребывая в молитвах и размышлениях о судьбах своей страны. Он видел, какие страшные раны нанесли государству междоусобицы, поэтому согласился на просьбу брата Стефана остаться в Сербии и приступить к укреплению Православной Церкви. Видя, что в стране мало храмов, он повсюду начинает воздвигать церкви и монастыри; на перекрестках дорог ставит изображения креста Господня, чтобы православные христиане, видя их, чаще обращали свои помыслы к небу. В это же время он вместе со своим братом Стефаном приступает к строительству знаменитого Жичского монастыря.

Пока шло строительство церквей, Савва, как апостол, ходил по всей стране, совершая Св. Таинства, насаждая добрые христианские обычаи, борясь против ложных верований, поучая народ истинам Православия. Своим трудом и примером он указывал путь духовенству, особенно монахам, которых он направлял на Афон учиться настоящему служению Господу, чтобы они, вернувшись на родину, были истинными пастырями своего народа.

Одновременно с этим Савва трудится и на другом поприще: он улучшает устав Студеницкого монастыря, пишет для него новый типикон. Этим самым он вводит на сербской земле правила и порядок в богослужении, какие он ввел в Хиландаре. Вместе с этим уставом он составляет жизнеописание основателя Студеницы Стефана Немани — святого Симеона, ставшее со временем неоценимым как церковным, так и историческим документом.

Но не только в чисто церковном отношении развивалась деятельность Саввы. Будучи христианином, он всегда помнил, что стремление к миру — это одно из христианских достоинств. Когда на его родину надвигался враг, он умел предупреждать кровопролития. Он не боялся идти в стан врага и силой своего красноречия, разумностью своих доводов умел предотвращать войны.

Все эти его заслуги уже при жизни снискали ему великую любовь народа. Все дивились мудрости его ума, богатству его знаний, чистоте его жизни, благородству его сердца и величию его души.

*
* * *

Савва видел, однако, что его труды на ниве служения делу Православия в Сербии будут неполными, если Сербская Церковь не приобретет полной независимости и самостоятельности. Это было тем более необходимым, что латинские козни, направленные против Православия в Сербии, не прекращались. Рим использовал все пути и все возможности, чтобы насадить среди православных христиан Балканского полуострова свое влияние.

Когда овдовел любимый брат Саввы — Стефан, то ему стали сватать в жены дочь венецианского дожа Энрико Дондолы — Анну. Это означало, что в Православную Сербию снова открывается путь латинским козням, от которых уже так много пострадал сербский народ.

Стефан все же решил жениться на Анне. Этот поступок вверх в великую печаль Савву, так как он понимал, какие от этого будут последствия. Видя, что одними словами он не может усостыжить своего брата и заставить его отказаться от этого поступка, Савва пошел на решительный шаг: назначив вместо себя нового игумена в Студеницком монастыре и помолвившись на могиле своего отца, он (около 1217 года) покинул родину и вернулся на Афон, где его все встретили с большой радостью.

Такое решительное действие заставило Стефана отказаться от своего намерения и просить Савву вернуться в Сербию.

Но Савва понимал, что он добился только частичного успеха, что он сумел преодолеть только одну интригу, не создав преграды для других. Поэтому, жертвуя самыми дорогими для себя благами — своим смирением и своей скромностью, — он решил отправиться к Вселенскому патриарху и Византийскому императору, чтобы испросить у них разрешения для Сербской Церкви иметь независимого главу.

Взяв с собой нескольких хиландарских иноков, Савва направился в Никею, где тогда находились патриарх и император, поскольку в Константинополе все еще господствовали крестоносцы.

Император Федор Ласкарис, родственник св. Саввы, охотно скло-

нялся на все его частные просьбы, но когда он высказал свою заветную мысль — об учреждении в Сербии самостоятельной Архиепископии, то император и патриарх отнеслись к этому сначала отрицательно. Как замечает жизнеописатель св. Саввы, «царь, сие слышав, переменил лице свое высокого ради прощения, ниже бо патриарху отнюдь и всем благородным угодно помыслися, хотяху бо священством и властью церковною покоривы себе сих (то есть сербов), послушливы и дароносивы имети». Однако св. Савва силой красноречия и убедительностью приводимых доводов достиг своей цели. Приняв во внимание дальность расстояния Константинополя от Сербии, постоянную угрозу со стороны Запада и «многую любовь юже к святому царь имяше», патриарх, наконец, выдал грамоту, по которой в Сербии учреждалась независимая Архиепископия. Первым архиепископом патриарх поставил самого Савву, несмотря на то, что тот по скромности просил поставить архиепископом кого-нибудь из своих спутников. Поставление св. Саввы совершилось в начале 1220 года. Это событие возвысило значение Сербской Церкви и явилось достопамятной заслугой св. Саввы.

Это был очень большой успех, так как сербы получили в лице св. Саввы архиепископа своей крови и своего родного языка. Но этот архиепископ оставался в подчинении высшей церковной власти не своей национальности, — его верховным главой по-прежнему был Византийский (Константинопольский) Патриарх. Св. Савва понимал, что такое положение оставляло открытыми двери для иностранного влияния на судьбы Сербской Церкви. Кроме того, он по своему собственному опыту знал, сколь трудна связь с Византийским Патриархом, когда почти всюду на Балканском полуострове было неспокойно. Поэтому, прежде чем вернуться на родину, Савва, после горячей молитвы, снова обращается с просьбой к патриарху и императору. Описав все невзгоды Сербской Церкви, приведя убедительные доводы, новый архиепископ добился того, что Сербская Церковь получила на будущее время право избирать своего Предстоятеля на соборе местных епископов. Этим самым в истории Сербской Церкви началась новая эпоха и был положен конец прежней неустойчивости. Сербская Церковь стала в ряд других автокефальных церквей.

Полный благодарности Господу за успешное окончание столь великого дела, св. Савва возвратился на Афон. Пробыв там недолго, он простился со святогорскими святынями и, отобраз из числа хиландарской братии несколько монахов для служения в Сербии, отбыл на родину. Здесь, в столичном городе Расе, его с почетом и большой торжественностью встретил брат Стефан.

По возвращении на родину архиепископ Савва занялся устройением Церкви, и в первую очередь подбором достойных пастырей. Каждое воскресенье и каждый праздник он рукополагал достойных во священники и диаконы. Наконец, он учредил в Сербии двенадцать епископий и рукоположил для них епископов. При этом он всегда поучал их тому, что они должны совершать службу по духу и по правилам Церкви Христовой, призывая их достойно трудиться в винограднике Господнем. Одновременно с этим он прилагал много трудов для ускорения строительства и украшения Жичского монастыря. Когда строительство этой обители было завершено, он венчал в ней королевским венцом своего брата Стефана, который с этого времени стал именоваться Первовенчанным.

После того как св. Савва совершил все дела, связанные с восшествием его брата на королевский трон, он передал управление Сербской Церковью своему испытанному ученику — наместнику Жичского монастыря Арсению и отправился в паломничество ко Святым местам.

После опасного пути по морю святой паломник прибыл в Палестину. В Иерусалиме он был принят Патриархом Иерусалимским Анаста-

нием, который дал ему своих людей, чтобы они провели Савву по Святым местам, начиная от Вифлеема, где родился Спаситель, и далее по всем местам, связанным с земной жизнью Господа Иисуса Христа.

С радостным сердцем святой подвижник возвращался на родину. После остановки на Афоне, где он передал богатые дары милому его сердцу Хиландарскому монастырю, он вернулся на родину, принеся с собой Сербии не только многие дары из Палестины, но и новые мысли, новый опыт и новые знания.

Здесь, в своей стране, он продолжал с прежним рвением управлять своей Церковью. Не переставал он и украшать Жичский монастырь, в который перенес тело своего умершего брата Стефана Первовенчанного, которого он перед смертью постриг в монахи с именем Симона.

Архиепископ Савва продолжал свое служение, постоянно объезжал епархии, неустанно поучая всех и каждого, без различия звания и положения, как надо жить по заповедям Господним.

Четырнадцать лет управлял св. Савва Сербской Церковью. За это время он настолько укрепил в своей стране Православие, что понял — уже никакая сила не будет в состоянии его поколебать. В своем ученике-иноке Арсении он видел человека, наделенного большими достоинствами, впитавшего знания и поучения, преподанные ему. Чтобы избавить Церковь от всяких случайностей, св. Савва установил определенный порядок избрания и назначения нового архиепископа и положил начало его осуществлению, передав свою власть Арсению. Для этого Савва созывает в Жиче собор епископов, которому сообщает о своем решении. Собор одобрил это решение, и Арсений был посвящен в сан архиепископа.

Найдя себе достойного преемника, св. Савва вновь отправился в паломничество ко Святым местам; ему было уже почти шестьдесят лет, когда он снова подверг себя всем тяготам пути, неизбежным в условиях того времени. В пути он заболел, но, переборов болезнь, посетил Иерусалимский, Александрийский, Антиохийский и Константинопольский Патриархаты. Завершив свое путешествие по странам Востока, он направился на родину. По пути он посетил своего друга, болгарского царя Иоанна Асеня, в его столице Тырнове, где был принят с большими почестями. Тяжелое путешествие сильно подорвало телесные силы святого подвижника. В Тырнове на праздник Крещения Господня св. Савва служил Божественную литургию, это была его последняя литургия. Сильную стужу этого дня не выдержало его ослабленное тело. Савва слег в постель, и ему уже больше не было суждено подняться. Чувствуя приближение смерти, св. Савва переслал на родину дары, которые он вез с собой, и стал готовиться к христианской кончине.

В ночь с субботы на воскресенье со словами «Слава Богу за всё» испустил дух первый сербский архиепископ св. Савва. Это произошло в Тырнове в 1235 или 1236 году.

Более года тело архиепископа Саввы находилось в Тырнове. Когда же его, после многих трудностей, привезли в Сербию и открыли гроб, то оно оказалось совершенно нетленным. Еще мощи были помещены в монастыре Милешеве и находились там до 1594 года, когда их оттуда взяли турки и 27 апреля того же года, желая истребить память о св. Савве, сожгли на Врачаре в Белграде. Но турки ошиблись. Память о нем осталась в делах его, в народных песнях и народных обычаях.

Русская Православная Церковь чтит память св. Саввы 12 января и 30 августа.

П. Кутепов

ЭКУМЕНИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

ПОДГОТОВКА К IV ВСЕМИРНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «ВЕРЫ И УСТРОЙСТВА»

В июле 1963 года состоится IV Всемирная конференция «Веры и Устройства». Религиозное движение, известное под таким названием, возникло более 50 лет тому назад. В 1927 году в Лозанне была созвана 1-я Всемирная конференция «Веры и Устройства». Затем это движение вошло в организацию Всемирного Совета Церквей и было преобразовано в комиссию «Вера и Устройство».

Эта комиссия собирается, как правило, раз в три года. На последнем заседании этой комиссии в Сент-Эндрюсе в 1960 году был выработан ряд рекомендаций по подготовке к проведению следующей Всемирной конференции, четвертой по счету. Эти рекомендации были одобрены Центральным Комитетом Всемирного Совета Церквей, и в июне 1961 года Рабочий Комитет комиссии «Вера и Устройство» и Исполнительный Комитет Всемирного Совета Церквей утвердили план работы конференции и установили дату ее созыва — конец июля 1963 года.

На конференцию придут официальные представители церквей — членов Всемирного Совета Церквей, делегаты и наблюдатели от церквей, не являющихся членами Всемирного Совета Церквей, члены комиссии «Вера и Устройство», а также представители богословских комиссий и консультанты. Предполагается, что общее число участников конференции составит около 350 человек.

Общее руководство подготовительной работой к конференции возлагается на Рабочий Комитет комиссии «Вера и Устройство», на обязанности которого лежит также и окончательная обработка всех документов и докладов, предназначенных для конференции. Практически вся подготовительная работа осуществляется богословскими комиссиями и специально созданными для этой цели местными комитетами, на деятельности которых следует остановиться подробнее.

В мире сегодняшнего дня с его невиданным техническим прогрессом, резкими переменами, столкновениями различных идеологий, в мире, где народы, еще вчера стоявшие на коленях, сегодня встают во весь свой гигантский рост на родной земле, напоенной кровью и потом их предков, — в этом мире перед Церковью неизбежно встают вопросы и проблемы, требующие разъяснения и решения.

В целях более полного и обстоятельного разбора и исследования постоянно возникающих проблем при комиссии «Вера и Устройство» созданы специальные комитеты в Европе, Азии, Африке, на Ближнем Востоке, в Северной и Латинской Америке. Кроме того, для этой же цели используются уже существующие постоянные комиссии при Всемирном Совете Церквей. На их обязанности лежит детальное изучение положения на местах, выяснение положения церквей и точное формулирование тех вопросов, которые требуют дальнейшей богослов-

ской разработки. Для большего успеха в работе проводятся консультации и конференции в отдельных странах. К работе привлечены также отделы «Веры и Устройства» при Национальных Советах Церквей и другие департаменты Всемирного Совета Церквей.

Вся деятельность этих местных комитетов направлена к тому, чтобы точной постановкой вопросов и детальным определением положения облегчить исследовательскую работу богословских комиссий, которые на основании материалов, представленных местными комитетами, работают и подготовят доклады для конференции. Часть материалов будет представлена местными комитетами непосредственно для использования на конференции.

Всем этим местным исследовательским группам предоставлено право самостоятельного выбора тех планов и методов работы, которые они найдут наиболее удобными и плодотворными при существующих обстоятельствах. Предварительные отчеты и доклады о ходе работ своевременно представляются в секретариат комиссии «Вера и Устройство». Вся работа местных комитетов должна быть завершена к январю 1963 года.

Восемь секций богословских комиссий должны завершить свою работу к декабрю 1962 года. В течение 1962 года эти комиссии готовят к печати и издадут предварительные итоги своих работ. Сборник трудов азиатской группы был уже опубликован в 1960 году. В том же году был опубликован и предварительный отчет американской и европейской секций под названием «Един Бог, едино крещение».

План работы предстоящей конференции обсуждался в комитете «Вера и Устройство» на Третьей Ассамблее Всемирного Совета Церквей, где особое внимание было уделено региональным проблемам.

В августе 1962 года Рабочий Комитет соберется для просмотра материалов и докладов, представленных местными комитетами и богословскими комиссиями, и для выработки окончательной программы IV конференции. В конце текущего или в начале следующего года будут опубликованы результаты работ местных комитетов и богословских комиссий.

На основании всех накопленных к тому времени материалов будет составлен конспект. К 1 июня 1963 года конспект этот будет разослан делегатам конференции.

Е. Загрязкина

ГЕФСИМАНСКАЯ МОЛИТВА СПАСИТЕЛЯ

Гефсиманские страдания и моления о Чаше имеют особое значение в искупительном подвиге Спасителя. Еще задолго до Своих страданий Иисус Христос неоднократно указывал ученикам, что Ему надлежит «пострадать... быть убиту и в третий день воскреснуть» (Мф. 16, 21), что предадут Его «на поругание и биение и распятие» (Мф. 20, 19) для «искупления многих» (Мф. 20, 28).

Мысль о предстоящих мучениях и страданиях тем чаще посещала Господа, чем ближе подходило время страданий. Вместе с этой мыслью входило в душу Его томление, возмущение, скорбь. «Крещением должен Я креститься. И как Я томлюсь, пока сие совершится» (Лк. 12, 50), — сказал Он однажды Своим ученикам. Он «томился», когда говорил эти слова, томился и раньше и потом, до тех пор, пока не испил Чашу неизбежных страданий и смерти. «Креститься» и значило испытать эту Чашу.

Живя среди людей, уча их, творя для них дела милосердия и видя заблуждения, греховные недуги и язвы их, Иисус Христос, естественно, «томился», видя всю бездну греха людей и провидя, чем людская злоба воздаст Ему за Его любовь. Христос знал, что эти «недуги» Он должен «принять» и болезни должен «понести» (Мф. 8, 17). Он знал, что в этом выразится не только Его любовь к людям, но и вся та правда Божия о спасении рода человеческого, которую Он послан был возвестить и «исполнить».

За несколько дней до Тайной вечери Спаситель пришел в Вифанию. Отсюда совершился Его торжественный вход на ослиати в Иерусалим. Народ восторженным ликованием встречал Его. Но Он восскорбел и рыдал во время этой встречи (Лк. 19, 41). Он ведал, что Сыну Человеческому предстоит прославиться не торжественной встречей, а поношениями, заушениями, муками и крестной, позорной (в глазах людей) смертью. И этот час уже приблизился. Узнав, что пришедшие на праздник Пасхи эллины хотят видеть Его, Христос сказал апостолам: «пришел час прославиться Сыну Человеческому» (Иоан. 12, 23). «Истинно, истинно говорю вам, — продолжал Он, — если пшеничное зерно, падши на землю... умрет, то принесет много плода. Любящий душу свою погубит ее, а ненавидящий... сохранит ее в жизнь вечную. Кто Мне служит, Мне да последует... Душа Моя теперь возмутилась, и что Мне сказать? Отче! Избавь Меня от часа сего! Но на сей час Я и пришел» (Иоан. 12, 24—27).

Как видим, Христос этими словами Своего обращения к Отцу Небесному как бы кладет начало тому Гефсиманскому томлению, борьбе и молению, которое с необычайной силой захватило Его в последнюю ночь непосредственно перед взятием под стражу.

В этом первом, как бы предварительном и малом, молении мы находим указание не только на томление («возмущение») духа, но и на его причину. Указывая на пшеничное зерно, умирающее в земле

и приносящее много плода, Христос дает понять апостолам, что Ему предстоит умереть за людей, дабы даровать им плоды жизни вечной. Для этого Он и пришел в мир, в этом и будет состоять Его прославление. И вот пришло время исполниться всему этому. И не только Он Сам должен встать на путь тяжелых, но спасительных страданий и смерти, но и всякий верующий в Него: «Кто Мне служит, Мне да последует» (Иоан. 12, 26). «Кто хочет идти за Мною, отвергнись себя и возьми крест свой и следуй за Мною» (Мф. 16, 24).

Предстояло, таким образом, воспринять благословенный Крест и Христу и Его последователям.

Но это — тяжкий крест, и когда час его принятия приблизился, Христос возгласил: «И что Мне сказать? Отче! Избавь Меня от этого часа! Но на этот час Я и пришел» (Иоан. 12, 27).

Сознание того, что Он пришел именно на этот «час», возобладало во Христе над естественным страхом перед этим часом и желанием избавиться от него. Это сознание укрепило дух Христа, и на Свое моление «Отче, прославь имя Твое» Он услышал ответ Отца: «Прославил и еще прославлю» (Иоан. 12, 28).

Немощь плоти в этом первом борении была побеждена бодростью духа, укрепленного ощутимой связью с Отцом Небесным.

Первое, малое моление о «часе», а тем самым и о «Чаше», на этом было закончено.

*

* *

Гефсиманскому молению в собственном смысле непосредственно предшествовала прощальная беседа Христа с апостолами и Его первосвященническая молитва.

В прощальной беседе (Иоан. гл. 13—16) Христос поведал ученикам, что Отец Небесный послал Сына Своего на землю для прославления Отца и спасения мира. Он пошлет и Духа-Утешителя. Сам Отец — виноградарь, Христос — лоза, ученики — ветви. Как Христос исполнил волю Отца, так и ученики тогда будут исполнять волю Божию, когда по любви к Богу и людям будут и жизнь свою отдавать за других и тем показывать, что они — ученики Христовы. Страдание ведет к вечной радости и миру во Христе и твердой надежде на победу добра: «В мире будете иметь скорбь, но мужайтесь: Я победил мир» (Иоан. 16, 33).

В первосвященнической молитве (Иоан. гл. 17) Христос просит Отца прославить Сына, дабы и Сын прославил Отца и дал всякой плоти жизнь вечную. «Как Ты,— молился Христос Отцу,— послал Меня в мир, так и Я послал их в мир... Не о них только молю, но и о верующих в Меня... Да будут в Нас едино... Ты... возлюбил их, как возлюбил Меня... Да любовь... в них будет, и Я в них» (Иоан. 17, 18—26). Как в прощальной беседе, так и в первосвященнической молитве внимание Господа сосредоточено на Отце Небесном, на учениках Его и будущих последователях. Там и здесь Он говорит о Своем единстве с Отцом и с ними и призывает их к единству, любви и надежде на победу над злом. В скорбно-прощальном тоне Христос закончил Свое последнее общение с учениками во мраке сгустившейся ночи.

Уже приблизилось время, когда и ученики оставят Его. Среди невыразимых страданий Он будет испытывать одиночество, оставленность Богом и людьми. Предощущая и зная это, Христос в последней беседе и первосвященнической молитве говорит апостолам о необходимости единства и взаимной любви, чтобы предохранить их от малодушия и маловерия в час испытаний.

Апостолы, очевидно, были взволнованы, потрясены и смущены словами Учителя. Они были «печальны» и скорбны. Они смутно чувство-

вали, что вот-вот совершится что-то необычайное и страшное с Господом и с ними самими. Когда они вместе с Христом пришли в Гефсиманский сад, Он, повелев им молиться, чтобы не впасть в искушение, отошел от них и Сам стал молиться (Лк. 22, 40—41). С Ним были Петр, Иоанн и Иаков, вскоре же заснувшие невдалеке от Него.

*
* * *

В Гефсиманском саду Господу предстояло как бы предвосхитить в Своем сознании все, что ожидает Его в ближайшие часы, и в чем смысл наступающих великих и страшных, мучительных и вместе неизбежных событий. Человеческая природа Его испытала вполне естественный страх и трепет и стала «скорбеть и тосковать» (Мф. 26, 37), «ужасаться» (Мрк. 14, 33) и испытывать тяжкие «борения» (Лк. 22, 44). Внешне эти переживания выразились в том, что Он «преклонил колена» (Лк. 22, 41), «пал на землю» (Мрк. 14, 35) и «на лице Свое» (Мф. 26, 39), изнемогал, и был пот Его, как «капли крови, падающие на землю» (Лк. 22, 44). Он истощался плотию, приближаясь к смертному состоянию (Мрк. 14, 34).

Объясняя все сказанное в Евангелиях о всех этих внешних признаках страданий Спасителя, свв. отцы замечают, что все это сказано «по домостроительству» (св. Василий Великий,) «со стороны плоти, а не со стороны Божества» (св. Иоанн Златоуст). Показывая «страх, свойственный человеческому естеству... Богочеловек отрекается от страдания, как человек, но как Бог, не причастный страдания, с готовностью приемлет страдания и смерть» (св. Афанасий Великий). То же подчеркивает и блаж. Феофилакт: «Скорбит Он и тоскует благопромыслительно,— говорит он,— дабы уверовали, что Он — истинный Человек, ибо человеческой природе свойственно бояться смерти. Смерть вошла в человеческий род не по природе, а потому человеческая природа боится ее и бежит от нее» («Благовестник», т. I, стр. 160).

Сама плоть Сына Человеческого, не причастная греху, а следовательно, и страданиям за него, воспринимала грядущие страдания и телесную смерть с особой чувствительностью и болезненностью.

Борения и страдания Христа могли усиливаться и от искушений со стороны того, о ком Сам Христос в прощальной беседе сказал: «идет князь мира сего» (Иоан. 14, 30). Он шел, по попущению Отца Небесного, чтобы отвлечь Христа от «Чаши», долженствующей спасти род человеческий, и «разрушить дела диавола» (1 Иоан. 3, 8).

Диавол искушал Христа в пустыне в самом начале Его общественного служения, желая отвлечь Его от этого служения (Мф. 4, 1—11), и «отошел от Него до времени» (Лк. 4, 13). Теперь, при окончании общественного служения, это «время», по-видимому, и наступило, и диавол мог вновь отвлекать Спасителя, но на этот раз уже от искупительной Чаши.

Как видно из Евангелия, диавол воздействовал на апостолов (Лк. 22, 3, 31—32), и в Гефсимании он стремился через немощь их плоти расслабить и усыпить их, вопреки предупреждению Учителя (Мф. 26, 41), и теперь, перед принятием «чаши», чтобы расслабить и отвести Господа от нее, он мог как бы сказать Ему: «Ты не можешь преодолеть зло в мире и искупить род людской, страдания и смерть Твоя напрасны». Однако диавол и на этот раз не нашел во Христе «ничего» (Иоан. 14, 30), чтобы иметь успех. Успеха не было (Иоан. 12, 31; 16, 11). Он «бежал, пораженный послушанием Христа Богу-Отцу» (митрополит Филарет, Сочинения, т. 4, стр. 400).

Кроме указанных причин, объясняющих чрезвычайно острую внешне

видимую форму Гефсиманских страданий Спасителя, были еще и другие причины.

Осмысливая Гефсиманские борения и их внешнее выражение, блаж. Августин говорит: «Я не знал бы, как велико благодеяние и любовь ко мне грешному моего Господа и Спасителя, если бы Он не обнаружил предо мною, чего они стоят Ему». С другой стороны, если бы мы не знали, как Господь наш страдал в Гефсиманском борении, то могли бы думать, что Ему не свойственны внутренние страдания, или что была только видимость, призрачность, а не подлинная реальность таких страданий. Но из евангельских описаний этих страданий мы видим крайнее изнурение плоти Его. Мы знаем и об ангеле, явившемся укреплять человеческие силы Его, уже бывшие на исходе (Лк. 22, 43).

Если мы попытаемся сопоставить, хотя бы в самых общих чертах, видимую сторону Голгофских страданий Спасителя с Гефсиманскими, то лучше уразумеем их чрезмерность и их значение в искупительном подвиге Его. Борение в душе Сына Человеческого имело свое отражение в Гефсиманской молитве и состояло из трех молитвенных обращений к Отцу Небесному, в разное время произнесенных. Предметом этих обращений была все та же чаша наступивших и наступающих страданий. Эта чаша вызывала неодинаковое к себе отношение со стороны человеческой и Божественной природы в Богочеловеке. Человеческая природа пришла в страх и трепет перед разверзающимся океаном мук, страданий и скорби, моля о мимойтии этой чаши, «если возможно».

Евангелист Матфей так описывает эту молитву: «И отошед немного, пал на лице Свое, молился и говорил: «Отче Мой! если возможно, да минует Меня чаша сия; впрочем не как Я хочу, но как Ты» (Мф. 26, 39).

Евангелист Марк говорит: «И, отойдя немного, пал на землю и молился, чтобы, если возможно, миновал Его час сей. И говорил: Авва Отче! все возможно Тебе; пронеси чашу сию мимо Меня; но не чего Я хочу, а чего Ты» (Мрк. 14, 36).

У евангелиста Луки это описывается так: «И Сам отошел... на вержение камня и, преклонив колени, молился, говоря: «Отче! о, если бы Ты благоволил пронести чашу сию мимо Меня! впрочем не Моя воля, но Твоя да будет» (Лк. 22, 41—42).

Отсюда видно, что природа Божественная, будучи в неразрывной связи с Отцом и Его волей о спасении мира через страдания Сына, выражала готовность выполнить эту волю. Словом «впрочем» подчеркивается, что воля человеческая в Богочеловеке готова была преклониться пред волей Божественной.

Апостолы спали, и даже тот из них (ап. Петр), кто особенно перед Гефсиманией уверял Господа в своей преданности и готовности «душу свою положить за Него» (Иоан. 13, 37—38). Ближайшие друзья Его спали не только телесно, но и духовно, не понимая сути наступивших событий, как духовно спал и весь род человеческий. Кто может разбудить и возродить его, если не Единородный Сын при помощи Отца и по воле Отца! И вновь молится Сын, но уже с большим сдвигом воли человеческой к воле Божией: «Отче Мой! если не может миновать Меня чаша сия, чтобы Мне не пить ее, да будет воля Твоя». Этими словами молитвы, говорит св. Иоанн Златоуст, Христос «показывает, что Он совершенно согласуется с волей Бога» (Творения, т. 7-й, стр. 8). Здесь, замечает архиеп. Иннокентий Херсонский, «уже не слышно прямой молитвы об удалении чаши страданий... Преданность в волю Божию выражается живее и полнее, а собственное (человеческое) желание приметно слабеет и начинает переходить в безусловную покорность определениям небесным» («Последние дни земной жизни Иисуса Христа», стр. 253).

И опять Христос идет к ученикам и опять находит их спящими. Они спят, но не спят враги их Учителя. С минуты на минуту раздастся топот их шагов в самой Гефсимании. Моление должно быть закончено до их прихода. И молится в третий раз Христос, «сказав то же слово» (Мф. 26, 44). «Можно думать,—говорит проф.-прот. Н. Сергиевский,— что это была молитва исключительно в смысле: «да будет воля Твоя». Человеческая воля Христа окрепла в решении вознести на Крест грех мира и в своем огненном испытании взошла на высоту полного согласия с Божественной волей» («Гефсиманская молитва Господа», стр. 501).

После третьей молитвы Христос опять подошел к спящим ученикам, но уже затем, чтобы сказать им: «Встаньте, пойдем, вот приблизился предающий Меня». В этом обращении к апостолам слышится уже решительный тон и готовность уверенно идти навстречу дальнейшим страданиям.

Апостолу Петру, желавшему защитить Учителя от грядущей опасности, Христос уже говорит: «Неужели Мне не пить чаши, которую дал Мне Отец?» (Иоан. 18, 11).

Так закончилась мучительная Гефсимания и открывалась еще более мучительная Голгофа.

Вслед за Гефсиманским внутренним «борением» Господу предстояло испытать и другие страдания, идущие уже совне, со стороны тех внешних людей, с которыми Он встретится и при выходе из Гефсиманского сада, и во дворе Анны и Каиафы, и в претории Пилата, и у Креста Голгофы. Там начнется тяжесть внешнего креста, причем, разумеется, при сохранении скрытой мучительной силы и креста внутреннего. Здесь же (в Гефсимании) Он склоняется под тяжестью только внутреннего, то есть под тяжестью духовных, внутренних страданий, складывающихся из страха человеческой природы Христа перед наступившим внутренним и предстоящим внешним крестом и из чувства сострадательной любви Сына Человеческого к человеческому роду.

Спаситель объял Своей душой все грехи людей (1 Иоан. 3, 5), в полной мере «приял их недуги», взял на Себя их «болезни» (Мф. 8, 17; Исаии 53, 4), чтобы «вознести» их на Крестное «древо» Голгофы (1 Петр. 2, 24). Под бременем этих страданий не мог не вострептать и не воскорбеть Сын Человеческий. Он сказал: «Душа Моя скорбит смертельно» (Мрк. 14, 34). Не сказано «Душа страшится смертельно», а сказано «скорбит», чем указывается духовная, внутренняя причина душевных страданий Спасителя. Там (на Голгофе) зримы будут «язвы гвоздиные» на пречистых руках и ногах Его. Здесь же пребывают незримыми язвы сердечные, глубинные, неизглаголаные до конца. Там Он будет пить «уксус с желчью» (Мф. 27, 34). Здесь Он начал пить чашу внутренних, духовных, тяжких страданий. Там Он испытает чувство богооставленности и скажет со Креста: «Боже Мой, Боже Мой! Для чего Ты Меня оставил?» (Мф. 27, 46). Здесь Он также близок к этому чувству, однако имеет связь с Отцом в лице ангела, посланного с неба для укрепления сил Его. Эта горестная, и как бы предсмертная, молитва (Мрк. 14, 34) так потрясла все существо Его, что «был пот Его, как капли крови, падающие на землю» (Лк. 22, 44). Там, на Голгофе, среди невыразимых мучений Он вспомнит о Матери и любимом ученике и проявит сыновнюю заботу и пастырскую любовь к ним. Здесь Он, преисполненный сострадательной любви к погибающим, уже не может из-за них и ради них не пить «чаши сей» и изрекает: «Да будет воля Твоя!» (Мф. 26, 42). Там Он скажет «Совершилось!» (Иоан. 19, 30) — совершилось искупление мира, закончились «спасительные страсти» Христовы. Но здесь, в Гефсимании, явно и осязательно было положено начало этим безмерным страданиям и искупительным мукам, чтобы им закончиться на Голгофе.

Еще древний пророк Исаия, называемый ветхозаветным евангелистом, так благовествовал о Христе: «Муж скорбей и изведавший болезни... Он взял на Себя наши немощи и понес наши болезни... Он изъязвлен был за грехи наши и мучим за беззакония наши; наказание мира нашего было на Нем, и ранами Его мы исцелились» (Исаия 53, 3—5). Мужем скорбей, взявшим на Себя наши немощи и понесшим наши болезни, Христос явился в саду Гефсиманском. Все остальное, указанное великим пророком о страданиях Спасителя, Он понес во время суда над Ним и на Кресте Голгофы.

При первом же появлении Его среди еврейского народа Креститель Господень сказал о Нем: «Вот Агнец Божий, Который берет на Себя грех мира» (Иоан. 1, 29). Агнец Божий — это Иисус Христос, Который явился искупительной жертвой, начиная с самого Своего воплощения (вертеп, ясли, бегство в Египет, убогий Назарет и пр.), в период Своего общественного служения (Мф. 4, 23—24; Мф. 8, 16—17, 20; Лк. 12, 50; Лк. 13, 31 и др.) и особенно с момента Гефсиманских страданий и «борений». О чрезмерной силе этих страданий свидетельствуют евангельские повествования (Мф. 26, 36—46; Мрк. 14, 32—42; Лк. 22, 39—46).

О том же говорит ап. Павел: «Он во дни плоти Своей с сильным воплем и со слезами принес молитвы и моления Могущему спасти Его от смерти и услышан был за Свое благоговение. Хотя Он и Сын, однако страданиями навыв послушанию» (Евр. 5, 7—8). Эти страдания захватили человеческую природу Спасителя. В силу единства этой природы с нашей природой «Он, — как говорит Св. Афанасий Великий, — наше бытие и телесные немощи перенес на Себя» (Творения, ч. 2-я, стр. 412). «В вертоград Гефсиманский, — говорит свят. Димитрий Ростовский, — Христос вошел, чтобы вырвать, искоренить, вычистить в нем греховное терние, которое насадил и посеял первый человек в первом райском вертограде... Здесь Он взял на Себя все грехи, все беззакония, все преступления целого света... и болзнет всеми членами тела Своего» (Творения, т. 1-й, стр. 888, 891). Очень близко к этому примыкают суждения Филарета, митрополита Московского: «Если Он скорбит, то скорбит не собственною, но нашею скорбью... Он грехи наши носит и о нас болзнет... Потоки нашего беззакония слились для Иисуса в единую чашу скорби и страдания. Весь ад устремился на сию небесную душу. И дивно ли, что она была прискорбна даже до смерти» (митрополит Филарет. Сочинения, т. 1-й, стр. 36—37).

По воззрению блаж. Феофилакта, в Гефсимании Христос проявил «попечение о нас, явил избыток любви» («Благовестник», т. 2-й, стр. 934). Этот избыток любви помог Христу преодолеть страх Его плоти перед наступившими и будущими страданиями (на суде и Голгофе). Борьбу этих двух чувств (любви и страха) в Гефсимании хорошо живописует св. Димитрий Ростовский: «Кто же, о Господи, без раны так поразил и уязвил Тебя? Это — любовь, которая сильнее смерти. Два чувства боролись в Нем: страх и любовь. Страх понуждает просить Отца об отдалении чаши страданий. А любовь жаждет этой чаши... Борясь, эти два чувства обливают Его кровью... Истинно Слово Твое: «Ин есть сеяй, а ин жняй» (Иоан. 4, 37). Мы посеяли грех, а Ты пожинаешь болезни» (Творения, т. 1-й, стр. 888). Движимый этим двойным чувством, Христос три раза прекращал Свои моления к Отцу Небесному, чтобы найти для Себя поддержку у апостолов в общей с ними молитве и тем самым предохранить и их от «искушений» могущей впасть в немощь плоти. Увещевая и скорбя, Он взывал к ним: «Бодрствуйте и молитесь, чтобы не впасть в искушение. Дух бодр, плоть же немощна» (Мф. 26, 41).

С другой стороны, Он просил поддержки у Отца Небесного и получил ее через самоотречение, через полное самосоизволение творить волю Отца («да будет воля Твоя») и быть «едино с Ним». Таким образом, борение в душе Спасителя страха и любви закончилось победой любви. Это и есть та совершеннейшая, божественная любовь, которая не знает страха (1 Иоан. 4, 18). Благодаря этой любви все дальнейшие страдания Христос принял, «не изъясняя (уже) никакого страха... с любовью и молитвой о других, а не скорбью о Себе» (митр. Филарет. Сочинения, т. 4-й, стр. 399). Указания на Гефсиманские страдания и на их особое духовно-жертвенное значение мы находим у того же митр. Филарета: «Где Начальник нашего спасения перенес более духовных страданий, как не в уединении вертограда Гефсиманского?.. Здесь Он принес духовную жертву послушания воле Отца Небесного и крепкую о нашем спасении молитву» (Соч., т. 4-й стр. 198).

Нам открыто, что Бог есть «любовь» (1 Иоан. 4, 8), и вся Евангельская история убедительно подтверждает это. Нам открыто еще древним пророком и подтверждено апостолом и новое, новозаветное учение о Правде Божией и об отношении Бога к согрешающему человеку (Евр. 8, 8—13). Правда Божия не есть отдельное свойство Божие, противоположное любви. «Все свойства Божии суть облачение любви, все действия — выражение любви... Приблизьтесь и рассмотрите грозное лицо правосудия Божия, и вы точно узнаете в нем кроткий взор любви Божией» (митрополит Филарет. Соч., т. 1-й, стр. 92). Что же такое Правда Божия? Она — та же любовь, рассматриваемая лишь в ее отношении к внешнему миру и к согрешающему человеку. В отношении мира она проявляется как законы, закономерность и целесообразность в процессах внешней природы. По отношению к человеку она (любовь) действует через правила, законы и нормы, установленные для человека в заповедях и законах Божиих и в природной совести человека (Римл. 2, 14—15). Здесь любовь Божия, выраженная в слове Божиим как Правосудие, как Правда Божия, стоит на страже заповедей и установлений божественных, небесных. В условиях подлинно христианской, подвижнической жизни эти нормы и законы духовной жизни становятся самой жизнью в любви, для которой уже «нет закона» (Галат. 5, 23), когда «уже не я живу, но живет во мне Христос» (Галат. 2, 20), то есть живет Сама Божественная Любовь.

Любовь Божия проявляется как в побуждениях к спасению грешного человека, так и в способе этого спасения и целях его.

Побуждением к спасению человека явилась неизреченная и предвечная любовь Божия (Иоан. 3, 16; 1 Иоан. 4, 19). В условиях Своей земной жизни Сын Человеческий проявлял Свою любовь ко всем «страждущим и обремененным» делами милосердия и сострадания (Мф. 9, 36; Мрк. 1, 41; Мрк. 14, 14; Мф. 15, 32 и др.). Отсюда и любовь Божия к людям обычно называется сострадательной, состраждущей любовью Божией, наиболее проявленной в Гефсимании и на Голгофе.

Средствами к спасению человека явились боговоплощение, просвещение людей светом Евангельского учения, страдания (в том числе и Гефсиманские), смерть, воскресение и вознесение Сына Человеческого, ниспослание Святого Духа и учреждение Церкви Христовой.

Цель спасения — вернуть падшего человека в первозданное состояние, дабы соделать грешника праведником во Христе и причастником вечной жизни и блаженного единения с Богом. Короче говоря, этой целью было «освящение и обожение людей» (св. Афанасий Вел.).

Любовь Божия целиком объемлет человека, определяя его настоящее и будущее, вселяя в него триединство: единство с самим собой, единство с ближними и единство с Богом. И такая любовь «никогда не перестает», хотя бы все другое и «упразднилось» (1 Кор. 13, 8), и эта любовь от Бога, ибо Сам Он есть Любовь.

Страдания Спасителя (в том числе и Гефсиманские) имеют искупительное, то есть спасительное, значение. Это были страдания из-за нас, ради нас. «Пасха наша, Христос заклан на нас» (1 Кор. 5, 7), — говорит ап. Павел. Эту же мысль он формулирует и иначе: «Един Посредник между Богом и человеками, Человек Христос Иисус, предавший Себя для искупления (избавления) всех» (1 Тим. 2, 5—6). Агнец Божий принял на Себя грех мира (Иоан. 1, 29). «От нас,— говорит св. Афанасий Великий,— Христос примет наши немощи и приносит Отцу, ходатайствуя за нас, да уничтожатся эти немощи в Нем... и истребятся» (Творения, ч. 2-я, стр. 461).

Какие же немощи истребятся? Немощи греховные, вытекающие из самой природы греха. Грех есть «вражда против Бога» (Римл. 8, 7), то есть противление воле Божией, и неизбежная при этом потеря связи с Богом, внутренний разлад («рассечение»), страдание и разъединение с людьми. Все это, как мы видели, и было пережито Христом. Преп. Иоанн Дамаскин говорит: «Господь усвоил Себе и проклятие, и оставление наше. Усвоил... наше лицо, поставляя Себя наряду с нами...» («Точное изложение православной веры», книга 3-я, стр. 193).

Усваивая наши грехи, Иисус Христос, как безгрешный, принял и усвоил не самую порчу и тление, а очистительные, целебные муки за это тление, а вместе принял и муки, страдания и наказания всех людей в связи с их бесчисленными грехами. Все это возможно было совершить только всемогущей силой сострадательной божественной любви. Один из наших богословов так рисует действие любви при восприятии страдающей души состраждущей: «Любовь переводит содержание страждущей души в сердце состраждущей. Совершается великое таинство восприятия другой души. Душа эта воспринимается со всей ее немощью, и ее страдания становятся страданием души состраждущей» (Арх. Гурий (Степанов). «Богозданный человек», гл. 2-я, стр. 84).

Говоря о Гефсиманских страданиях Сына Божия, митрополит Филарет пишет: «Своими внутренними страданиями Христос очищал наши внутренние нечистоты, заглаждал нашу виновность, удовлетворял... Правосудию Божию и вместе молился о нашем помиловании, прощении, спасении и был услышан» (Сочинения, т. 4-й, стр. 399).

И не только Христос берет на Себя наши грехи и усваивает связанные с ними муки, страдания и «сострадает» нам (Евр. 4, 15), но и мы призваны усваивать спасительные страдания Сына Божия и Гефсиманские и Голгофские. Мы сострадаем Ему, сораспинаемся с Ним, как со своим «состраждущим Помощником» (из акафиста Страстей Господних). Ап. Павел прямо призывает нас к этому «участию в страданиях Христа» (Филип. 3, 8—10), ибо если мы страдаем с Ним, то являемся «наследниками Божиими и сонаследниками Христу» (Римл. 8, 17—18). Если Христос положил за нас душу Свою, то и мы «должны полагать души свои за братьев» (1 Иоан. 3, 16). Как Христос страдал за нас плотию, так и мы, страдая духовно, должны страдать и телесно, «распиная плоть со страстями и похотями» (Галат. 5, 4) и нося в теле «язвы» (Галат. 6, 17), «мертвость» (2 Кор. 4, 10). Господа своего. Христос был распят на кресте, и этот крест с Распятым мы должны носить в своем сердце и видеть всегда пред собой Христа, «и притом распятого» (1 Кор. 2, 2).

Сораспинаясь духовно с Христом, мы становимся причастниками благодатных чувств, «яже во Христе Иисусе», входим в полноту любви Христовой и тем самым в единение с Ним, а чрез Него достигаем внутреннего единства и братского единения со своими ближними. Всем

этим мы и оправдываем и прославляем безмерные и непостижимые страдания Христа, ради нас в Гефсимании и на Голгофе Им понесенные.

Прот. А. Ветелев

МЫСЛИ ЕПИСКОПА ФЕОФАНА-ЗАТВОРНИКА О ПОКАЯНИИ

Исповедание грехов не представляет больших затруднений, когда успеет человек совладать с собой и положить намерение оставить грех; но он не совладает с собой, пока не раскается, не раскается, пока не осудит себя, не осудит, пока не познает грехов своих. Итак, исходное дело в покаянии — познание грехов своих.

Войди же теперь всякий в себя и займись прежде всего рассмотрением жизни своей и всего, что в ней было неисправного. Конечно, всякий готов говорить и говорит о себе, что он грешен, и не говорит только, а нередко и чувствует себя таковым. Но эта греховность представляется нам в нас в виде смутном и неопределенном. А этого мало. Приступая к исповеди, надобно определенно разъяснить себе, что именно в нас нечисто и грешно, и в какой мере. Надобно знать свои грехи ясно и раздельно, как бы численно. Для этого вот что сделай: поставь с одной стороны Закон Божий, а с другой — собственную жизнь и посмотри, в чем они сходны, а в чем несходны. Бери или свои дела и подводи их под закон, чтобы видеть, законны ли они; или бери закон и смотри, исполнялся ли он, как следует, в жизни твоей, или нет. Так пройди и закон весь и всю жизнь свою. А чтобы ничего не опустить в этом важном деле самоиспытания, хорошо держаться в нем какого-либо порядка. Вообрази себе яснее все обязанности наши в отношении к Богу, к ближним и к самим себе и потом точнее и подробнее просмотри свою жизнь по всем этим отношениям. Или перебери заповеди Десятословия, одну за другой, со всеми частными предписаниями, в них содержащимися, и смотри, исполнил ли ты все требования в них. Читай также, кто может, Нагорную беседу Спасителя, где Он изъясняет закон древний, восполняя его духом христианским, или читай послания апостольские в тех главах, где излагаются обязательные для христиан правила жизни, например, послание к Римлянам с 12-й главы или к Ефесянам с 4-й главы, также послание апостола Иакова и первые два послания Иоанна Богослова. Всмотрись во все это, как в зеркало, и увидишь, где в тебе есть какое пятно или безобразие.

Вследствие такого пересмотра жизни откроется в числе наших дел, слов, чувств, помышлений и желаний множество или прямо противозаконных или полузаконных — таких, в которых не совсем чисты были намерения, хотя внешне они и не преследуются законом; соберется всего многое множество, и, быть может, вся жизнь окажется наполненной делами недобрыми, как непрерывная цепь, или ряд изделий безобразных и отвратительных.

Но в этом только начало самопознания, и останавливаться на этом не должно. Надобно проходить далее в познании своей греховности, или глубже входить в греховное сердце свое. Под делами и словами, под частными мыслями и чувствами лежат постоянные расположения сердца, служащие для них источниками. В совокупности этих расположений проявляется личность человека и определяется его характер, — потому их-то в особенности и надо распознать. Труда тут немного, — добросовестность наша перед собою не позволит нам скрыть, что владеет сердцем нашим и какие обитают в нем властители.

Такое рассмотрение приведет нас к познанию господствующих в нас страстей или одной, преобладающей над всеми. Известно, что корень всему злу в нас есть самолюбие. Из самолюбия выходит гордость, корыстность и страсть к наслаждениям, а от них уже — и прочие страсти. Они все есть у всякого, кто грешит; но не у всех в одинаковой степени: у одного гордость преобладает, у другого — корыстность, у третьего — страсть к наслаждениям. И гордый не чужд корыстных видов и наслаждений, но легко одолевает их, когда удовлетворение ими может унижить его. И своекорыстный готов потешиться, если это ему ничего не стоит, и т. д. Так у всякого какая-нибудь страсть господствует, а другие стоят как бы в тени и в подчинении ей. Эту-то господствующую страсть и надо увидеть и определить, чтобы потом на нее решительнее можно было действовать.

Но в познании себя надобно идти еще далее. После всего вышеизложенного надобно выяснить еще общий дух нашей жизни, или отличительную черту ее, а именно: кому мы служим? Господу, или себе, или греху? Что имеем в виду? Себя или Господа, Его славу и угождение Ему? За кого всегда стоим? За имя Божие или за свое? Это четко определяет, что мы такое сами в себе и чего поэтому ожидать должны. Это общий вывод из предыдущего, который сам собой скажется в совести, ясно определится в сознании и исповедуется пред лицом Господа всеведущего.

Так, наконец, вообразится вся картина и история нашей греховной жизни: дела, чувства, расположения и главный дух жизни. Вслед за этим надобно поболеть о себе и оплакать грехи свои. Познав свою греховность, не будь холодным ее зрителем. Не проходи ее мысленно с таким же равнодушием, как ходят по чужому, запущенному и заросшему дурной травой полю. Приблизь это познание к совести и вместе с ней начни возбуждать в сердце спасительные покаянные чувства.

Этим чувствам, естественно, самим собою следовало бы происходить в нас, но не всегда бывает так. Сердце огрубевает от греха. Потому нелегко оно умягчается, когда надобно бывает возводить его к раскаянию. Вот и еще труд, и труд более значительный, ибо в деле покаяния — все от чувств сердца.

Приступая к этому, прежде всего понудь себя дойти до самообличения, напрягись возбудить в себе чувство виновности так, чтобы в глубине сердца твоего сказалось: виноват! Тут будет борьба с самооправданиями, или извинениями своих грехов и падений. Чтобы отогнать их, устрани из внимания все, оставь себя наедине с Богом-Судией и без укрывательства укори себя: знал ты, что не надобно грешить, — и грешил; мог воздержаться и избежать увлечения — и не употребил во благо своего самовластия; совесть претила тебе, а ты с презорством заглашал этот Божий в тебе глас. Затем сообрази места, времена и обстоятельства греховных своих дел и из всего этого извлеки сведения, которые заставили бы сердце твое и совесть твою проникнуться чувством виновности и взывать: Виноват! Ничего не имею в оправдание! Так переходи от одного греха, от одного нечистого расположения к другому и ко всему, как подпись какую, прилагай: Виноват! Совершая добросовестно это действие обличения, ты сердечно утвердишь за собой все грехи свои: сознаешься, что и в том виноват, и в другом, и в третьем; облечешься как бы в грехи свои и почувствуешь, что они лежат на тебе всей своей тяжестью, сознаешь себя безответным за них и воззовешь: Окаянен аз! После того, как произойдет это в сердце твоём, поспеши возбуждать или изводить из сердца, предрасположенного уже к тому, болезненные чувства, составляющие содержание истинного раскаяния, именно: печаль, что оскорбил Бога, стыд, что довел себя до такой

неисправности, сожаление, что мог воздержаться и не воздержался, досаду на свой грешный произвол, не внимавший никаким внушениям разума и совести. Чувства эти сами собой будут готовы возрождаться из сердца после сознания грехов, но ты и сам помогай им развиваться... Пусть горит в них душа, как в огне: чем более будет гореть она и чем сильнее будет горение, тем спасительнее. Предел, до которого надо довести это соболезнование о грехах, есть омерзение к ним и отвращение от них. В этом отвращении — опора решимости не грешить и надежда самоисправления.

Кто возымел отвращение к греху, тот стал вне его, извергнул его из себя и имеет теперь полную свободу действовать, не чувствуя его влечений. Вот минута, когда смело можешь приступить к обету не грешить, который произносится в сердце твоём пред лицом Господа.

Пади пред Ним и скажи: Не буду! Никогда не буду грешить, хотя бы умереть пришлось, — только спаси и помилуй! Этот сердечный обет должен увенчать чувства раскаяния и засвидетельствовать их искренность. Он — не в слове, а в чувстве и составляет внутренний завет нашего сердца с Богом, восстанавливает религию сердца.

*
* * *

Просвети, Господи, очи сердца моего, да познаю и исповедаю пред духовным пастырем — судьей, врачом и наставником моим — все грехи мои! Быть может, исповедание грехов моих, на которое теперь решаюсь, — последнее в жизни моей. Быть может, в последний раз Ты отверзаешь мне двери покаяния. Да будет же исповедь моя искренним и совершенным сознанием моим во всем том, чем согрешил я пред Тобою: неверием Твоему Божественному Слову, сомнением в Твоих святейших истинах, противлением Святой Церкви Твоей, преступлением Твоих заповедей и всем, в чем упрекает меня моя совесть, озаренная Твоим законом.

Всеблагий и Премилосердный Боже! Извлеки меня из бездны греховной, прости по Своему человеколюбию мои прегрешения, освободи меня от греховных недугов, уврачуй язвы души моей, воскреси ее для жизни, сообразной с Твоей волей, расторгни узы, связывающие душевные мои силы, даруй мне свободу сынов Твоих, облеку меня снова в одежду оправдания Твоего, ниспосли радость спасения Твоего, направь стопы мои на путь Твой, заставь меня отстать от путей беззакония, помоги перестать быть грешником, — да с теми блаженными, которые принесли Тебе истинное покаяние, превозношу и я благодать и человеколюбие Твое, Отче, Сыне и Душе Святой, во веки веков!

ВХОД ГОСПОДЕНЬ В ИЕРУСАЛИМ

Злоба врагов к Иисусу Христу в Иерусалиме — центре религиозного фанатизма — достигла крайнего предела после воскресения Лазаря, когда «многие из иудеев, пришедших к Марии» — сестре Лазаря «и видевших, что сотворил Иисус, уверовали в Него» (Иоан., 11, 45). Явились, с другой стороны, и доносчики и клеветники, которые пришли к фарисеям и передали им об этом событии, осветив его, конечно, в неблагоприятном для Христа свете (Иоан., 11, 46). И вот собирается совет из первосвященников и фарисеев, на котором ставится вопрос: «Что нам делать? Этот Человек много чудес творит. Если оставим Его так, то все уверуют в Него, — и придут римляне и овладеют и местом нашим, и народом» (Иоан. 11, 47—48). Тут находим, конечно, обманчивый довод: хотя сами враги Христа глубоко ненавидели римское

господство и подчинялись ему с тайною злобою, но они хорошо знали, что Христос никогда не возбуждал народ еврейский против римского правительства, а, напротив, всегда уклонялся от политических манифестаций. В действительности враги Христа волновались потому, что боялись потерять свою власть над храмом и народом: они превратили храм в источник своих доходов... Притворяясь страхом пред опасностью, угрожающею со стороны римлян, Каиафа, по божественному влиянию, которому как первосвященник он был доступен, несмотря на свое личное недостойство, изрек истину, сам ее не сознавая, именно, что Христу надлежит умереть «за народ, и не только за народ, но чтобы и рассеянных чад Божиих собрать во едино» (Иоан. 11, 51—52). Не сказал Каиафа: «лучше нам, чтобы один человек был убит», а «чтобы один человек умер за людей» (Иоан. 11, 50). Но своего невольного пророчества Каиафа не понимал, как не уразумели его и другие члены синедриона, и «с этого дня положили убить Его», то есть Христа (Иоан. 11, 53).

Но час искупительной смерти Господа еще не пришел. «Посему Иисус уже не ходил явно между иудеями, а пошел оттуда (то есть из Вифании) в страну близ пустыни, в город, называемый Ефраим, и там оставался с учениками Своими» (Иоан. 11, 54). Христос удаляется не в пустыню, а в область, граничащую с пустынею. Это та пустыня, о которой говорится в книге Иисуса Навина и которая простиралась от Иерихона до Вефиля (Иис. Нав., 16, 1). Что касается географического положения города Ефраима, то оно не определено точно, но, по наиболее вероятному предположению, Ефраим то же, что Ефрон (2 Парал. 13, 19) или Офра (Иис. Нав. 18, 23) колена Вениаминова. Иосиф Флавий сообщает, что в 69 году Веспасиан, во время иудейской войны, наряду с другими областями захватил «городки» Ефраим и Вефиль (Иуд. война. IV, 9, 9), и, следовательно, эти города находились поблизости один от другого. Епифаний Кипрский передает о своем путешествии из Иерихона по пустыне, в направлении к Вефилю и Ефраиму (Ереси, XXX, 9). Евсевий Кесарийский отождествляет Ефраим с Ефроном (Иис. Нав. 15, 9) и Офрою и замечает, что «существует еще теперь большая деревня Ефраим, в 20 римских милях к северу от Иерусалима»; в другом месте он пишет: «существует и теперь деревня Ефраим, в 5 римских милях к востоку от Вефиля».

В Ефраиме Христос и Его ученики находились в совершенной безопасности; злоба врагов не могла их здесь преследовать. «Как отрадно еще раз, хотя на краткое время, видеть божественного Учителя истины в таком месте, где Он, не стесняемый стечением народа, не возмущаясь кознями врагов, мог спокойно провести несколько дней в тишине и мире! Для Него всегда всегда приятны были часы уединения и безмолвия (Лк. 4, 42; 5, 16), обыкновенно посвящаемые Им молитвенному собеседованию с Отцом или дружескому наставлению Своих учеников. Теперь, с приближением страданий и смерти, такое уединение и безмолвие были еще нужнее и приятнее. Величественная суровость местоположения, вид безмолвной природы (Иисус Христос всегда любил обращать на нее внимание) совершенно согласовались с предметами, которыми занята была душа Иисусова. Если ученики Его проразумевали и предчувствовали важность наступающих событий, то и для них дни, проведенные в Ефраиме, были днями размышления, молитв и тайных великих ожиданий. Евангелист не сказывает, чтобы Иисус Христос поучал теперь чему-нибудь Своих учеников. Ефраимское уединение, кажется, было посвящено Им более Себе Самому, нежели ученикам. Впрочем, ближайшее обхождение с Учителем, воспоминание о всем прошедшем, особенно о последних событиях, были сами по себе весьма поучительны» (Архиеп. Иннокентий. «Последние дни земной жизни Господа нашего Иисуса Христа». Соч., т. IX, стр. 39—40).

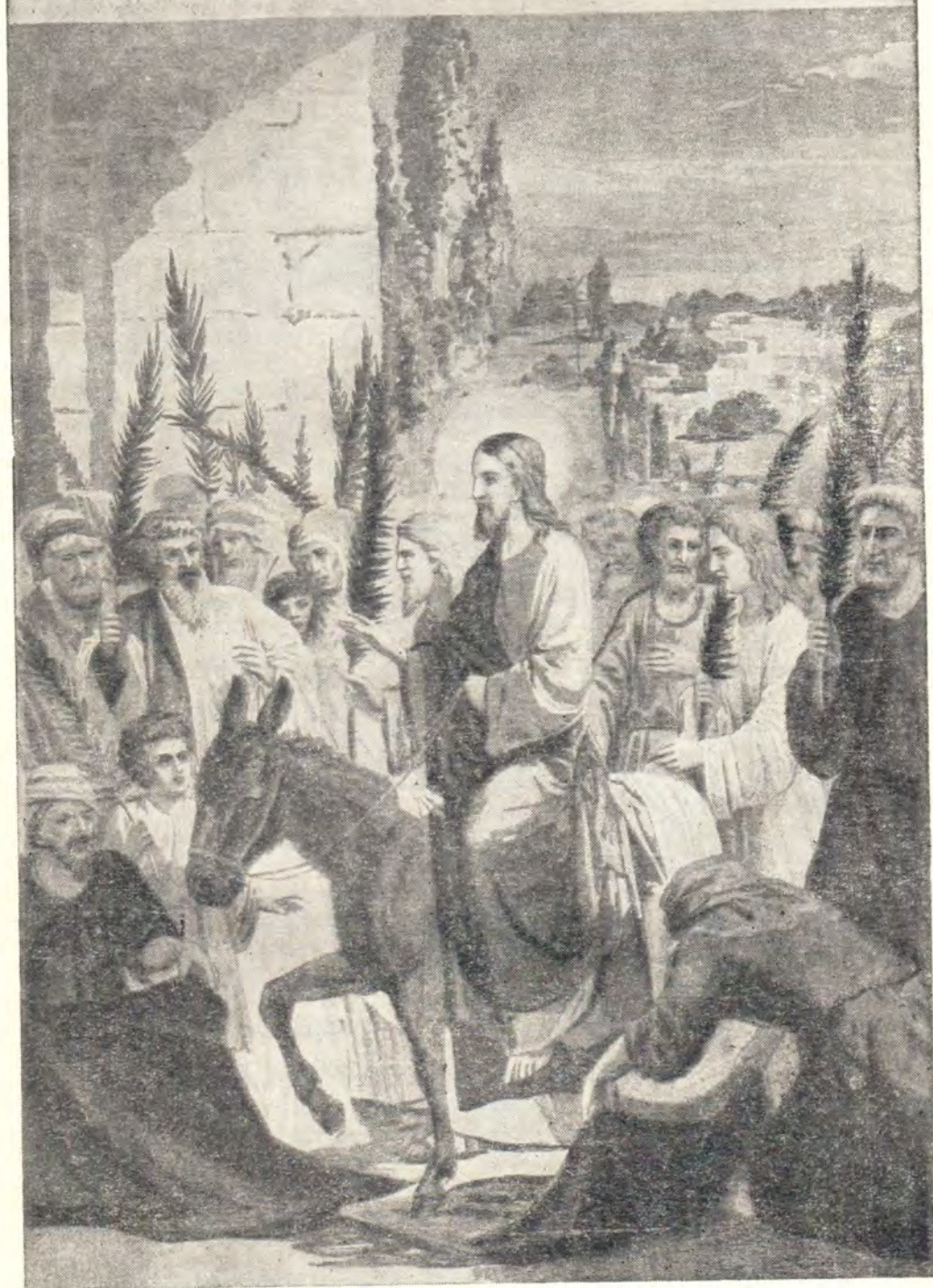
Но вот приближается пасха (Иоан. 11, 55). Христос со Своими учениками оставляет тихий Ефраим и направляется в Иерихон (Мрк. 10, 46). «И когда выходили они из Иерихона, за Ним следовало множество народа» (Мф. 20, 29; сравн. Мрк. 10, 46). Это галилейские пилигримы, направляющиеся на праздник в Иерусалим. Исцеление двух иерихонских слепцов, из которых один был Вартимей, еще более увеличило славу Христа (Мрк. 10, 46 и дал.; Мф. 20, 29 и дал.). Идут со Христом и только что прозревшие благодарные слепцы (Мрк. 10, 52; Мф. 20, 34). В Иерихоне Христос посещает дом Закхея (Лк. 19, 5) и, быть может, здесь проводит ночь.

На другой день Христос с учениками и галилейскими пилигримами направляется в Иерусалим. «Местность, отделяющая Вифанию от Иерихона, представляет неровную возвышенность, усеянную крутыми причудливыми скалами, разорванными землетрясениями, перерезываемую бесчисленными ущельями и долинами. Если Палестина вообще очень удобна для разбойнических набегов, то это особенно нужно сказать об этой местности» (проф. А. А. Олесницкий. «Святая Земля», т. 2. Киев, 1878, стр. 9—10). Приточный самарянин милосердовал о человеке, попавшем разбойникам, именно по дороге из Иерусалима в Иерихон (Лк. 10, 30). Путь этот требует для своего перехода 6—7 часов.

Не галилейские только караваны пилигримов двигались в Иерусалим. Сюда стекались паломники из разных стран и приходили раньше пасхи, «чтобы очиститься» (Иоан. 11, 55). По закону вкушать пасху могли только левитски чистые, а потому вкушение пасхи требовало очищения чрез омовение, жертвы. Христа привыкли видеть на празднике пасхи, а потому, стоя в храме и беседуя друг с другом, спрашивали: «как вы думаете? не придет ли Он на праздник?» (Иоан. 11, 56). Галилейские пилигримы направляются прямо из Иерихона в Иерусалим, а Христос с учениками останавливается в Вифании.

Тихая, гостеприимная Вифания, где Спаситель и раньше находил приют (Лк. 10, 38 и дал.) и где Он так часто пребывал в последние дни Своей земной жизни! «Вифания» означает дом бедных (*beth ani-jah*). Существуют и другие словопроизводства, но менее правдоподобные: «дом (место) фиников» (*beth chinneh*) или «место лавок» (*beth shani*), так как в предпраздничное время здесь располагались торговцы. Она лежала в 15 стадиях от Иерусалима (Иоан. 11, 18) и расположена была по склону горы Елеонской. В IV и V веках Вифания, по имени праведного Лазаря, называлась *Lasariim*, а нынешняя Вифания носит название *El-Asarieh*. Когда ев. Иоанн писал свое Евангелие, Вифании уже не существовало (11, 19: «бе же Вифания»), как опустошена была и Гефсимания с бывшим там садом (Иоан. 19, 1: «идеже бе вертоград»). Древняя Вифания была разрушена, по свидетельству Талтотта, за три года до разрушения Иерусалима, во время иудейской войны. Нынешняя Вифания подвинулась, по сравнению с древнею, в сторону гроба Лазаря, ибо ныне гробница Лазаря лежит в западной части деревни, подле самой мечети, а согласно Евангелию она находилась вне Вифании (Иоан. 11, 30 и дал.). Подлинность гробницы удостоверяется древними свидетельствами. Так, Бордоский путник 333 года пишет: «есть здесь пещера, где положен был Лазарь, воскрешенный Христом»; блаж. Иероним говорит о церкви над гробом Лазаря, которую посетила св. Павла. В более позднее время наш путешественник, в начале XII века, игумен Даниил пишет: «Влезучи же в врата городка того (то есть Вифании) на десной руке есть пещера, и в той же пещере гроб святого Лазаря праведнаго, и келиа его ту; в той же пещере Лазарь болевь умре, ту же и воскреси его Исус. Есть бо посреди городка того церковь создана велика, верх ея золочен, исписана же была велми; и от тое церкви до гроба Лазарева сажен 12; есть же

ВХОДЪ ВЪ ИЕРУСАЛИМЪ ГОСПОДА НАШЕГО ИИСУСА ХРИСТА.

ВХОДЪ ГОСПОДЕНЬ ВЪ ИЕРУСАЛИМЪ

гроб Лазарев пред городом и донине, а от церкви к западу лицом». И теперь, как и во времена Христа Спасителя, чрез Вифанию проходит дорога в Иерихон, и вообще нынешний вид El-Asarieh — бедной деревни, состоящей из 30—40 домиков, соответствует древней Вифании.

Христос пришел в Вифанию «за шесть дней до Пасхи» (Иоан. 12, 1). Иудейская пасха была по закону 14 Нисана вечером. Так как, согласно Евангелиям, Христос Спаситель совершил Пасху с Своими учениками в четверг, то значит 14 Нисана падало тогда на этот именно день недели. Отсчитав от вечера четверга шесть дней, получаем, что Христос пришел в Вифанию в пятницу вечером; во вторник Он говорит: «вы знаете, что через два дня будет Пасха, и Сын Человеческий предан будет на распятие» (Мф. 26, 2). В нашей литературе господствующим является взгляд, что, хотя Христос Спаситель совершил иудейскую пасхальную вечерю, но совершил ее, вместе с некоторыми иерусалимлянами, днем раньше, — ибо это будто бы разрешалось, то есть четверг последней пасхальной вечери Господа с учениками падал на 13 Нисана, а пятница — день смерти Господа — на 14 Нисана. Тогда, отсчитав от вечера пятницы шесть дней, получаем, что Христос пришел в Вифанию в субботу вечером. Но допустить это невозможно по многим причинам. Прежде всего Христос не мог нарушить субботнего покоя, совершая в этот день путешествие. Предположение, что, при наступлении субботы, Он остановился с учениками в каком-нибудь близлежащем от Вифании селении, а затем, по миновании субботы, прибыл в Вифанию, не может быть принято, хотя бы по тому одному, что по соседству с Вифанией, по дороге из Иерихона, такого селения нигде нет. И самая вечеря, устроенная Христу в Вифании, требовала приготовления и не могла быть Ему сотворена, если бы Он пришел в субботу. «Сотвориша ему вечерю ту» (Иоан. 12, 2), «сотвориша» не Марфа и Мария, а жители Вифании, друзья Лазаря. «Ту» — не в доме Лазаря, ибо тогда не упоминалось бы, что «Марфа служила», и замечание: «Лазарь был одним из возлежавших с Ним» (Иоан. 12, 2) являлось бы непонятным, так как смысл его тот, что Лазарь был в числе званных гостей. Судя по другим Евангелиям, вечеря была в доме Симеона прокаженного (Мф. 26, 6; Мрк. 14, 3). Наконец, едва ли на один субботний вечер могут падать все те события, о которых читаем в четвертом Евангелии: вечеря в Вифании, приход сюда многих иудеев из Иерусалима, решение первосвященников убить и Лазаря (Иоан. 12, 9—10). Таким образом, Христос пришел в Вифанию в пятницу пополуночи, в субботу уготована была Ему вечеря, а на другой день — в воскресенье совершился торжественный Его вход в Иерусалим. Евангелисты меньше всего хронисты или хронологи, они вовсе не пишут какой-нибудь дневник жизни Господа, поэтому слова ев. Иоанна «на другой день» (12, 12) нет нужды понимать так, что событие входа Господня произошло на другой день по приходе Христа в Вифанию; это имело место на другой день после вечера в доме Симона прокаженного.

Обратимся теперь к самому этому великому событию.

В воскресенье Христос идет из Вифании в Иерусалим. Три дороги вели туда чрез гору Елеонскую. «Одна из них проходит между ее северною и среднею вершинами; другая поднимается на самую высокую часть горы и спускается через теперешнюю деревню Эт-Тур; третья огибала южный отрог срединной массы и вела между нею и так называемым «холмом злого совета» (Ф. В. Ф а р р а р. «Жизнь Иисуса Христа», пер. А. П. Лопухина, СПб., 1885, стр. 331). Третья дорога была обычною дорогою из Вифании в Иерусалим; она была продолжением Иерихонского пути, и ею, несомненно, как наиболее удобною, Христос направился из Вифании с Своими учениками и последователями.

В Ев. Матфея читаем: «и егда приближишася во Иерусалим и придоша в Вифсагию (в некоторых списках прибавляется: и Вифанию,— очевидно, на основании параллельного места Евангелий Марка и Луки; см. С. Tischendorf. *Novum Testamentum*, I, p. 129), к горе Елеонстей, тогда Иисус посла два ученика» (21, 1). В параллельном же месте Евангелий Марка и Луки говорится не о приходе в Вифсагию, а о приближении только к Виффагии, причем после Виффагии поставляется Вифания (Мрк. 11, 1: «и егда приближишася во Иерусалим, в Вифсагию и Вифанию»; Лк. 19, 29: «и бысть яко приближися в Вифсагию и Вифанию»). Различие выражений, может быть, объясняется тем, что под Виффагиею разумелся и целый городской округ, куда Христос пришел (Матфей), и небольшое селение, к которому Он еще только приблизился (Марк и Лука). Первые три евангелиста не говорят прямо, что Христос по пути из Иерихона в Иерусалим остановился в Вифании,— хотя из дальнейшего их повествования можно заключать об этом (Мф. 26, 6; Мрк. 14, 3),— чем и объясняется, что у них указываются такие топографические пункты: Иерусалим, близлежащая Виффагия и более отдаленная Вифания, или, наоборот: Вифания, откуда Христос направился, Виффагия и Иерусалим. «Приблизились к Виффагии и Вифании», то есть место, откуда Христос послал учеников, было между этими селениями, а самое селение, куда направились, по слову Господа, ученики, была Виффагия; она лежала не на пути, а в стороне пути (Мрк. 11, 2: «идита в весь, яже есть прямо вама»).

И Вифания и Виффагия находились на склоне горы Елеонской. Для ясности нужно сказать, что гора Елеонская, отделяющаяся от Иерусалима долиною Кедронскою, «есть, собственно говоря, горный хребет, имеющий в длину 3½ версты. Он тянется от юга к северу, облегая Иерусалим с востока. Южная оконечность хребта отстоит не более как на полверсты от восточной стены Иерусалима; расстояние между северным его концом, уклонившимся к западу, и северною стеною города несколько значительнее, а именно 1¼ версты... Хребет горы Елеонской состоит из трех отдельных вершин. Значительнейшая из этих вершин — северная... Она носит название горы мужей Галилейских (карем ес-Сайяд)... Средняя (джебел ет-Тур) только на сажень ниже северной вершины. Она в собственном смысле есть гора Елеонская и с нее-то именно, как гласит весьма древнее предание, вознесся Господь Иисус... Южная вершина называется горою Соблазна (джебел Батн-ел-Хава) на основании того предположения, что на этой именно вершине были поставлены Соломоном языческие капища» (прот. Н. А. Елеонский. «Описание Святой Земли». Чтения о Св. Земле, 3, СПб., 1896, стр. 20—22). Вифания находилась на восточном, а Виффагия — на южном склоне Елеона, в том месте, где обычная дорога пилигримов огибает гору в южном направлении,— следовательно, на возвышении, которое, соединяет собственно гору Елеонскую с джебел Батн-ел-Хава. Пилигримы, идущие Иерихонскою дорогою, отсюда впервые созерцали красоту Иерусалима.

Смысл слова «Виффагия» спорный. Ориген говорит, что «Бет-Фагия» означает «дом челюсти», потому что там было место жительства священников, которые получали челюсти закланных жертвенных животных (Migne, XIII, col. 1429. 1432). Но такое словопроизводство современными учеными отвергается, и «Вифсагию» понимают в смысле «дом смокв»; проходя из Вифании в Иерусалим, Христос, как известно, искал плодов на смоковнице, так что здесь, видимо, были смоковничные сады. В Талмуде Виффагия считается крайним пунктом Иерусалима. Городской округ простирался на 2000 шагов, следовательно, Виффагия, как и гора Елеонская, лежала от городских стен на расстоянии субботнего пути. Виффагия была разрушена вместе с Иерусалимом, и ее положение нельзя точно определить; некоторые предпола-

гают, что это нынешняя деревня Силоам. Предположение, что Христос, идя из Иерихона, прежде вошел в Виффагию, чем в Вифанию, так что Виффагия лежала восточнее последней, основывается на неправильном понимании уже рассмотренного нами евангельского текста.

Селение, куда Господь послал Своих учеников, было, как мы сказали, Виффагия (евангельский текст нельзя понимать так, что Христос пришел в Виффагию, а затем отсюда послал Своих учеников в «селение»). «Идита,— говорит Господь,— в весь, яже прямо вама, и абие обрящета осля привязано и жребя с ним; отрешивша приведита Ми» (Мф. 21, 2). Кто были ученики, посланные Господом в Виффагию для исполнения Его поручения, остается неизвестным, но, по всей вероятности, это были те же апостолы, которые чрез несколько дней — в четверг — посылались Господом из Вифании в Иерусалим для уготовления пасхи, то есть Петр и Иоанн (Лк. 22, 8). Владелец животных — ослицы, привязанной у ворот дома на улице (Мф. 21, 2), и молодого осла с нею, на которого еще никто не садился (Мрк. 11, 2), был, можно предполагать, неизвестный ученик Христов, ибо слова «они надобны Господу» (Мф. 21, 3) побудили его беспрекословно предоставить животных. Мнения, что животные могли стоять на перекрестке дорог просто для пилигримов, не желавших совершать путь пешком, или что из слов учеников и из уст толпы владельцы животных хорошо поняли, для чего требуются последние, и потому отдали их беспрекословно, противоречат евангельскому тексту. Не случайно обретаются ослица и молодой при ней осел, а по божественному предведению Христа; смысл приведения ко Христу животных даже для учеников, а тем более для посторонних, не был известен; Господь не приспособлялся к энтузиазму, который пока еще и не обнаружился, а действовал по собственному желанию, во исполнение мессианских пророчеств о Нем (Мф. 21, 4; Иоан. 12, 16). Правда, в Ев. Иоанна говорится: «обрет же Иисус осля вседе на не» (12, 14), но это не значит, что молодой осел был найден случайно. Обстоятельства нахождения животных, указываемые у первых трех евангелистов, повествованием Иоанна не исключаются, а подразумеваются: «обрет»,— когда уже его привели к Иисусу. Далее в Евангелии Иоанна говорится: «ученики Его сперва не поняли этого, но когда прославился Иисус, тогда вспомнили, что так было о Нем написано, и это сделали Ему» (12, 16). В словах «это сделали» включается не только прославление Христа (12, 12—13), но имеются в виду все обстоятельства торжественного входа Господа в Иерусалим, в которых принимали участие ученики, то есть и нахождение ими ослицы.

В Евангелии Матфея повествуется о приведении учениками для Иисуса Христа ослицы и молодого осла (21, 7, ср. ст. 2), у прочих же евангелистов читаем о приведении только осленка к Иисусу (Мрк. 11, 7, ср. ст. 2, 3; Лк. 19, 30, 35; Иоан. 12, 14). Поэтому некоторые сомневаются, что было два животных, и говорят, что Матфей приспособляет свое повествование к пророчеству Захарии. Но невозможно везде требовать чуда: Христос восседал на молодом осленке, на которого еще никто не садился, но животное шло спокойно, потому что рядом с ним вели ослицу. В экзегетике являются спорными по смыслу слова: «и вседе верху их» (чтение ἐπεκάθισεν обычно предпочитается чтению Resept.: ἐπέθικαν, ибо в последнем случае можно бы ожидать: αὐτόν. — Ἐπάνω αὐτόν, а раньше ἐπέθικαν ἐπ' αὐτῶν, а не ἐπάνω αὐτῶν, как в Resept. Чтение D и латинских переводов: ἐπέθικαν ἐπ' αὐτόν, то есть на осленка возложили одежды, принимаемое Цаном, *Evangelium des Matthaeus*, s. 610, Anmerk. 8, является корректурой, облегчающей понимание места). Параллельное место в Евангелии Марка: «возложиша на не ризы своя и вседе на не» (11, 7) дают некоторым основание понимать текст первого Евангелия так, что Христос восседал попеременно на обоих животных. Но в отношении к животным не могло быть

употреблено выражение «поверх» (ἐπάνω) их»; у ев. Марка стоит иное выражение: «на него» (ἐπ' αὐτόν). Наш русский перевод ясно передает мысль рассматриваемого места: «и положили на них», то есть на животных, «одежды своя, и Он сел поверх их», то есть одежд (в слав. тексте в обоих случаях стоит «верху»). Также в Новом Завете св. митрополита Алексия читаем: «и возложиша на ня ризы своя и всѣде верху их» (л. 11 обор.). И в приводимом евангелистом пророчестве Захарии (пророчество Захарии — 9,9) приводится ев. Матфея свободно, с привлечением Ис. 62, 11, но оно более приближается к тексту еврейскому, чем к LXX), не говорится, что Христос будет восседать на обоих животных: «всед на осля», а затем, соответственно еврейскому параллелизму, последнее ближе определяется как «молодой осел, сын подъяремной» (Мф. 21, 5). В Евангелии повествуется только о приведении для Иисуса Христа двух животных, что было необходимо, как видно из раньше сказанного, для исполнения пророчества о восседании Царя Сиона на молодом осле, на которого еще никто не садился.

Царь кроткий, Царь правды и мира грядет в Иерусалим на мирном животном. Радоваться должна «дщерь Сиона» (Мф. 21, 5; Иоан. 12, 15), то есть не вообще население Сиона, а истинный Израиль, Израиль по духу (Римл. 9, 6; Галат. 4, 26, 28), который не забывает, что ему приносится избавление не от политического ига, а от рабства духовного, какое избавление связано со страданиями и смертью Мессии. Скромным было это шествие, но в то же время сколько в нем величия! «Не на колеснице едет,— говорит св. Иоанн Златоуст,— как обыкновенно поступают другие цари, не требует дани, не наводит Собою страха, не имеет копьеносцев, но и здесь показывает величайшую кротость. Спроси у иудея: был ли какой-нибудь царь, который бы на ослиати въезжал в Иерусалим? Он не может указать тебе никого, кроме только Христа» (Творения, т. VII, стр. 675—676). Но это скромное шествие превосходило, затмевало собою все победные шествия.

Евангелист Лука сообщает, что Христу, торжественно грядущему в Иерусалим, воздавали почести ученики, или «все множество учеников» (19, 36—37). Но из первых двух Евангелий видно, что в этом принимали участие «многие» (Мрк. 11, 8), «множество народа» (Мф. 21, 8), состоявшего главным образом из паломников, пришедших в Иерусалим на праздник пасхи, преимущественно из Галилеи, а иерусалимляне, руководимые фарисеями, в общем враждебно относились к Христу. Евангелист Лука передает о постилании учениками одежд своих по пути (19, 36), то есть одежд, бывших поверх хитона, ев. же Матфей прибавляет, что «резали ветви с дерев и постилали по дороге» (21, 8), а у Марка употреблено такое выражение, из которого видно, что путь устилали, или делали как бы подстилку на нем, из ветвей деревьев, полевых цветов. Это знаки почести, воздававшиеся на Востоке грядущим царям. Но, кроме того, Христа чествовали и торжественным «осанна», взятым из Пс. 117 (118), 25, которое пели, или, при звуках музыки, возглашали каждый день в радостный праздник кушей, обходя жертвенник всесожжений, причем в руках имели так называемый Lulabh, то есть пальмовые ветви с привязанными к ним ветками мирта. Последний день праздника кушей (ср. Иоан. 7, 37) назывался «осанна», или позже «великое осанна». Из того же 117 (118) псалма взяты слова «благословен грядый во имя Господне» (ст. 26), которыми священники приветствовали приходящих в храм, а в более позднее время иерусалимляне встречали ими пришедших в Иерусалим пилигримов. Народу еврейскому, в объявшем его священном религиозном восторге, ясно рисовалось царство Давида с его славою и величием (Мрк. 11, 10). Это царство не политическое: народ восклицает «мир на небеси и слава в вышних» (Лк. 19, 38) — приветствие, напоминающее ангельскую песнь при рождении Спасителя (Лк. 2, 14) и говорящее о прими-

рении неба и земли, о прославлении Бога на небе ангельскими силами, какое прославление открывается и на земле. Писавший для христиан из язычников св. Лука не употребляет непонятного им еврейского, в арамеизованной форме, «осанна», находимого у всех остальных евангелистов. «Осанна» значит «спаси» (Пс. 117, 25), подай или ниспосли спасение. «Осанна в вышних» не означает, что «осанна взывается ангелами на небе», или что «осанна слышится в небесах», а имеет смысл: «осанна Сыну Давидову в вышних» — пред престолом Божиим, откуда да исходит на Него благословение Божие.

Согласно третьему Евангелию все множество учеников начало хвалить Бога, припоминая все великие дела Христовы, когда приблизились к спуску с горы Елеонской (19, 37). Достигнут был, значит, высший пункт этой горы. Но в толпе были, видно, и враги Христа — фарисеи. Они не могли перенести этого ликования, этих восторженных мессианских кликов, но и сдержать религиозный энтузиазм были также не в силах. Поэтому они обращаются к Христу с словами: «Учитель! запрети ученикам твоим». На это Спаситель отвечает: «сказываю вам, что если они умолкнут, то камни возопиют» (Лк. 19, 40). Разумеется здесь не камни Иерусалима, который будет разрушен, а камни вообще, лежавшие по пути. Выражение имеет приточный характер (ср. Аввак. 2, 11) и говорит, что совершающееся ныне пред глазами всех явление Мессии, Царя мира и правды, так величественно, так неотразимо, что его замолчать нельзя, иначе об этом будет поведено иным образом. Не боязнь пред римлянами или пред римским гарнизоном, находившимся в крепости «Антония», побуждала фарисеев обратиться к Христу с указанными словами, — их возмущало великое торжество, являющееся, по их мнению, оскорблением Бога, ибо в их глазах Иисус не был истинным Мессией.

Между тем торжественное шествие все ближе и ближе подходило к священному городу. Открывалась со всей ясностью дивная красота храма, храмовых террас священного города, считавшегося одним из чудес мира. Но этот город невозможно было уже спасти, ибо он отверг своего истинного Мессию; покрывало лежало на глазах этих бездушных ревнителей закона и не давало им видеть свет. И Христос плачет о судьбе Иерусалима и предсказывает его гибель. «О, если бы и ты, — говорит Спаситель о Иерусалиме, — хотя в сей твой день узнал, что служит к миру твоему! Но это сокрыто ныне от глаз твоих, ибо придут на тебя дни, когда враги твои обложат тебя окопами, и окружают тебя, и стеснят тебя отовсюду, и разорят тебя, и побьют детей твоих в тебе и не оставят в тебе камня на камне, за то, что ты не узнал времени посещения твоего» (Лк. 19, 42—44). И сбылось это пророчество Христа со всею точностью, с ужасающею действительностью. «В новейшем Иерусалиме, кто хочет искать остатков древнего, много раз разрушавшегося города времен Христа, должен искать их на двадцать футов ниже поверхности, да и там едва ли найдет. В одном только месте сохранилось несколько надпочвенных строений, и то как бы для того только, чтобы показать, какую огромную развалину представляют они». (Ф. В. Ф а р р а р. «Жизнь Иисуса Христа», стр. 334). Слова Спасителя «не оставят в тебе камня на камне», как и свидетельство иудейского историка Иосифа Флавия, что после разрушения Иерусалим представлял совершенную пустыню, мерзость запустения (Иуд. война, VI, I, 1), не являются простою гиперболой. Новейшие раскопки и нахождение древних палестинских памятников только подтверждают истинность пророческих предсказаний о гибели страны.

Когда Спаситель плакал о судьбе Иерусалима и предсказывал его полное разрушение, торжественное шествие, должно быть, на время приостановилось. Между тем в Иерусалиме стало известно, что Христос сюда направляется. Пилигримы, пришедшие на праздник, устрем-

ляются из Иерусалима в сретение Христу (Иоан. 12, 12), и, таким образом, две людские волны — одна из Вифании, другая из священного города — встречаются. И пришедшие из Иерусалима имеют также в руках «ваия» из пальмовых ветвей, и слышится то же радостное «осанна! благословен грядущий во имя Господне Царь Израилев» (Иоан. 12, 13). Пальмовые ветви, всегда зеленеющие, — это символ победы, радости, жизни, спасения (ср. Апок. 7, 9); тогда в окрестностях Иерусалима было много пальм, которые ныне исчезли. Слово «ваиа» (βάϊον), встречающееся только один раз в данном месте Евангелия Иоанна, по мнению Лагарда, египетского происхождения, перешедшее в иудейский язык.

Когда Христос Спаситель торжественно вошел в Иерусалим, по преданию, чрез называемые ныне Золотыми ворота, на восточной стороне города, ведущие на площадь храма, то, по словам евангелиста Матфея, «потрясая весь град» (21, 10), то есть пришло в движение, заволновалось все его население от малого до великого и из уст в уста переходил вопрос: «кто есть Сей?» (Мф. 21, 10). Вопрос этот вызван, конечно, не тем, что Христос в первый раз пришел в Иерусалим, ибо Он здесь был и учил не один раз. Недоумение возбуждало и не то, каким образом Христос пришел сюда, несмотря на угрозы синедриона. Вопрос ставился ввиду торжества входа, религиозного восторга, но этот вопрос обнаруживал не веру в Христа — Мессию, а простое любопытство иерусалимлян. Поэтому и сопровождавшие Христа не отвечают: «это Мессия», а говорят более понятным неверовавшему Иерусалиму языком: «Сей есть Иисус, пророк (ὁ προφήτης, известный всем Своим учением пророк) из Назарета Галилейского» (Мф. 21, 11).

Так совершился празднуемый ныне торжественный вход Спасителя в Иерусалим. На дальнейшем евангельском повествовании нам нет нужды останавливаться, ибо изгнание Господом из храма торгующих совершилось, согласно повествованию Марка, только на другой день (11, 15 и дал.). По словам Иннокентия, архиепископа Херсонского, оно «отложено было до следующего дня, как бы для того, чтобы не нарушить торжественности настоящего» (Сочинения, т. IX, стр. 55). В день Своего входа Христос только посещает храм, исцеляет приступивших к Нему слепых и хромым, принимает хвалу детей, восклицающих «осанна Сыну Давидову», что повергает первосвященников и книжников в крайнее негодование (Мф. 21, 12, 15—16), а вечером того же дня удаляется в Вифанию, ибо Он не любил проводить ночи в шумном городе, да и пребывание Его в Иерусалиме было для Него теперь небезопасным.

Событие торжественного входа Господа нашего в Иерусалим имеет важное значение в Его земной жизни и деятельности. До сих пор Господь воспрещал говорить о Своем мессианстве, а ныне Он являет Себя как Мессия, не только пред учениками, но и пред всеми. Час Его настал, и, во исполнение пророчества, Он открывает Свою мессианскую славу, так что Израиль, отвергнувший Христа, осудивший Его на смерть, является безответным пред судом Божиим. «Для отклонения всех недоумений Сыну Человеческому надлежало явиться дочери Сионовой в полном виде Царя кроткого, чтобы она, отвергнув в Нем Жениха своего, не могла сказать, что отвергла Его по неведению, и вот в сем-то самом и состояла главная цель настоящего торжественного входа Иисусова в Иерусалим. Это было для всех иудеев всенародным объявлением, что Иисус Христос есть их истинный Мессия (Архиеп. Иннокентий. Сочинения, т. IX, стр. 61). Тут ясно было указано, что царство Христа есть царство не политическое, а духовное, — царство правды, мира, кротости, и это признали сами сопровождавшие Христа в Иерусалим и оказавшие Ему царские почести.

«Ваиа», которыми тогда приветствовали Христа и которые и мы

употребляем в нынешний праздник,— это символ победы, непреходящей жизни и духовной радости. Это своего рода наши победные трофеи. Все мы — едино тело Христово, и все празднуем эту победу, и все едиными устами взываем: «осанна Сыну Давидову! Благословен грядый во имя Господне!» (Проф. А. А. Дмитриевский. «Церковные торжества в дни великих праздников на православном Востоке». СПб., 1909, стр. 213).

В своих дивных песнопениях в седмицу ваий Святая Церковь исчерпывает весь рассмотренный нами евангельский текст, часто приводя его буквально. Она глубже разъясняет нам евангельское событие. Она восхваляет Христа, Который «на херувимех носимый и певаемый от серафим восседе... на жребя» (в Неделю Ваий вечера стихиры на «Господи, воззвах»). Она призывает «новый Сион», «новаго Израиля» воспевать «со отроки: «се Царь твой спасая к страсти грядет» (в субботу Ваий вечера стихира на стиховне). Торжественное шествие Христа в Иерусалим она рассматривает именно как шествие на вольную страсть, чтобы «исполнити Писание» (в субботу Ваий вечера на стиховне стихиры самогласны), «совершити закон и пророки» (суббота Ваий стихира на литии). Весьма важно, что, согласно церковным песнопениям, «дети еврейския», сретающие Христа «с ветвми и ваием», были научены всесвятым Духом звать: «осанна в вышних» (суббота Ваий стихира на литии). Ориген, св. Иоанн Златоустый и другие придают сэдению Христа на жребяти, за которым шла ослица, символическое значение: «чрез осленка означается Церковь и народ новый, который был некогда нечист, но после того, как воссел на нем Иисус, соделался чистым», а за язычниками, ревнуя о спасении, придут и иудеи (Св. Иоанн Златоуст. Творения, т. VII, стр. 676). И Церковь в своих песнопениях воспевает: «грядет и идет Христос ко Иерусалиму яко Царь, седя на жребяти осли, языческое подклонити безусловесие под ярем Отцу» (понедельник Ваий, тропарь первой песни канона; также пяток Ваий, тропарь восьмой песни канона).

Константинопольский патриарх св. Прокл заключил свое слово в Неделю Ваий словами: «Взяв пальмовыя ветви, изыдем мы в сретение Господу». Церковь в своих песнопениях в Неделю Ваий всегда напоминает нам о «ветвях добродетелей», о «ваиях добродетелей» (суббота Ваий, стихира на малой вечерни). Изыдем в сретение нашему Господу! «Приидите, уготовим Господеви к сретению, ветви добродетелей носяще Ему: тако бо Его примем, якоже во граде Иерусалиме, в души нашей, поклоняющися и поюще Его» (вторник Ваий) *.

Д. Б-ий

* В целях назидания, нравственного укрепления и возвышения не имеет, конечно, значения точная евангельская хронология и топография, и этим объясняется, что в церковных песнопениях говорится: «Прежде шести дней пасхи прииде Иисус в Вифанию и приступиша к Нему ученицы Его, глаголюще Ему: Господи, где хощеш, уготоваем Ти ясти пасху. Он же посла их: идите в преднюю весь и обрящете человека, скудель воды носяща» и дал. (суббота Ваий на великой вечерни). Или: «Прежде шести дней бытия пасхи прииде Иисус в Вифанию воззвати умерша четверодневна Лазаря» и дал. (суббота Ваий на литии стихиры самогласны). Или: «Днесь Христос входит во град Вифанию, на жребяти седая» (Неделя Ваий, стих на «Слава и ныне» после Евангелия).

ПУТЬ ЖИЗНИ

«Лествица, юже виде древле великий в патриарсех, указание есть, душе моя, деятельнаго восхождения, разумнаго восшествия».

(Великий канон св. Андрея Критского)

Христианская внутренняя жизнь едина. Она не исчерпывается творением отдельных добродетелей и воздержанием от отдельных пороков, но представляет собой единый цельный процесс внутреннего «оздоровления» человека, процесс непрерывного и последовательного очищения или духовного возрастания христианина «в меру возраста Христова» (Ефес. 4, 13). «Всякое житие связано с предшествующим и у него занимает себе приращение и переходит в другое, высшее» (св. Исаак Сирианин, слово 40-е, стр. 167)*. «Добродетели, будучи связаны одна с другою, произволящего возводят на небо» («Лествица», слово 9-е, стр. 94).

«Произволение» — желание, стремление к Богу и общению с Ним, труд — «внутреннее делание» и, с постоянной Божией помощью, восхождение от одной добродетели к другой по «ступеням» внутренней жизни — так представляется эта жизнь в святоотеческом понимании.

Такое понимание является лишь последовательным развитием учения, выраженное в Священном Писании. Апостол Иаков указывает на то же единство жизни и закона, изводя это единство из единства Законодателя, когда говорит: «Кто соблюдает весь закон и согрешит в одном чём-нибудь, тот становится виновным во всем» (Иак. 2, 10). Другие апостолы непосредственно указывают на последовательность добродетелей, как одна добродетель «рождает» другую, переходит в следующую. «Покажите в вере вашей добродетель, — говорит апостол Петр, — в добродетели рассудительность, в рассудительности воздержание, в воздержании терпение, в терпении благочестие, в благочестии братолюбие, в братолюбии любовь» (2 Петр. 1, 5—7).

Но наиболее ясное выражение такого единства христианской жизни заключено в евангельских блаженствах, «новых заповедях», данных Господом Иисусом Христом в нагорной проповеди.

*

**

В беседе с Никодимом Господь Иисус Христос сказал ему, что тот, кто хочет «видеть» Царство Божие, войти в него, должен родиться свыше, жить новой жизнью. Если «рождение» в эту жизнь совершается «водою и Духом», то указание того, в чем состоят усилия человека, что он должен делать, чтобы его жизнь действительно оставалась новой, заключено в данных Господом Иисусом Христом заповедях. Эти заповеди Господь Иисус Христос и дал людям в самом начале Своей проповеди, когда «много народа из всей Иудеи и Иерусалима и приморских мест Тирских и Сидонских... пришли послушать Его» (Лк. 6, 17—18).

Эти заповеди каждый день поются или читаются в православных храмах для того, чтобы они глубоко проникли в сердце слушателей,

* Творения свв. отцов цитируются по следующим изданиям в русском переводе: св. Исаак Сирианин. «Слова подвижнические», изд. 3, Серг. Посад, 1911; преп. Иоанн, игумен Синайской горы. «Лествица», изд. 5, Серг. Посад, 1898; преп. авва Дорофей. «Душеполезные поучения», изд. 10, 1913; преп. Симеон Новый Богослов. «Слова», вып. 1, изд. 2. М., 1892; преп. отцы Варсануфий и Иоанн. «Руководство к духовной жизни», изд. 4, СПб., 1905.

чтобы они стали законом жизни каждого христианина, светом и руководством во всех его путях и обстоятельствах. В них находится указание того пути, который приводит человека от греха к правде, к достижению вечного Небесного Царства.

Где же начинается этот путь? Как начинается новая жизнь в человеке?

Только тот начинает лечиться, кто почувствует, что он болен. Только тот захочет исправить свою жизнь, кто сознает, что он живет нехорошо.

Началом пути возвращения блудного сына к Отцу, из евангельской притчи, было то, что он «пришел в себя» (Лк. 15, 17). И человек, когда «сподобляется прийти в себя» (авва Дорофей, поуч. 1-е, стр. 27), начинает «познавать и сознавать свою немощь» (Симеон Новый Богослов, слово 17-е, стр. 163).

«Блажен человек, который познает свою немощь,— говорит св. Исак Сирианин, — так как ведение сие делается в нем корнем и началом всякого доброго усовершенствования» (слово 61-е, стр. 333).

Как в земной обычной жизни просят помощи только те, кто нуждается, так и в начале жизни духовной тот, кто почувствует свою «нищету духовную», начинает просить и искать помощи у Того, Кто один может помочь ему.

Такое сознание, такое внутреннее состояние и есть начало пути в Небесное Царство.

И Господь Иисус Христос сказал: «Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное» (Мф. 5, 3).

«Ничто так не согласно со смиренномудрием, как плач» («Лествица», слово 7-е, стр. 77). Когда человек познает свою немощь и от этого смирится, поймет, что он не такой, каким он должен быть, ему горько станет от этого сознания, заплачет он тогда о себе самом, о своей не так прожитой жизни. В слезах кается человек, от всего сердца захочет он изменить, исправить свою жизнь.

«Желающий избавиться от живущих в нем грехов — плачем избавляется от них, и желающий не впадать вновь в грехи — плачем избавляется от них» (Слова преп. Пимена Великого, цит. по собр. соч. еп. Игнатия Брянчанинова, изд. 3, т. I, стр. 199).

Бог никогда не отвергает кающегося. «Слезами отверзается дверь для вшествия в страну утешения» (св. Исаак Сирианин, слово 22-е, стр. 99). «Постепенно начинает соединяться со слезами утешение, состоящее в особенном спокойствии, в ощущении кротости и смирения» (соч. еп. Игнатия, там же, стр. 199).

И Господь Иисус Христос сказал: «Блаженны плачущие, ибо они утешатся» (Мф. 5, 4).

Скорбь о грехах особенно действует на душу человека; плач «угашает всякий пламень раздражительности и гнева» («Лествица», слово 8-е, стр. 87), человек изменяется.

А такая перемена неизбежно вызовет и изменение к нему окружающих. По мере того, как человек овладевает самим собою, улучшаются его отношения с другими людьми, ему легче становится жить на земле.

И Господь Иисус Христос сказал: «Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю» (Мф. 5, 5).

«Те, кто плачут, те также алчут и жаждут правды и всеусердно ищут Царствия Божия, превосходящего всякий ум человеческий» (Симеон Новый Богослов, слово 3-е, стр. 41—42).

Когда «укрощаются», ослабевают в человеке страсти и он больше владеет самим собой, начинает оживать его душа. В ней появляются и становятся более заметными новые чувства, желания и стремления. Человек усерднее сопротивляется греху и уже не телесных наслаждений ищет, но стремится к Богу, истине и Божией правде.

Это стремление бывает очень сильно, как голод и жажда объемлет оно сердце человека. Часто все оставляет человек — мир, родных и знакомых, прежние занятия — «Царствия ради Божия и правды его».

Но если и не проявляется это стремление в каких-либо внешних, заметных действиях, то внутри человека всегда совершается особая работа над собой — искание правды Божией, труд очищения от того, что замечает в себе человек, как недолжное, нарушающее заповеди Божии.

Это — время подвигов, но также и время ощутимой помощи Божией в этих подвигах.

И Господь Иисус Христос сказал: «Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся» (Мф. 5, 6).

Ощущение помощи Божией особенно действует на «ищущего правды» человека, оно воодушевляет его на новые труды и подвиги. А от этого еще больше изменяется и сам человек и его отношение к людям. Уже не только кроток и снисходителен становится он, в сердце его является новое чувство: он делается милостивым, милосердным.

Милость и милосердие — это непосредственное проявление любви, исполнение «наибольшей заповеди» Божией. Поэтому они имеют большую силу — «любовь покрывает множество грехов» (1 Петр. 4, 8).

И Господь Иисус Христос сказал: «Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут» (Мф. 5, 7).

Все труды подвижника над собой направлены к одной цели — очищению своего сердца. Но «сердце жестокое и немилосердное никогда не очистится» (св. Исаак Сирианин, слово 41-е, стр. 173). Но когда человек станет милостивым, ничто уже не удержит его на пути дальше. «Всеобъемлемость дела милостыни производит в душе, без всякого промедления времени, общение с единым сиянием славы Божества» (св. Исаак Сирианин, слово 1-е, стр. 7).

Сердце человека настолько привязано ко греху, что если внешние поступки человека, казалось бы, и не нарушают непосредственно заповедей Божиих, но, так как в сердце еще остаются «корни» страстей, в сердце еще продолжается борьба с грехом. Бог один может очистить сердце, и оно очищается перенесением скорбей и искушений.

Сколько бы искушений ни пришлось перенести человеку, трудящемуся над очищением своего сердца, он этим не смущается. Он видит в этом Промысл Божий, «споспешествующий» ему на пути спасения. Меняется отношение человека к Богу после перенесения искушений: «прежде искушений человек молится Богу, как чужой кто, а после — как свой» (св. Исаак Сирианин, слово 5-е, стр. 30). И чем больше очищается сердце, тем яснее ощущает он любовь Божию, видит Его Промысл, остается покойным и не смущается.

И Господь Иисус Христос сказал: «Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят» (Мф. 5, 8).

А человека, очищающего свое сердце, Бог ведет дальше.

Еще раз изменится отношение человека к другим людям, — ведь человек всегда связан с ними. Когда человек смиряется, печалится и скорбит о своих грехах, то становится кротким, терпимым к слабостям и недостаткам своих ближних. Когда он начинает «искать правды», — делается милостивым. А когда очищается его сердце, то оно исполняется внутреннего мира, который есть «плод духа» (Гал. 5, 22) и о котором сказано: «Мир мног любящим закон Твой» (Псал. 118, 165).

Ощущая в себе этот мир, человек не только хочет исполнить заповедь — быть «в мире со всеми людьми» (Римл. 12, 18), но стремится, чтобы и все были в мире. От него самого как бы исходит мир, он легко успокаивает, примиряет враждующих, помогает их внутреннему умиротворению. В сердце миротворцев радость (Притч 12, 20).

И Господь Иисус Христос сказал: «Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими» (Мф. 5, 9).

Великая награда и честь называться сынами Божиими. Стремление к общему миру есть стремление к правде и Царству Божию, потому что «Царствие Божие не пища и питье, но праведность и мир и радость во Святом Духе» (Римл. 14, 17). Есть люди, которые не хотят мира, они противятся тому, кто призывает к миру и распространяет мир, они изгоняют того, кто ищет мира и стремится к нему.

И Господь Иисус Христос сказал: «Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное» (Мф. 5, 10).

Тот, кто за правду терпит, раньше должен стать кротким, милостивым и миротворцем, употребить все свои усилия, чтобы сохранить мир со всеми. Потерпеть за правду — это великая честь, и не все ее удастаиваются.

Но те, кто воистину за правду, из любви к Господу Иисусу Христу, терпят поношения, злословие и другие скорби внешние и внутренние, — те действительно блаженны: «Не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его» (1 Кор. 2, 9). И Господь Иисус Христос сказал: «Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески... злословить за Меня. Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах» (Мф. 5, 11—12).

Так раскрывается содержание этих «новых» заповедей. Это — духовная лестница, по которой совершает свое восхождение человек и достигает входа в Небесное Царство.

Все эти заповеди тесно между собою связаны; это ступени одной духовной лестницы. Они выражают единство движения души человека в ее устремлении к Богу.

Не за Господа и Его правду будет терпеть человек, если не станет прежде миротворцем, если не приложит всех своих усилий, чтобы быть «в мире со всеми людьми» (Римл. 12, 18).

Не сможет быть миротворцем, если не очистит раньше свое сердце.

Не очистится сердце человека, если не будет он милостивым.

Не станет он милостивым, если не пожелает от всей души, не «взальчет» и не «вжаждет» раньше не своей, не человеческой, но Божией правды.

Не пожелает человек этой правды, если не укротит прежде свои страстные стремления и пожелания, не будет терпеливым и кротким к другим людям.

Не сможет он быть кротким, если не пожалеет о допущенных грехах, не заплачет о них в покаянии.

Не сможет человек искренне раскаяться, если не «придет в себя», не почувствует себя ничего не имеющим, не смирится и не положит этим начала своему спасению.

Так возвращается к первой из этих «мысленных ступеней» каждый человек, рассматривая эти заповеди, размышляя о пути христианской жизни.

При всем различии подвижников, находящихся на каждой из этих ступеней, всех их назвал Господь Иисус Христос блаженными. Так говорит об этом св. Варсануфий Великий: «Большое в них различие, но одно и то же спасение души и одно царство» (Ответ 633-й, стр. 409).

На какой бы ступени ни застал Господь, призывающий к Себе душу человека, она, эта душа, будет блаженна, только бы не остановилась она где-нибудь в самодовольстве, но всегда стремилась к Богу по мере всех своих сил, «к почести высшего звания Божия» (Филип. 3, 14).

И когда наступает время покаяния, время «вхождения в себя» и внимательного размышления о своей жизни, Святая Церковь каждый год предлагает вниманию верующих все ту же «Лествицу, юже виде древле великий в патриарсех, указание... деятельнаго восхождения, ра-

зумнаго восшествия» (Великий канон св. Андрея Критского). А св. Иоанн Лествичник, книга которого также, по церковному уставу, прочитывается во время Великого поста, заканчивает ее призывом к такому благостному восхождению: «Восходите, братия, восходите усердно, полагая восхождения в своем сердце» («Лествица», Заключение, стр. 251).

Прот. П. Гнедич

О ВОСКРЕСНЫХ ЕВАНГЕЛЬСКИХ ЧТЕНИЯХ ЗА БОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТУРГИЕЙ

(Окончание)

Второй цикл евангельских литургийных воскресных зачал вмещает в себе в основном 32 Недели. Начинается он Неделями 1-й по Пятидесятнице, именуемой «Неделями всех святых». Повествуя в предшествующем, пасхальном цикле о «благодати и истине», которые «произошли через Иисуса Христа», Святая Церковь в данном цикле приступает к самой проповеди о полученных нами благах. Открывается этот цикл зачалом от Матфея (10, 32—33; 37—38; 19, 27—30), в котором повествуется о наградах, получаемых теми, кто всецело отдаются Христу, «исповедуют Его пред людьми», и следуют за Ним, «оставив дома, или братьев, или сестер, или отца, или мать». В этом зачале Святая Церковь показывает, для нашего назидания, неисчислимый сонм наследников обителей блаженных, сонм сподобившихся небесных наград за последование Христу. Зачало «Недели всех святых» является прологом к чтениям последующих Недель, ибо, открывая славу всех святых, Святая Церковь тем самым указывает нам на их путь, как на путь каждого христианина.

Чтения последующих Недель — до самого Великого поста — распределяются между свв. евангелистами Матфеем и Лукой. Сначала идут зачала из Евангелия от Матфея (в основном до 17-й Недели), а затем из Евангелия от Луки, с возвращением в Недели Сыропустную и Мясопустную к Евангелию от Матфея. Рассматривая этот цикл евангельских зачал, нетрудно убедиться, что Святая Церковь чтениями из одного, а затем из другого евангелиста повторяет один и тот же, вполне законченный круг вопросов евангельской истории, подобным повторением как бы желая сильнее запечатлеть в сознании верующих потребные для них вопросы спасения. На этой особенности данного цикла евангельских зачал мы остановимся ниже.

Зачало 2-й Недели по Пятидесятнице (Мф. 4, 18—23) посвящено призыванию свв. апостолов. В этом зачале повествуется о начале проповеди Спасителя: «Идите за Мною...» В обращении Господа к галилейским рыбакам слышится одновременно призыв Его и к каждому человеку: внимая всему дальнейшему благовествованию, не будь праздным слушателем его, но «следуй за Мною...»

Начиная с 3-й Недели по Пятидесятнице Святая Церковь в своих чтениях, в помощь последователям Христовым, раскрывает подробности учения и служения Спасителя и тем ярче живописует Лицо Господа Иисуса. В выборе этих евангельских зачал из всего учения Христова и сотворенных Им чудодеейных обращает на себя внимание забота Святой Церкви предложить наиболее важные моменты и примечательные события. В 3-ю Неделю (Мф. 6, 22—33) выбрано зачало, в котором Господь учит о поведении человека: «Свещильник для тела есть око...», «Никто не может служить двум господам...», «Ищите прежде Царствия Божия и правды Его...» Человеку напоминает о ценности его души,

о голосе его совести, как голосе Бога в человеке, к которому он должен прислушаться, о непрестанном Промышлении Божиим о Своем создании. Святая Церковь приглашает своих чад, устами Божественного Учителя, хранить и приумножать эти ценности, ибо только с их помощью возможно искание Царства Божия и правды Его.

Начиная с 4-й Недели и кончая 10-й Святая Церковь предлагает в евангельских чтениях повествование о чудодейниях Спасителя. Зачала этих Недель имеют целью не только показать верным Божественную силу Иисуса Христа, Которому повинуется не одна неодушевленная природа, но и «бесы о имени Твоем», — как с радостью поведали о том своему Учителю свв. апостолы, возвратившись с проповеди, — эти зачала имеют также назидательное значение, они как бы предназначены для научения слушателей Христовых тайнам веры: какова должна быть вера, из каких источников она питается и т. д.

В зачале 4-й Недели (Мф. 8, 5—13) благовествуется об исцелении больного слуги по вере и милосердному отношению к нему его господина — римского сотника. «Господи! слуга мой лежит дома в расслаблении и жестоко страдает», — обратился к Господу, в порыве сострадания к больному, сотник. «Я приду и исцелю его», — ответил Иисус. «Я недостойн, чтобы Ты вошел под кров мой, — возразил сотник, — но скажи только слово, и выздоровеет слуга мой». В словах сотника видна уверенность в силе Спасителя исцелить больного; эта вера к тому же окрылена глубоким смирением («Я недостойн...») и состраданием к горю ближнего. «Иисус удивился и сказал идущим за Ним: истинно говорю вам, и в Израиле не нашел Я такой веры». Святая Церковь, предлагая это повествование, учит нас сочетать искреннюю веру с делами: милосердием и смирением, и тогда — «как ты веровал, да будет тебе». Одновременно здесь указывается и на великое милосердие Божие к страждущим: «Я приду и исцелю его».

В зачале следующей, 5-й Недели предлагается событие в стране Гергесинской (Мф. 8, 28—9,1). Здесь вновь открывается великое милосердие Божие к страждущим и могущественная сила Господня, которой повинуется разрушительная сила злых духов, вышедших, по приказанию Иисуса Христа, из человека и низринувших в своей ярости с крутизны в море большое стадо свиней. В этом зачале Святая Церковь после повествования предшествующей, 4-й Недели изображает иную сторону души человеческой: глубокое бесчувствие к явному проявлению силы Божией, «глухоту» веры. Все это бывает потому, — назидаемся мы этим зачалом, — что мы часто не ценим небесного и наше благополучие для нас дороже дел милосердия и сострадания к ближнему; поэтому мы иногда огорчаемся «посещением» Божиим, — особенно если оно сопровождается призывом к некоторой с нашей стороны жертве, — и просим, чтобы Он «отошел от пределов наших», как просили Его жители страны Гергесинской.

Зачалом 6-й Недели Святая Церковь расширяет перед духовным взором верующего область чудодейний Христа. Он не только исцеляет болезнь тела, не только изгоняет злых духов, — Он Тот, Который совершает еще большее: имеет власть прощать человекам грехи их. Сам Господь, как повествует это зачало (Мф. 9, 1—8), видя помышления книжников, присутствовавших при исцелении расслабленного, спросил их: «Что легче сказать: «прощаются тебе грехи», или сказать: «встань и ходи»? — «Но чтобы вы знали, — прибавил Он, — что Сын Человеческий имеет власть на земле прощать грехи, — тогда говорит расслабленному: встань, возьми постель твою и иди в дом твой». Так Святая Церковь выбором евангельских чтений постепенно возводит верующих к высшему пониманию Лица Господа Иисуса. В чтении следующей Недели — 7-й (Мф. 9, 27—35), заканчивая повествование об исцелениях и научая, что чудная милость Божия посещает нас по вере в Него как

Вседержителя («Веруете ли, что Я могу это сделать?»), сопровождаемой настойчивой, усердной молитвой (случай с двумя слепыми в этом зачале), Святая Церковь словами св. евангелиста Матфея рисует широкою картину милосердия Божия к людям: «И ходил, — сказано, — Иисус по всем городам и селениям, уча в синагогах их, проповедуя Евангелие Царствия и исцеляя всякую болезнь и всякую немощь в людях» (Мф. 9, 35).

В зачалах 8-й и 9-й Недель повествуется о насыщении Иисусом Христом множества слушавших Его пятью хлебами и двумя рыбами, о хождении Его по водам и о признании со стороны апостолов Его Божо-сыновства. Эти зачала ведут нас дальше в область христологии и понимания мессианского достоинства Господа Иисуса Христа. Чудное насыщение пятью хлебами невольно должно было возносить мысли насытившихся к Тому, Кто питал манною народ Израильский в пустыне, а слушателей этого зачала приводит к разумению того, что Иисус Христос есть «Хлеб жизни, сшедший с небеси», — к постижению тайны Святой Евхаристии. Хождение по водам и укрощение бури, предлагаемые вниманию в евангельском чтении 9-й Недели, заставляют спросить: «Кто Этот, что и ветры и море повинуются Ему?» (Мф. 8, 27) и приводят к тому же убеждению, к какому пришли свв. апостолы: «Воистину (Он) Божий Сын».

Так заботливо руководя нас в постижении Божественной природы Сына Человеческого повествованиями о Нем как Целителя немощей телесных и духовных, Святая Церковь последовательно раскрывает перед нами Его силу как Творца мира. После этого только, в зачале 10-м (Мф. 17, 14—23), она показывает всю глубину зол, в которую впал человек: «О род неверный и развращенный! доколе буду с вами? доколе буду терпеть вас?» (Мф. 17, 17). Этот упрек Господа очевидцам Его благодеяний, это Его стенание по поводу жестокосердия и склонности человека ко греху провидел еще пророк Исаия, когда воскликнул: «Господи! кто поверил слышанному от нас? и кому открылась мышца Господня?» (Исаии 53, 1), а св. евангелист Иоанн по этому поводу говорит: «Столько чудес сотворил Он пред ними, и они не веровали в Него» (Иоан. 12, 37). Поэтому, хотя «род лукавый ищет знамения» и видел их, однако они, эти знамения, не исцеляют его от «течения злых страстей», но «как Иона был знамением для Ниневитян, так будет и Сын Человеческий для рода сего» (Лк. 11, 30). Это зачало оканчивается откровением искупительной миссии Господа Иисуса Христа: «Во время пребывания их в Галилее Иисус сказал им: Сын Человеческий предан будет в руки человеческие, и убьют Его, и в третий день воскреснет» (Мф. 17, 22—23). Для исцеления человека необходим подвиг, и для обращения его сердца к подвигу Спаситель волею избирает Крест.

Начиная с Недели 11-й и по 16-ю включительно литургийные евангельские чтения знакомят нас с некоторыми притчами Господа Иисуса Христа. В них Святая Церковь, возвращаясь к учению Спасителя, преподносит его верующим в наиболее сильной, наиболее впечатляющей форме притч. Этот раздел здесь звучит с большой силой потому, что «роду неверному и развращенному», который уже много слышал и видел «столько чудес, сотворенных Им», как бы в последнее предупреждение преподносится он в виду грядущего Божьего Суда. Святая Церковь еще раз заботливо обращается к своим чадам с призывом к покаянию.

В 11-ю Неделю мы слушаем притчу о милосердном царе и неправедном займодавце. В этой притче в сжатых, ярких образах дана картина нашего жестокосердия, нашего бесчувствия к проповеди милосердия и представлено изображение Страшного Божьего Суда. В зачале 12-й Недели нетрудно усмотреть развитие мысли предшествующей, 11-й

Недели: каково должно быть наше «поведение»? Как мы должны проходить свой земной путь, чтобы спастись? Кто может войти в Царство Небесное? В Своих ответах богатому юноше (Мф. 19, 16—26 — зачало 12-й Недели) Господь дает понять ему, чего еще он «не докончал». Святая Церковь этим чтением подводит нас к вершине Закона, ибо здесь указывается, чем нужно «восполнить» его, чтобы исполнить Христов Закон, закон благодати, возводящий нас к совершенству милующею и руководящею нас ко всему благому силою Божией, для которой «все возможно», возможно и то, что кажется «человекам невозможно» (Мф. 19, 26).

В Недели 13-ю, 14-ю и 16-ю верные слушают притчи о виноградарях, о брачном пире и о талантах. В этих трех притчах повествуется о тех духовных ценностях, которые ниспосланы Богом человеку для спасения. Под виноградником и брачным пиром следует разуместь Святую Церковь; таланты же в притче «о талантах» — это те дары, которыми наделены люди ветхозаветные — телесными и душевными способностями — и сыны Царствия — еще и благодатными дарами Святого Духа. Этими зачалами Святая Церковь от лица Господа как бы обращается к нам с укором: «Жители Иерусалима и мужи Иуды, рассудите Меня с виноградником Моим! Что еще надлежало бы сделать для виноградника Моего, чего Я не сделал ему?» (Исаии 5, 3—4). Здесь же раскрывается будущая участь тех, которые небрегут полученными дарами и испытывают долготерпение Божие.

Зачалом 15-й Недели (Мф. 22, 35—46), напоминая о заповедях, на которых «утверждается весь закон и пророки» — о любви к Богу и к ближнему — и которых не выполнили виноградари и званые на брачный пир, Святая Церковь открывает нам, Кто Тот, Который придет собирать Свои плоды в насажденном Им винограднике, судить намерения сердечные званых на вечерю и получить отчет об употреблении вверенных Им «талантов». «Что вы думаете о Христе? чей Он Сын?» — спросил Иисус, «когда собрались фарисеи» (Мф. 22, 41—42). Последние ответить на этот вопрос не могли, ибо, избрав себе за образец удел злых виноградарей, нерадивого раба, зарывшего талант, а также тех, которые пренебрегли брачным пиром царского сына, они утратили тайну Лица Мессии. Среди них окажемся и мы, назидает нас Святая Церковь, если мы, «слушая» слово Божие, «не слышим» Его.

Этими последними зачалами мы подходим к концу чтений из Евангелия от Матфея, поэтому зачала эти наполнены мыслями, приближающими нас к Крестной Жертве Сына Божия (убиение сына хозяина виноградника); здесь же звучат призывы к покаянию и приуготовлению к Суду Божию (изгнание с вечера одетого не в брачные одежды и осуждение зарывшего данный ему талант).

Цикл чтений из Евангелия от Матфея заканчивается обычно около праздника Воздвижения Честного Креста Господня. Естественно было ожидать в конце этих зачал повествования о смерти и воскресении Господа, поскольку в предшествующих зачалах мы уже приготовились к мысли о Его страданиях. Но календарно Пасха еще не наступила. Как бы в замену этой вселенской радости Святая Церковь предлагает сейчас замечательное благовестие «о жене-хананеянке» (Мф. 15, 21—28). «И се жена, — пишет св. евангелист, — ...возопи к Нему, глаголющи: помилуй мя, Господи, Сыне Давидов!» (Мф. 15, 22). «Се жена, — говорит св. Иоанн Златоуст, — древнее орудие искусителя, изгнавшая меня из рая, мать греха... такая же жена, той же самой природы, приходит к Иисусу. Новое и необычайное чудо! Иудеи убегают, а жена идет за Ним... Исповедует словом «Господи» Его владычество, а словами «Сыне Давидов» — принятие Им плоти» (св. Иоанн Златоуст. Творения, т. 3, стр. 465). Так логично завершает Святая Цер-

ковь этот цикл чтений: в одном из предшествующих зачал «никто (из иудеев) не мог ответить Ему ни слова на Его вопрос: «Что вы думаете о Христе? чей Он сын?», а здесь женщина-хананеянка выступает первой благовестницей Его Божества, она прообразует мироносиц, «она, — говорит св. Иоанн Златоуст, — не просит Иакова, не умоляет Иоанна, не обращается к Петру... но, взяв ходатаем своим покаяние, приступает к самому Источнику» (там же). Она как бы упреждает мироносиц, которые некоторое время спустя, первыми увидев Победителя смерти, «приступив, ухватились за ноги Его и поклонились Ему» (Мф. 28, 9). Этим зачалом Святая Церковь, предваряя радость Воскресения, благовествует, что для всех без изъятия, и для «хананеев», пришла спасительная благодать, брачный стол накрыт, «трапеза обильна... все насыщайтесь... все насладитесь пиршеством веры...» (св. Иоанн Златоуст. Слово огласительное на Святую Пасху).

*
* *

С Недели 18-й и по Неделю 32-ю (до Недель предпостовых) Святая Церковь, как бы желая сильнее запечатлеть в сознании верующих преподанное им в евангельских чтениях от Матфея вероучение, зачалами из Евангелия от Луки повторяет в основном тот же круг благовествования. Начинается этот круг повествованием о призвании свв. апостолов, далее излагается учение Господа, затем некоторые примечательные дела Его и, наконец, избранные притчи. Чтения от Луки, следуя в отношении выбора евангельских тем порядку, аналогичному чтениям от Матфея, иногда усиливают некоторые части проповеди Господа, или пополняют, в сравнении с евангелистом Матфеем, отдельные события евангельской истории. Кроме того, поскольку этот цикл чтений по времени приближает верующих к Великому посту, он и по духу своему содержит, с одной стороны, мотивы, располагающие верных к покаянию, с другой — картины великого милосердия Божия к Своему падшему созданию.

Как мы уже упомянули, начинаются зачала от Луки призыванием свв. апостолов, причем это повествование усиливает подобное же событие, изложенное у евангелиста Матфея, ибо у св. Луки призывание апостолов связано с чудным ловом рыбы. «Увидев это (чудный лов рыбы), — сказано, — Симон Петр припал к коленам Иисуса и сказал: выйди от меня, Господи! потому что я человек грешный. Ибо, — прибавляет св. Лука, — ужас объял его и всех, бывших с ним, от этого лова рыб, ими пойманных» (Лк. 5, 8—9). Рыбари были потрясены этим чудным ловом; постигая, к какому иному лову они призваны, они без рассуждения последовали за Иисусом. Так Святая Церковь в выборе евангельских чтений, как будто повторяя зачала евангелиста Матфея в цикле св. Луки, одновременно указывает нам в них и новую сторону, — она стремится не только настойчиво назидать нас, но и открывает перед верными многообразные проявления силы Божией, возводит все к высшим ступеням богословия и к пониманию Лица Господа Иисуса Христа. И данным зачалом, после того, как мы уже прослушали аналогичное повествование «о призвании» у евангелиста Матфея, она усиливает обстановку этого события, присовокупляя картину чудесного лова и указывая тем на Божию силу, сопутствующую как «ловцам человеков», так и всем тем, которые восхотели бы взять себе в удел следование Христу. Далее идет зачала, посвященные самой проповеди Спасителя. В зачале Недели 19-й (Лк. 6, 31—36) благовестие Господа звучит с большей силой в сравнении с аналогичным чтением от Матфея благодаря добавлению стихов о любви и милосердии (Лк. 6, 35—36). А в зачале следующей Недели (20-й) приводится назидательный

пример великого милосердия Божия к человеку, явленный в воскрешении единственного сына Наинской вдовы. Это зачало примечательно тем, что показывает силу сострадания Господа горю людскому. Сказано, что Иисус Христос, увидев горе матери, «сжалился над нею», сказал ей: «не плачь» и, воскресив сына ее, «отдал его матери его». Последний акт: «отдал его матери», — не только сжалился и воскресил, но и утешил мать, вернув ей сына, — подчеркивает трогательное, отеческое сострадание Божие к скорбям и нуждам человека.

В Недели 21-ю и 22-ю чтениями притчей о сеятеле и о богатом и Лазаре Святая Церковь расширительно — в сравнении с аналогичными чтениями из Матфея — поучает своих чад тому, как «имеющие уши» должны слушать слово Божие. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что, хотя у евангелиста Матфея имеется притча о сеятеле, но она не входит в цикл Матфеевых зачал, предлагается же только здесь, вероятно, все с той же педагогической целью, чтобы слушатели Евангелия снова оглянулись на пройденный путь и проверили себя, как они слушают Божие слово. Такой же цели служит и притча о богатом и Лазаре в зачале 22-й Недели. В этой притче в ярких и живых образах богатого и Лазаря представлена правда возможного нашего отношения к слову Божию, к «закону и пророкам» (в картине потрясающего бесчувствия непрестанно пирующего богатого, и безропотного терпения, напоминающего «терпение Иовле» (Иак. 5, 11), Лазаря), а также изображена загробная участь всех — и тех, кто слушает и слышит, и тех, кто слушает, но не слышит.

В следующих затем зачалах — в Недели 23-ю и 24-ю — в параллель к чтениям из евангелиста Матфея, повествуется о чудных деяниях Господа Иисуса Христа. Эти зачала, так же как и зачала от Луки, побуждают нас к более глубокому отношению к слову Божию, они как бы предназначены умножать и укреплять в нас веру. В повествовании св. евангелиста Луки событие с Гадаринским «бесным» изображается с большими подробностями, чем слышанное ранее у евангелиста Матфея. У св. Луки дополнительно, например, указано, что жители Гадаринской страны, «придя к Иисусу, нашли человека, из которого вышли бесы, сидящего у ног Иисуса, одетого и в здравом уме, и ужаснулись». Святая Церковь здесь как бы желает сказать, что гадарянам была предложена возможность созерцания этого события, некоторая возможность сравнения того, что было, — ибо гадаряне хорошо знали этого «бесного», — и что стало, и все же они «ужаснулись», убоявшись этого «посещения» Божественной силы. Этот страх понуждает их просить Его «удалиться от них», не «побыть у них», — как просили Господа Самаряне при встрече с Ним у колодезя Иакова (Иоан. 4, 40), — а скорее удалиться из Гадаринской земли. Большой силой назидания звучит повеление Господа исцеленному, который хотел остаться с Ним: «Возвратись в дом твой и расскажи, что сотворил тебе Бог» (Лк. 8, 39). «Возвратись», «расскажи» — это подчеркивает духовное нечувствие со стороны человека и заботу Господа о пробуждении нас от духовной инертности, об оживлении в нас веры.

Зачалом 24-й недели благовествуется об исцелении кровоточивой женщины и воскрешении дочери Иаира. «Не бойся, только веруй, и спасена будет» (Лк. 8, 50) — эти слова Господа призывают и нас к твердой вере в Промысл Божий в надежде на Его благое посещение.

Недели 25-я, 26-я и 28-я посвящены притчам Господним. Своим содержанием и характером назидания они одновременно и повторяют темы раздела притчей евангелиста Матфея и, учитывая приближение Великого поста, углубляют, соответственно времени, нравоучения. Например, первая притча этого раздела у евангелиста Матфея содержит повествование о милосердном царе и неправедном займодавце, и ей вполне отвечает первая притча у св. Луки, повествующая «о милосерд-

ном самарянине». Обе эти притчи раскрывают нормы нашего отношения к ближним, а многие обстоятельства притчи о милосердном самарянине еще и расширяют область проявления заботы о ближнем. Следующее чтение от Луки — о человеке, который собирал сокровища для себя — повторяет мысли соответственного зачала от Матфея — о богатом юноше. И в одном и в другом случае мы имеем аналогичное назидание: «Безумный! в сию ночь душу твою возьмут у тебя; кому же достанется то, что ты заготовил?» (Лк. 12, 20). Притча Недели 28-й о званых на ужин повторяет притчу соответственного раздела св. Матфея о званых на брачный пир с тем, однако, отличием, что притча Недели 28-й сильнее живописует милосердие Божие к Своему падшему созданию: «Господин! — говорит посланный «по улицам и переулкам города» собирать «нищих, увечных, хромых и слепых», — исполнено, как приказал ты, и еще есть место». «Пойди по дорогам и изгородям и убеди придти, чтобы наполнился дом мой» (Лк. 14, 21—23). Приказание «пойди», «убеди» и забота «хозяина дома», чтобы наполнился дом Его «возлежащими», показывают очам нашей веры широко открытые объятия Отца Небесного, Его безмерное милосердие к кающемуся грешнику. Этот мотив особенно подчеркивается в зачалах Недель 27-й, 29-й, 31-й и 32-й, в которых повествуется об исцелении скорченной женщины, слепого при дороге, десяти прокаженных и о посещении дома Закхея мытаря. «Сын Человеческий пришел взыскать и спасти погибшее» (Лк. 19, 10), — звучат в этих событиях слова Господа. Так постепенно Святая Церковь внутренне приближает верующих к Святой Великой Четырнадцатнице, к повествованию о Страшном Суде Божиим, к покаянию и молитве, промыслительно пробуждает, ободряет человека и утверждает его на стези спасения.

*
* * *

Чтения четырех предпостовых Недель — «О мытаре и фарисее», «О блудном сыне», «Недели Мясопустной» и «Недели Сыропустной» — распределяются между евангелистами Матфеем и Лукой. Недели эти непосредственно предшествуют Великому посту, и чтения этих Недель посвящены подготовке к достойному прохождению этого великого поприща. Чтение 1-й Недели («О мытаре и фарисее») научает нас молитве, 2-я Неделя («О блудном сыне») учит покаянию, 3-я Неделя («Мясопустная») представляет нам картину мздовоздаяния и Страшного Суда Божия, а также говорит о том, как можем мы сподобиться благословения Отца Небесного, 4-я Неделя («Сыропустная») призывает к прощению обид и к собиранию сокровищ нетленных. Характер этих зачал отличается своим глубоким воздействием на слушателя. Ему преподносятся в никогда не забываемых образах примеры искренней молитвы мытаря, глубокого покаяния блудного сына и потрясающая душу картина мздовоздаяния. Можно забыть слова, рисующие поведение мытаря, фарисея или блудного сына, но образы их, а также образ Милостивого Отца, отвергающего нераскаянных: «Идите от Меня...» (Мф. 25, 41), никогда не изгладятся из сознания, станут неизменными спутниками души; они будут либо наставниками, либо — в случае противления их нравственному влиянию — тяжелыми укорами совести.

Последующие чтения — чтения великопостных Недель — разделены между евангелистами Иоанном и Марком. В 1-ю Неделю Великого поста читается зачало из Евангелия от Иоанна (1, 43—51), — вновь слышится повествование о призвании св. апостолов, а также обещание Спасителя Своим последователям: «Истинно, истинно говорю вам: отныне будете видеть небо отверстым и ангелов Божиих восходящих и

нисходящих к Сыну Человеческому» (Иоан. 1, 51). На сей раз верные должны слышать в призвании св. апостолов призвание самих себя к подвигу, а в заключительных словах Господа (Иоан. 1, 51) разуметь великую награду — обещание открыть подвизающимся добрым подвигом небо Великого поста.

2-я Неделя Великого поста посвящена чтению из св. евангелиста Марка (2, 1—12) об исцелении расслабленного. В этом чтении повествуется, что принесенного к Нему расслабленного Господь сначала исцелил от немощей духовных («Прощаются тебе грехи твои»), а затем исцелил его и от телесной немощи («Встань,—повелел Он больному,—возьми постель твою и иди в дом твой»). Святая Церковь этим зачалом напоминает нам, чего прежде всего должны мы искать в подвиге поста — исцеления от расслабления духовного. Кроме того, обращает на себя внимание еще и следующее назидание: сказано, что Господь помог расслабленному, «видя веру их», то есть веру тех, которые принесли расслабленного, и не только принесли, но и проявили усердную заботу о нем: разобрали кровлю и спустили одр с больным к ногам Иисусовым. Святая Церковь подвизает нас чрез это к молитве и подвигу не только за себя, но и за ближних наших, ибо, как говорит св. Иоанн Златоуст, «никакой подвиг не может быть достаточно велик, если от него нет пользы другим. Хотя бы ты был постником, хотя бы спал на земле, хотя бы ел пепел, хотя бы непрестанно плакал, но если не приносишь пользы никому другому, ты не делаешь ничего великого» (Св. Иоанн Златоуст. Творения, т. XII, стр. 49).

3-я Неделя Великого поста — «Крестопоклонная». В евангельском чтении этой Недели (Мрк. 8, 34—9,1) мы слушаем проповедь Самого Спасителя о Кресте. Приготавливая верующих к созерцанию Голгофы, Святая Церковь предлагает нам быть соучастниками страданий Господа для того, чтобы познать спасительную силу Креста, а затем и радость Воскресения. «Кто хочет идти за Мною, отвергнись себя и возьми крест свой и следуй за Мною». Возлюбившие Крест «увидят Царствие Божие, пришедшее в силе», — так изъясняет Святая Церковь силу Креста, заканчивая зачало этой Недели.

Недели 4-я и 5-я Великого поста посвящены приготовлению верующих к приближающимся дням страданий Господа. Чтение 4-й Недели, повторяя историю исцеления «бесного» отрока, читанную в Неделю 10-ю по Пятидесятнице, открывает глубину зол, в которую ниспал человек в падении Адамовом: «О род неверный! доколе буду с вами? доколе буду терпеть вас?» (Мрк. 9, 19) и тем показывает, что обусловило тяжесть Креста Христова и необходимость искупительных Христовых страданий. Чтение 5-й Недели, кроме того, указывает образ поведения христианина в свете страданий Христовых: «Кто хочет быть большим между вами, да будет вам слугою... Ибо и Сын Человеческий не для того пришел, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу Свою для искупления многих» (Мрк. 10, 43, 45). Христианин должен в смирении нести подвиг жертвенного служения ближним.

6-й Неделей Великого поста заканчиваются чтения воскресных постовых литургийных евангельских зачал. Евангелие этой Недели изображает «Вход Господень в Иерусалим». Творец и Судия мира вступает в царственный Сион — не для того, чтобы судить мир, но чтобы мир судил о Нем, ибо дела Его пред очами всех. Те, кто принял в сердце благовестие Его Евангелия, кто достойно прошел поприще Святого поста, вместе с «отроками еврейскими» ликуют, встречая вход Господа в Свой возлюбленный город, радуясь этому великому проявлению любви Божией к Своему падшему созданию, ибо знают, что из Иерусалима Господь последует на Голгофу, дабы принять Свой Крест, о Котором Он проповедовал апостолам и, устами Святой Церкви, всем нам, и победить смерть и ад, явив славу Воскресения.

*
* * *

Обобщая все сказанное выше о воскресных литургийных евангельских чтениях церковного года, мы приходим к заключению о глубокой продуманности канона евангельских чтений. В подборе чтений этого канона мы видим заботу Святой Церкви сообщить своим чадам правила христианского поведения, преподать им назидание о цели христианской жизни, научить их истинам христианской веры.

Прот. И. Потапов

ДУХОВНО-УЧЕБНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СВЯТЕЙШЕГО ПАТРИАРХА АЛЕКСИЯ

До своей хиротонии в сан епископа Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексей около десяти лет состоял на духовно-учебной службе, — сначала в должности инспектора Псковской духовной семинарии (16 августа 1904 года — 16 сентября 1906 года), затем в должности ректора Тульской духовной семинарии (16 сентября 1906 года — 16 октября 1911 года) и ректора Новгородской духовной семинарии (октябрь 1911 года — апрель 1913 года).

Таким образом, духовно-учебная служба была его первым послушанием в иноческом чине и в священном сане, первым этапом в его церковно-общественной деятельности. И ныне, находясь уже на высоком свещнике Первосвятителя всей Русской Церкви, Святейший Патриарх Алексей продолжает проявлять неустанную заботу о возрожденных духовных школах наших.

Уместно поэтому вспомнить теперь о тех принципах духовного воспитания, которыми руководствовался и продолжает руководствоваться Святейший Патриарх Алексей в деле подготовки достойных пастырей Православной Русской Церкви. Изложение этих принципов мы находим в тех проповедях и речах, с которыми ректор семинарии архимандрит Алексей неоднократно обращался к воспитанникам и преподавателям руководимых им духовных школ. Он всегда говорил, что основными качествами пастыря должны быть непреклонная вера в Божественный Промысл, духовная целеустремленность, послушание и верность Православной Церкви.

*
* * *

Начало нового, 1904/05 учебного года в Псковской духовной семинарии. В речи молодого инспектора семинарии иеромонаха Алексея звучит призыв к духовной сосредоточенности. «Когда вы движением свободной воли отдадите себя в руководство тем, кому Господом вверено дело попечения о вас, тогда... в ваши сердца изольется мир и засеваемые в вас добрые семена дадут скорый и многий плод».

В своей вступительной речи к воспитанникам Тульской духовной семинарии 1 октября 1906 года их новый ректор о. Алексей, теперь уже архимандрит, говорит: «Со смущением внял я званию моему, со страхом принял я жребий сего служения, ибо не видел и не знаю в себе ни знания достаточного, ни опыта, ни разума, ни сил духовных. Но по званию христианина, по званию инока, я не дерзаю входить в рассуждение судеб небесных; в сознании своей немощи я смиренно предаю себя в водительство Божие и молитвенно уповаю, что

Господь совершит силу Свою в немощи нашей к назиданию и пользе врученных нам чад».

В этом же слове, разъясняя изречение св. апостола Павла «Слово Христово да вселяется в вас богато» (Колос. 3, 16), он наставлял: «Это значит, что вы должны слово Христово иметь постоянною мыслию в уме, господствующим желанием в сердце, руководящим началом в воле».

В другой своей речи он призывал будущих пастырей любить храм Божий. «Напоминаю вам,— говорил он,— возгревать в себе те дары духовные, которые восприняты вами в сей духовной школе. Вас учили здесь тому, чтобы любить святой храм Божий, любить и понимать дух богослужения православного в его величественной красоте. Любите же и старайтесь чаще «приметаться» дому Божию...»

В слове, произнесенном в Новгороде 13 июня 1912 года в день выпуска учеников духовной семинарии, он поучал их о необходимости использовать многогранную мудрость богословия в условиях пастырской деятельности. «Вы внимали здесь,— говорит он,— многогранной мудрости богословия; стойте же твердо в том учении, которому вы научены здесь; умеете дать ответ каждому вопрошающему вас о вашем уповании. Люди благочестивые и духовно настроенные именно у пастырей стремятся почерпнуть сведения из области богопознания. Что дадите вы сим алчущим и жаждущим, если сами зароете в землю данные вам здесь таланты знания?.. Изощряли ваш ум науками любознания и познания души человека для того, чтобы вы могли свободно разбираться в тех вопросах, которые во множестве встанут перед вами теперь, когда вы непосредственно столкнетесь с жизнью, дабы вы могли ясно видеть, где истина, где ложь, где справедливость, где беззаконие. Употребите во благо и сей талант».

В речах и словах, произнесенных в связи с памятью святых, звучит тот же призыв к духовной сосредоточенности и вере в Божественный Промысл. Так, 13 ноября 1907 года Православная Церковь отмечала 1500-летие со дня кончины св. Иоанна Златоуста. В слове, произнесенном в этот день, архимандрит Алексей говорил: «Познаём и мы ту истину, что не суета и не рассеянность обещают благословенные плоды, а жизнь сосредоточенная, собранная в себе... Вокруг св. Иоанна восставали волны, пенилось море житейское, бедствовал корабль его жизни, собирался на него собор, но он не боялся тех волн, не трепетал от бури: пусть пенится море, пусть вздымаются волны, он знал, что камни сокрушить они не могут, не могут и корабля Церкви они потопить... Ужели мы, братие, не убедимся сим примером, что и на нашем жизненном пути встречаемые скорби и невзгоды мы должны нести с твердостью, без уныния, с верою в то, что нас ко спасению ведет премудрый и всеблагий Промысл Божий».

В слове, произнесенном 22 октября 1911 года в храме Тульской духовной семинарии, архимандрит Алексей, обращаясь к преподавателям, говорил: «Возгревайте в сердцах ваших питомцев любовь и преданность святому Православию, любовь к пастырскому и учительному делу, поучайте их примером собственной жизни... Образ давайте им здравых словес «в познании тайны Бога и Отца и Христа, в Нем же суть вся сокровища премудрости и разума сокровенна» (Колос. 2, 2—3). Обращаясь к ученикам, он говорил: «Не упускайте единственного времени в вашей жизни, когда вы можете приобрести все потребное для вашей будущей деятельности; возлюбите пастырское дело; готовьтесь к нему усердною молитвою, чистою жизнью; возрастайте в благодати и разуме Господа нашего и Спаса Иисуса Христа (2 Петр. 3, 18). Не забывайте, что «начало премудрости» есть «страх Господень», и помните всегда, какое святое место дано вам от Господа в обиталище».

В бытность ректором семинарии (как Тульской, так и Новгородской) архимандрит Алексей многое делал для подготовки воспитанников к проповедничеству. И в той и в другой семинарии по его инициативе были организованы проповеднические кружки.

Особое внимание ректор архимандрит Алексей уделял также уставности богослужений. Это было отмечено, например, и в прощальной речи одного из воспитанников VI класса Тульской семинарии В. Петропавлова: «Ревностно относясь к поддержанию и укреплению в нас необходимого религиозного чувства и направления, Вы создали особенно торжественное и величественное богослужение, отличавшееся необыкновенным чувством и эстетикой. Это богослужение всегда умиляло и захватывало наши души, так что мы охотно шли в семинарский храм и искренне сожалели, когда по каким-либо обстоятельствам Вам не приходилось служить в нашем храме. Особенно это было грустно в большие торжественные праздники». О стремлении архимандрита Алексея к богослужебной уставности говорит также и тот факт, что в Новгороде он восстановил забытую церковную традицию, предписываемую Уставом, а именно — чтение Шестопсалмия предстоятелем или кем-либо из старших клириков. Архимандрит Алексей сам читал Шестопсалмие. «Новгородские епархиальные ведомости» отметили тогда этот факт, как необычайный. С сожалением заметим здесь, что в наши дни эта прекрасная традиция почти совершенно забыта.

*
* * *

Насколько успешно проходила деятельность будущего Патриарха Московского и всея Руси в области духовного просвещения и каково было отношение к нему учащихся и преподавательского персонала?

Ответ на этот вопрос найдем в прощальных речах преподавателей и воспитанников Тульской семинарии, произнесенных ими при отъезде архимандрита Алексея из Тулы к месту его нового служения — в Новгород, на должность ректора Новгородской духовной семинарии и настоятеля Свято-Антониева монастыря.

В этих речах с редким единодушием дана прекрасная оценка его деятельности по руководству духовной школой. Вот, например, оценка, данная преподавателем П. И. Малицким: «Вы не подходили под категорию тех начальников, которые слишком ярко подчеркивают свой начальнический авторитет, которые слишком резко проводят демаркационную линию между собою и подчиненным элементом, слишком властно, наконец, предъявляют свои требования к учебному заведению, не считаясь ни с условиями данного момента, ни с настроением учащейся молодежи, способной иногда, по увлечению, выступать за рамки дисциплинарных требований. Ваши отношения к подчиненным отличались поразительною простотой. Прибыв в качестве начальника семинарии в Тулу, Вы не захватили с собою того, что называется ореолом начальнического величия, а, ступив на семинарскую почву, Вы вытолкнули из-под своего подножия начальнический пьедестал и явились в нашу корпорацию как старший ее товарищ-сослуживец. У Вас установились самые близкие, самые дружественные отношения к корпорации. На всех Ваших отношениях к ней лежит отпечаток высокого благородства. Эти качества Вашего духа настолько в Вас естественны, настолько Вам присущи, настолько составляют специфическое свойство Вашего духовного склада, что они подмечены не нами только, но подмечены и по достоинству оценены учениками. И я смело могу сказать, что многие из Ваших учеников по выходе из семинарии, когда им придется устанавливать свои отношения к другим и создавать

себе положение в обществе, вспомнят своего доброго, благородного отца ректора и постараются обосновать свой авторитет и уважение к себе не на ходульных устоях дурного самолюбия, не на подчеркивании своих личных достоинств, а на тех свойствах Вашего духа, которые они видели и оценили и за которые так горячо, так сердечно Вас благодарили».

Инспектор семинарии П. И. Павлушков отметил большие трудности, с которыми ректору пришлось встретиться, так как «школу приходилось в те дни собирать почти сызнова. И для этого нужен был труд решительного и вместе осторожного, уверенного в себе, но и готового верить другим, твердо, но и мирно настроенного руководства». Инспектор отметил также те прекрасные качества о. ректора, которые содействовали крепкому и дружному объединению педагогического коллектива, облегчая его работу. «Не заносчиво-властным и жестким распорядителем вошли Вы в обширную и сложную область врученного Вам педагогического дела,— говорил он в прощальной речи.— С полным и открытым доверием отнеслись Вы тогда к новым Вашим сотрудникам, с истинным доброжелательством — к новым Вашим питомцам... Постоянная Ваша близость к корпорации, чисто товарищеская простота и ясность личных отношений, всегдашняя, неизменно доброжелательная участливость к обстоятельствам внеслужебной жизни каждого, наконец, полная отрешенность от мелочей, так часто засоряющих жизнь,— все это еще более укрепляло наш общий союз и в самые трудные дни облегчало нам нашу работу».

«За Вашу гуманность, за уважение к личности другого, за то, что «на чреде высокой Вы не забыли святейшего из званий — человек», — за все это сердечное спасибо Вам не только как ректору, но и как человеку», — сказал в своей речи преподаватель А. И. Краснопевцев.

Эта же мысль, но глубже развитая, была высказана воспитанником VI класса Вениамином Глаголевым. Он говорил: «Ваше отношение к нам было всегда только хорошим, добрым, сердечным. В своих отношениях к нам Вы были прежде всего человеком, а не начальником и учителем... За это человеческое отношение к нам мы благодарим Вас здесь теперь, в прощальный час. Кланяемся уму, кланяемся сердцу, кланяемся человеку, прежде всего и более всего человеку, и как знак нашего доброго отношения к Вам, как заверение нашей искренней любви и глубокого уважения к Вам мы просим Вас... принять от нас сей образ Спасителя... Христос, Бог и вместе высший образец истинного учителя и совершеннейшего человека, да поддержит Вас в Вашей доброй деятельности. Он да волеет в Вас силы к продолжению ее на новом месте Вашего служения Церкви и Родине и да усовершит ее еще более».

Воспитанник VI класса В. Петропавлов характеризовал своего ректора как приветливого, отзывчивого на все юношеские запросы начальника и доброго воспитателя-человека, отличительной чертой которого были простота обращения с каждым воспитанником... бережное отношение с душой каждого, соединенное с боязнью излишней суровостью запугать, оттолкнуть от себя. Его внимание и деятельность в продолжение пятилетней службы в семинарии всецело были направлены к выработке добрых, высоких чувств и взглядов в среде молодого поколения. Тепло, сердечно характеризовал воспитанник отношение ректора к частной ученической жизни: «Молодежь наша стыдилась злоупотреблять Вашим доверием и сердечным расположением к ней... В нашей частной жизни Вы постоянно шли навстречу нашим желаниям, неизменно сохраняя все те же отношения к нам. Случалась ли нужда у целого класса или у отдельного лица, все смело шли к Вам, будучи уверены, что Вы всегда, насколько возможно, поможете, дадите совет и, главное, всегда примете, примете приветливо и участливо... Зная по-

требность юношеского возраста в развлечениях, Вы не только не отказывали нам, но и всячески содействовали в устройстве наших невинных забав и увеселений».

И отзыв тульского духовенства в лице его представителя, члена правления духовной семинарии о. М. М. Зверева, слился с потоком приветствий и благопожеланий от преподавателей и воспитанников семинарии. «Наши дети видели в Вас живой образец, — говорил он, — строго выдержанной корректности, располагающей обходительности и чарующего изящества, которые обнаруживались естественно у Вас во всем: и в домашнем Вашем быту, и во внеклассном общении с воспитанниками, и в занятиях с ними на уроках, и в отправлении церковного богослужения, и в произнесении Ваших речей».

*
* * *

Таковой была деятельность Святейшего Патриарха Алексия на духовно-учебном поприще. В годы его работы на ниве духовного просвещения в нем выработались и созрели те высокие духовные качества, которые Промыслом Божиим привели его к многоплодному архиерейскому служению. Преподаватель П. И. Малицкий в своей речи сказал также и такие слова: «Искренне желаю, чтобы Тульская семинария в недалеком будущем могла послать Вам приветствие и выразить свое пожелание Вам многих лет здоровья в форме греческого многолетия «Ис полла эти, дэспота!»». Это пожелание исполнилось всего только через два года, но вряд ли кто мог тогда предвидеть, что неисповедимые пути Промысла Божия приведут епископа Алексия к патриаршему престолу.

Бывший ректор духовных семинарий архимандрит Алексей, возведенный впоследствии на патриарший престол Русской Церкви, много приложил стараний и трудов по организации и укреплению возрожденной духовной школы. Эта сторона его деятельности довольно подробно освещена в нашей церковной печати. Здесь мы отметим только суть этой деятельности.

Святейший Патриарх Алексей всегда говорил, что в области духовного просвещения мы должны стремиться прежде всего к тому, чтобы «из прежней школы взять то многое доброе, что она давала, и отрешиться от ее грехов, уклонений и ошибок». «Воздавая должное, более того, преклоняясь пред подвигами тружеников духовной науки прежних наших духовных академий, из стен которых вышли многие знаменитые архипастыри и пастыри, ученые богословы, обогатившие духовную науку своими трудами и исследованиями, мы, однако, должны позаботиться избежать тех ошибок и уклонений, которые, в сущности, и привели к тому, что, не без особого действия Промысла Божия, на некоторое время закрылись двери духовной школы, как бы для того, чтобы дать нам время обдумать, что именно требуется от духовной школы и от ее деятелей и чего она должна избежать, дабы ей быть подлинно школой духовной, дабы не посрамлена была в ней и невозбранно в ней действовала благодать Святого Духа» (из речи Святейшего Патриарха Алексия на акте Ленинградской духовной академии 14 октября 1946 года).

Возрожденная духовная школа, по мысли Святейшего Патриарха Алексия, должна быть «на высоте своего призвания и давать Церкви духовно просвещенных пастырей, усердных и благоговейных работников на ниве Христовой, задачей которых во все времена неизменно является не только собственное спасение, но и спасение вверенной паствы».

Подвизающимся же ныне на поприще духовного просвещения наставникам необходимо «употребить все усилия, чтобы возродить в наших духовных школах православное святоотеческое богословствование».

В. Талин

ЭРНЕСТ РАЙТ. БИБЛЕЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

Филадельфия — Лондон, 1957

Книга известного библеиста Э. Райта, автора «Вестминстерского исторического атласа Библии» и других работ, представляет собой сжатую сводку всех тех данных археологии, которые способствуют пониманию библейского текста и служат к нему иллюстрациями. В отличие от курсов библейской археологии прежнего времени материал расположен в ней в хронологическом порядке, охватывая период в несколько тысяч лет (от времен, описанных в первых главах «Бытия», до апостольской проповеди). Прежние руководства в первую очередь интересовались бытом и повседневной жизнью в библейские времена и в библейских странах, обобщая и систематизируя главным образом данные самого Св. Писания. Автор рассматриваемого руководства поступает иначе, опираясь главным образом на внебиблейские источники.

Книга открывается вводной главой (17—28), которая рассказывает о развитии библеистики в связи с усовершенствованием методов археологии и работами археологов на Ближнем Востоке. Если раньше при изучении исторической стороны Св. Писания мы не располагали ничем, кроме самой Библии и произведений греческих и эллинистических писателей (Геродота, Манетона, Иосифа Флавия), то, начиная с середины XIX века, в поле зрения исследователей Библии оказались памятники и документы, составленные непосредственно в библейские времена и проливающие свет на многие стороны истории и культуры древневосточных обществ. В первую очередь автор указывает на раскопки в Вавилоне, Ниневии и Палестине.

Вслед за введением идет глава, названная «Исполнины на земле». Следуя словам Быт. 6, 4, автор говорит о знаменитых властителях глубокой древности — Саргоне I Аккадском, фараонах — строителях пирамид, марийском царе Зимрилиме, дворец которого, имевший около 300 залов, был настоящим чудом света, вавилонском царе Хаммурапи — творце знаменитого «свода законов Хаммурапи». К сожалению, автор слишком бегло касается ряда важных исторических проблем, связанных с вышеупомянутыми царями. В частности, для понимания и истолкования некоторых глав книги «Бытия» огромную роль играют данные о двух последних царях. В архивах Зимрилима найдены донесения, которые свидетельствуют о том, что в районе Мари вели полуседельный образ жизни воинственные племена, называемые в текстах «Вениамин». Вождь этих племен носил титул «Давидум», что близко к библейскому имени Давид. Э. Райт, говоря об этих сообщениях, решительно отвергает возможность отождествления этого племени с библейским, не приводя, однако, при этом никаких аргументов. Между тем Мари расположен как раз вблизи Харрана — древнего центра, вокруг которого, согласно Библии, располагались кочевья ветхозаветных патриархов. Правда, мы сталкиваемся с серьезной хронологической трудностью, которая тесно связана с другим «исполином» древности — царем Хаммурапи. Согласно мнению большинства специалистов, Хаммурапи (точнее, Амрапи) тождествен с «Амрафелом, царем Шинера» (то есть Шумера — Южной Месопотамии), о котором говорится в 14-й главе «Бытия». Это мнение подтверждается тем, что другие цари, которые принимали участие в походе на запад, описанном в 14-й главе «Бытия», идентичны царям — современникам Хаммурапи. Таков, в частности, «Ариох, царь Элассарский». Его отождествляют с Ири-Аку (иначе это имя произносится Ири-Син, Рим-Син), царем Ларсы.

Все это совершенно обойдено молчанием в работе Э. Райта. Это тем более удивительно, что из всех вопросов ранней ветхозаветной периодизации этот вопрос наиболее сложный и интересный. Установлено, что Хаммурапи был современником Зимрилима, от времен которого дошли данные о племени Вениамина, и если мы отождествим Хаммурапи и Амрафела, то станет очевидным, что израильское колено Вениаминово в то время еще не могло существовать, ибо оно не было одновременно с Авраамом, и тогда марийские «вениамиты» не тождественны библейским, или марийские документы говорят о библейском колене, и тогда Амрафел — не Хаммурапи.

В главе III «Праотцы» автор анализирует сказания книги «Бытия» в историче-

ском и литературном аспектах. Он считает, что ввиду того, что повествования о патриархах долго существовали в устной форме, они сильно отличаются от рассказов в книгах Царств, записанных вскоре или одновременно с событиями, о которых они говорят. По мнению Э. Райта, история Авраама, Исаака и Иакова носит на себе ярко выраженные черты древневосточного эпоса, что отнюдь не снижает их исторической и духовной ценности.

Что дала археология для понимания и уточнения патриархальной истории? Разумеется, невозможно было рассчитывать на упоминание патриархов в древних памятниках, но зато мы узнаем, что имена предков и родственников Авраама (Харан, Нахор, Серух, Фарра) совпадают с названиями городов в «Арамейском поле» (Паддан-Арам), откуда, очевидно, и вышли праотцы. «Странствующий арамеянин был отец мой» (Втор. 26, 5). Отец Лии и Рахили Лаван назван арамейцем. Этот народ пришел в Месопотамию во время великого семитического вторжения в так называемую область «Плодородного полумесяца» (ок. 2000 г. до Р. Хр.). Из этого потока выделилось много племен, которые укрепились в северной Месопотамии; вероятно, «вениамиты» марийских архивов принадлежали к этой же группе племен. Среди них были и те, кого в клинописи называют «хабири» (хапиру), а в египетских памятниках — «аперу» (42). Прежде ученые склонны были отождествлять этот термин с «евреями». В книге «Бытия» (14, 13) Авраам назван «ха-ибри»; в других местах Св. Писания, когда об израильтянах говорят чужеземцы, они дают им это название. Однако теперь историки склоняются к выводу, что «хабири» — термин не этнический. Как полагают, его относили ко всевозможным полуседлым племенам, обитавшим на рубежах цивилизованного мира («хабири» — пришелец).

Весьма интересной иллюстрацией к обычаям, описанным в книге «Бытия», явились тексты, найденные в г. Нузи близ Ниневии. Из них с очевидностью следует, что хронология патриархов может быть уточнена и время их жизни должно относиться к периоду между 1900 и 1700 г. до Р. Хр. Обычай, которые известны из нузийских текстов, в более позднее время утрачивают свою силу и исчезают. Согласно этим текстам доверенный слуга по праву становился наследником бездетного господина (ср. Быт. 24, 2), а зять или приемный сын лишь тогда могут считаться полноправными наследниками, когда они будут владеть домашними божествами — «терафимами» (ср. историю с похищением этих «богов» в Быт. 29—31). В свете нузийского обычного права становятся понятны взаимоотношения Авраама и Агари и рассказ о продаже первородства Исавам.

Большой интерес представляет глава IV «Пребывание в Египте» (53—67): «Событие, которое было так важно для Израиля, было столь несущественно для египтян, что о нем не сохранилось указаний во внебиблейских памятниках. Тем не менее традиция должна иметь историческое основание». При этом автор ссылается на такие факты, как египетские имена Моисея и других левитов (Офни, Финеес, Пасхор, Хур, Мерари), и верность исторического колорита в рассказах о Иосифе и Моисее (значение, которое придавали в Египте снам, титул, который был дан Иосифу его хозяином, титулы виночерпия и хлебодача, враждебность египтян к пастушеским народам, продолжительный голод и пр.).

Возвышение Иосифа при дворе фараона становится понятным, если принять во внимание, что это было время господства чужеземной азиатской династии, цари которой стремились окружить себя доверенными людьми, опасаясь вражды туземцев. То, что Иосиф совмещал должность визиря с должностью начальника заготовок хлеба, имеет неоднократные параллели в истории Египта.

Область Гошен (Гесем), где поселился Иаков со своим племенем, названа в Псал. 77, 12 «поле Цоана». Цоаном же позднее называлась столица азиатских фараонов на востоке Дельты — Аварис (Танис). Вполне понятно, почему чужеземцы были рады, чтобы в окрестностях их главной цитадели обитали не египтяне, а азиатские пастухи. Это тем более очевидно, что с глубокой древности имели место факты появления сирийских и бедуинских кочевников в Дельте, обращавшихся к фараонам с просьбой приютить их на время голода. О связи между израильтянами и азиатскими фараонами, которых египтяне называли Хекау-Хасут (гиксосы), свидетельствует замечание в Числ. 13, 22 о том, что «Хеbron был основан за семь лет до Цоана египетского». Это замечание, очевидно, говорит о какой-то близости между этими двумя городами. Археология пролила свет на вопрос о Хеброне, который теперь может считаться, так же как Цоан, основанным гиксосами и который, как полагают, был их сирийской столицей около 1720 года. За эту дату говорит указание на стеле 1300—1320 года, свидетельствующей о том, что Цоан был основан за 400 лет до этого, то есть около 1700 г. «Как случилось, что позднейшие евреи в Палестине установили основание Хеброна гиксосскими строителями? Почему Танис должен был интересовать Израиль? Естественным будет ответ, что израильтяне имели тесные контакты с гиксосами, которые были в Египте в дни основания Таниса» (57). Другим свидетельством связи израильтян с гиксосами является библейское повествование об экономических реформах Иосифа. «Перед нашествием гиксосов египетской землей владели сильные феодалы. После изгнания иноземцев из страны мы видим исчезновение старой феодальной знати и замену ее чиновниками фараонов. Массы же, которые трудились на полях и в поместьях, были слугами, вернее, рабами фараона» (58). Эта перемена была связана с правлением гиксосов и находит параллель в Быт. 47, 20.

Говоря об исходе и Моисее, автор пытается найти им хронологические рамки. Раскопки показали, что Танис — столица завоевателей после их изгнания в 1570 году был заброшен и только в правление Рамсеса II (1317—1251) перестроен, восстановлен и переименован в Перрамсес (Дом Рамсеса). Близ него были найдены развалины другого города Рамсеса — Пиатома (в Библии — Пифом). На строительстве этих городов употреблялись люди «аперу». Все это великолепно иллюстрирует рассказ о притеснениях Израиля египетским фараоном. Однако вопрос о фараоне времени исхода еще не может быть разрешен так легко.

Из Библии явствует, что исход совершился при преемнике угнетателя Израиля. Поэтому Э. Райт хочет видеть в этом угнетателе отца Рамсеса — Сети I, полагая, что этот последний начал постройки, продолженные сыном. Делая так, он исходит из свидетельства, относящегося к 1200 г., согласно которому Израиль уже обитает в Ханаане (стела Мернептаха I), и потому относит исход к первой половине правления Рамсеса II. Однако эта датировка весьма сомнительна, ибо из Библии явствует, что строитель городов Пифома и Перрамсеса не был фараоном времени исхода. К этому надо добавить намек на долголетие фараона-угнетателя (Исх. 2, 23), которое подтверждается небывало продолжительным правлением Рамсеса II (66 лет). Таким образом для исхода остается промежуток от смерти Рамсеса до упоминания Израиля в стеле Мернептаха, промежуток всего в четыре года.

Глава, посвященная завоеванию Ханаана, содержит анализ стелы Мернептаха (70 и сл.) и повествует о быте и культуре Ханаана по данным археологии. Особенный интерес представляет археология Иерихона, оказавшегося мощной крепостью. Теперь мы имеем более конкретное представление о божествах и культах, которые представляли такой соблазн для израильтян. В Рас-Шамре, например, были найдены фигуры и рельефы, изображающие Ваала — бога, против которого боролся пророк Илия (108). Раскопки в Мегиддо показали, что вавилонский обычай гадать на глиняном макете печени был распространен в Израиле.

Глава «Золотой век» (120—145) посвящена археологии ранней царской эпохи, о находке руин дворца Саула в Гиве, о находке камней для пращи, известной из истории Давида, об остатках доизраильской крепости в Иерусалиме. Особенно много внимания уделено описанию дворца и конюшен Соломона в Мегиддо. Автор предлагает свою реконструкцию внешнего вида Соломонова храма, осуществленную совместно с известным историком и археологом В. Олбрайтом (138). Эта реконструкция существенно ничем не отличается от тех, которые были предложены раньше, и, если ей доверять, иерусалимский храм отличался благородной простотой форм. Большой интерес представляет надпись моавитского царя Меша, где упоминается имя Бога Израилева, а также предметы, найденные в древней Самарии (костяные украшения, статуэтки, сфинксы).

В разделе, посвященном гибели Иерусалима (164—179), автор иллюстрирует библейский рассказ репродукциями ассирийских рельефов Ниневии. Мы видим на этих рельефах жестокого царя Сеннахериба — современника пророка Исаии, осаду г. Лахиша, увод пленных, страшные сцены, свидетельствующие о бесчеловечности завоевателей. В переписке, найденной в г. Лахише, представляет интерес письмо, касающееся борьбы военной партии против пророка Иеремии (178).

Повседневной жизни людей Ветхого Завета, их одежде, занятиям, искусству посвящена глава XI (180—198). Глава XII рассказывает о временах, предшествовавших Рождеству Христову. Автор останавливается главным образом на персидском и эллинистическом периоде, рассказывая о находке арамейских документов, обнаруженных на о. Элефантине, которые свидетельствуют о том, что даже после плена иудеи далеко не всюду расстались с язычеством: в письмах наряду с Иагве упоминается богиня Анат и другие семитические божества. В связи с вопросом о закреплении ветхозаветного канона Э. Райт кратко касается Кумранских находок.

Последние две главы книги Э. Райта посвящены археологии новозаветной. Автор говорит здесь главным образом о реконструкции топографии древнего Иерусалима, башни «Антония» — резиденции Пилата (см. «Ж. М. П.» 1961, №№ 5—7), о возможности связей между ранним христианством и ессеями (см. «Ж. М. П.» 1957, № 12, 1958, № 8), о реконструкции капернаумской синагоги и о том, как археология освещает повседневный быт Святой Земли в евангельские времена. Далее, кратко остановившись на истории новозаветных манускриптов, Э. Райт делает археологический обзор городов, упоминаемых в Деяниях, Посланиях и Апокалипсисе.

Книга превосходно иллюстрирована, каждая глава снабжена библиографией, в конце книги приложен небольшой атлас, в состав которого входят восемь тщательно выполненных карт, помогающих пониманию библейской истории.

Нас отделяют от времени написания Библии много веков, и поэтому в ней есть немало мест и событий, для правильного понимания которых трудно обойтись без знания древней истории и тех данных, которые добыты лопатой археолога. Многие неясное и непонятное получит в свете этих данных верное толкование. Поэтому можно только приветствовать появление книги Э. Райта.

Свящ. А. Мень

Ответственный редактор — архимандрит ПИТИРИМ
Секретарь редакции — А. В. ВЕДЕРНИКОВ

Адрес редакции «Журнала Московской Патриархии»: Москва, Г-48, Б. Пироговская, 2
(бывш. Новодевичий монастырь)

Подписано в печать 21/III — 1962 г. Сдано в набор 22/III — 1962 г.
По оригинал-макету

Московская типография № 8
Управления полиграфической промышленности Мосгорсовнархоза
Москва, 1-й Рижский пер., 2
Зак. 258

